

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

10 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 10 (613) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Андреевич Марков* (1856–1922), русский математик.

Андрей Андреевич Марков родился в Рязани в семье чиновника Андрея Григорьевича Маркова, служившего в Лесном департаменте в чине коллежского советника, а затем вышедшего в отставку. Андрей Марков в детстве страдал туберкулезом коленного сустава и до десяти лет ходил на костылях. Только после операции, проведенной известным хирургом Кадэ, он получил возможность ходить нормально.

В 1866 году его отдали в 5-ю Петербургскую гимназию. Это классическое учебное заведение с преподаванием древних языков (латинского и греческого) пришлось мальчику не по вкусу; по большинству предметов он учился плохо, исключение составляла только математика.

По окончании гимназии Марков поступил в Санкт-Петербургский университет, где слушал лекции профессоров Александра Коркина и Егора Золотарева, а также Пафнутия Чебышева, оказавшего определяющее влияние на выбор научной деятельности молодого человека. В 1878 году он окончил Петербургский университет по математическому разряду физико-математического факультета. В том же году он был награжден золотой медалью за сочинение «Об интегрировании дифференциальных уравнений при помощи непрерывных дробей» и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. В дальнейшем он защитил свою знаменитую диссертацию «О бинарных квадратичных формах положительного определителя», а затем докторскую диссертацию «О некоторых приложениях алгебраических непрерывных дробей», сразу выдвинувшие его в первые ряды русских математиков.

Свою преподавательскую деятельность в Петербургском университете он начал в 1880 году в качестве приват-доцента. Вскоре ему был передан курс введения в анализ, а также курс теории вероятностей. С 1886 года по предложению Чебышева Марков был избран адъюнктом физико-математического отделения; через четыре года — экстраординарным академиком, а еще через шесть лет — ординарным академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Марков является первооткрывателем обширного класса стохастических процессов с дискретной и непрерывной временной компонентой, названных его именем. Марковские процессы можно описать так: следующее состояние процесса зависит вероятностно только от текущего состояния. В то время когда эта теория была построена, она считалась абстрактной, однако в настоящее время практические применения данной теории чрезвычайно мно-

гочисленны. Теория цепей Маркова выросла в огромную и весьма важную область научных исследований — теорию марковских случайных процессов, которая, в свою очередь, представляет собой основу общей теории стохастических процессов. Ученый существенно продвинул классические исследования предшественников, касающиеся закона больших чисел и центральной предельной теоремы теории вероятностей, а также распространил их и на цепи Маркова.

В общем списке научных трудов Андрея Андреевича работы по математическому анализу составляют более трети. Его внимание привлекали самые разнообразные вопросы: теория непрерывных дробей, исчисление конечных разностей, теория интерполирования функций, экстремальные задачи в функциональных пространствах, проблема моментов, теория ортогональных многочленов, квадратурные формулы, дифференциальные уравнения, теория функций, наименее уклоняющихся от нуля и многие другие. По многим разделам математического анализа Марков получил значительные результаты, которые играют важную роль и в наши дни.

Ученый воспринял идеи своего учителя Пафнутия Чебышева и занимался решением многих задач, поставленных в его трудах. Классические работы Чебышева и Маркова о предельных величинах интегралов составили основы теории моментов и теории экстремальных задач в функциональных пространствах.

Работ по теории чисел у Маркова сравнительно немного — 15, но они имеют непреходящее значение для этой теории. Сюда относится прежде всего диссертация «О бинарных квадратичных формах положительного определителя». Работа посвящена проблеме арифметических минимумов неопределенных бинарных квадратичных форм. В последующих статьях рассматривается проблема арифметических минимумов неопределенных тернарных и кватернарных квадратичных форм. Идеи и результаты исследований Маркова оказали большое влияние на дальнейшее развитие теории чисел.

В 1883 году Андрей Андреевич женился на Марии Ивановне Вальватъевой. Через 20 лет брака у них родился сын Андрей (полный тезка отца, тоже математик).

Умер Марков-старший в Петрограде в 1922 году и был похоронен на Митрофаниевском кладбище; в 1954 году захоронение было перенесено на Литераторские мостки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андрейченко А. М.

Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации..... 227

Белоусова Е. А., Павлова П. В.

Особенности участия несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном процессе..... 229

Босунова С. А.

К вопросу о субъектном составе договора возмездного оказания бытовых услуг 233

Босунова С. А.

Сущность и правовое регулирование договора возмездного оказания бытовых услуг 235

Будайчиев Б. Э.

Генезис идеи уголовного проступка в российском уголовном праве: историко-правовой анализ..... 237

Гамзатова П. Г.

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности: отечественный и зарубежный опыт..... 240

Гордиенко М. А.

Правовое регулирование и проблемы применения ответственности за имущественные правонарушения (договорные и деликтные аспекты) 244

Горелов А. В.

Трансформация стандартов доказывания в спорах о субсидиарной ответственности и понижении очередности удовлетворения требований 246

Ефремов М. С.

Правовые проблемы в деятельности обществ с ограниченной ответственностью и направления их преодоления. О роли института дополнительных обязанностей учредителей обществ с ограниченной ответственностью 248

Запорощенко С. Л., Кашапова А. Р.

Актуальность участия психолога в расследовании преступлений против половой свободы и неприкосновенности 252

Зенг В. А.

Правовые механизмы реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации..... 253

Зиятдинов Р. Р.

Кондикционная ответственность в российском и зарубежном гражданском праве 255

Кизликова М. Ю.

Квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного частью 2 статьи 245 Уголовного кодекса Российской Федерации ... 257

Кизликова М. Ю.

Понятие и сущность жестокого обращения с животными 260

Конева Е. С.

Правовое регулирование коммерциализации научно-технических проектов госпредприятий Республики Беларусь и Российской Федерации 264

Леонтьева М. М.

Пробация: социальная сущность и юридическая природа 267

Махлушева А. А.

Теоретико-правовой анализ института исковой давности в контексте современных тенденций правоприменительной практики... 270

Медведева Д. Е.

Коррупционные правонарушения в сфере управления государственными закупками: тенденции и профилактика 274

Мелёхин Д. В.

Преступления в сфере компьютерной информации: понятие и общая характеристика главы 28 УК РФ..... 276

Моисеенко А. А.

Объект особого пристрастия в компенсации морального вреда 277

Осяева Д. А., Галат Е. С. Особенности расследования экономических преступлений в период Великой Отечественной войны 280	Платов М. А. Правовая природа биржевых сделок и эволюция подходов к регулированию в России и за рубежом 286
Парфенов М. А. Защита имущественных прав владельцев привилегированных акций: новые подходы Конституционного Суда РФ 282	Поликарпов Т. Н. Участие адвоката на стадии проверки сообщения о преступлении 290
Первухина И. А. Сложности, возникающие при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции с использованием аудиопотоколирования и видео-конференц-связи 284	Помелова Ю. Б. Типология личности участников наркобизнеса 292
	Потапов Н. Д. Договорные конструкции в сфере строительства объектов недвижимости 294

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации

Андрейченко Анастасия Михайловна, студент

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В данной статье рассматривается как реализовано в Российской Федерации конституционное права на неприкосновенность частной жизни, а также основные принципы неприкосновенности частной жизни и основные проблемы в его реализации.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, личная свобода граждан, персональные данные.

Implementation of the constitutional right to privacy in Russian Federation

This article examines how the constitutional right to privacy is implemented in the Russian Federation, as well as the main principles of privacy and the main problems in its implementation.

Keywords: privacy, personal freedom of citizens, personal data.

С каждым годом частная жизнь гражданина становится все более уязвимой из-за возможного несанкционированного доступа к личной информации и недостаточной правовой защиты индивидуальных прав.

Статья 24 Конституции Российской Федерации устанавливает базовые основы сбора информации о личной жизни гражданина России. Часть 1 предусматривает, что любые действия с такими сведениями без его согласия не допускаются. Рассматривая обратную ситуацию, следует отметить, что сбор возможен только с согласия самого лица. Часть 2 посвящена обязанности органов публичной власти знакомить каждого с материалами и документами, затрагивающими его права и свободы, но с оговоркой — «если иное не предусмотрено законом».

На сегодняшний день с развитием технологий в мире таких как интернет и мобильная связь, а также с увеличением объёма обработки персональных данных, защита частной жизни граждан сталкивается с новыми вызовами. Нарушение неприкосновенности частной жизни может иметь серьезные последствия не только для отдельных граждан, так и для общества в целом.

Для того, чтобы понять, как в Российской Федерации реализована защита права на неприкосновенность частной жизни, разберем что такое «неприкосновенность частности жизни» и из чего она состоит.

Право на неприкосновенность частной жизни относится к числу личных прав и свобод человека и гражда-

нина. Личные права и свобода составляют основу правового статуса человека и принадлежат ему от рождения.

Право на неприкосновенность частной жизни включает в себя:

1. Неприкосновенность семейной жизни — это ограничения на вмешательство в семейные дела, в личные отношения с другими людьми. Личная и семейная тайна являются одним из элементов частной жизни. К личной и семейной тайне можно отнести тайну усыновления, тайну частной жизни супругов, личные имущественные и неимущественные отношения, существующие в семье и другие сведения. Право на личную и семейную тайну означает, что член семьи может требовать неразглашения соответствующих сведений, а также распоряжаться соответствующей информацией по своему усмотрению либо с согласия других членов семьи.

2. Неприкосновенность жилища — охраняет от вторжения на личную территорию. В числе прочего, это право включает защиту от неправомерного разрушения жилища, беспокоящих действий, в том числе от беспокоящего воздействия окружающей среды.

3. Неприкосновенность коммуникаций — право на установление коммуникаций с другими лицами без вмешательства и цензуры. Защищает от посягательства на все средства коммуникации (почта, телефон, электронная почта, Интернет) и включает право на собственно физическую неприкосновенность сообщений (чтобы теле-

фонный разговор не прерывался и письма доходили нераспечатанными и по назначению).

4. Информационная неприкосновенность — налагает запрет на разглашение информации о личности: личных и семейных тайн, любой информации, которая сокрыта от посторонних и характеризует личность человека, может, так или иначе, затрагивать его внутренний мир, отношения с другими людьми, а также персональных идентификационных данных человека.

В Российской Федерации защита неприкосновенности частной жизни граждан основана на ряде нормативных актов:

- Конституцию Российской Федерации;
- Гражданский кодекс Российской Федерации;
- Федеральный закон «О персональных данных»;
- Федеральный закон «О средствах массовой информации»;
- Материалы судебной практики.

В течение последних пяти лет учеными проводились множественные исследования, связанные с тем, как люди относятся к размещению своих персональных данных в «всемирной паутине» (говоря о персональных данных, имеется в виду ФИО, адрес проживания, номера кредитных карт, расчетных счетов, переписка и т. д.). И здесь очевиден высокий уровень беспокойства среди граждан Российской Федерации относительно сохранения личной информации в сети «Интернет».

Проведенные в 2025 году исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) свидетельствуют, что 57 % интернет-пользователей не уверены, что могут эффективно защищать свои персональные данные от онлайн-угроз, таких как фишинг, взлом аккаунтов и атак вирусов, а 84 % опрошенных россиян выражают беспокойство по поводу утраты контроля над своими персональными данными в сети из-за чувства беспомощности и отсутствия понимания принципов кибербезопасности.

Г. А. Юдин в своих исследованиях и публикациях неоднократно поднимает вопрос об негативном воздействии технологий на приватность и личную свободу граждан.

Появление искусственного интеллекта и развитие нейросетей ставит на иной уровень вопросы защиты данных о частной жизни лица. Стремительно быстрый процесс развития искусственного интеллекта (ИИ) в России действительно несет существенными рисками на право неприкосновенности частной жизни граждан.

Рассмотрим несколько основных аспектов, демонстрирующие опасность:

1. Сбор и обработка больших объемов данных. Современные технологии позволяют собирать огромное количество информации о людях, что облегчает выявление скрытых закономерностей и привычек. Без должной защиты это может привести к нарушению конфиденциальности и созданию профилей граждан, используемых для манипуляции поведением.

2. Применение глубинного анализа. Глубокий анализ большого массива данных способен выявить инфор-

мацию, которую сам человек может скрывать. Такое детальное знание делает возможным несанкционированное использование информации злоумышленниками.

3. Создание поддельных данных. Использование технологий ИИ позволяет легко манипулировать визуальной и звуковой информацией, создавая фальшивые фотографии, видео и аудиозаписи. Подобная технология способна разрушить доверие к личным данным и вызвать массовые фальсификации фактов.

4. Недостаточное правовое регулирование. Недостаточность действующих нормативно-правовых актов и низкая техническая грамотность населения усугубляют ситуацию, позволяя нарушителям свободно распоряжаться личной информацией.

Таким образом, для минимизации развития рисков, связанных с негативными последствиями развития ИИ в области защиты прав людей на неприкосновенность частной жизни необходимо:

1. Обнародовать четкие законы и нормативные акты, регулирующих сбор, хранение и обработку персональных данных. Необходимо законодательно ограничить доступ организаций к данным, ввести жесткие требования к защите персональной информации и обеспечить механизмы ответственности за нарушение норм.

2. Создать и развить кодексы профессиональной этики для разработчиков и исследователей ИИ (искусственный интеллект), которые будут включать принципы уважения частной жизни, справедливости и недопущению дискриминации.

3. На постоянной основе проводить обучение граждан основам цифровой гигиены и информационной безопасности.

4. Назначить строгий контроль за использованием ИИ государственными органами.

Относительно «молодое» право на неприкосновенность частной жизни, получило свое закрепление в середине XX века и проблемы его реализации требуют большего внимания, а именно:

1. Конституция РФ хотя и закрепила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, но реализация его сталкивается с пренебрежительным отношением к личности. Права человека должны быть абсолютной ценностью независимой от текущих проблем в экономической, финансовой, социальных и иных сферах.

2. Быстрое развитие технологических средств сбора и систематизации информации, широкое распространение электронных систем массовой коммуникации.

3. Многие граждане РФ не осознают до конца значимость прав и свобод человека и гражданина.

4. Несовершенство законодательство страны и отсутствие реальных механизмов защиты права на неприкосновенность частной жизни.

5. Низкий уровень общей и правовой культуры граждан РФ.

От того, насколько будет обеспечено соблюдение права на неприкосновенность частной жизни, гарантировано

сохранение тайн частной жизни граждан, как глубоко государство сможет проникать в содержание этих тайн, и какие основания для этого будут необходимы, зависит степень свободы личности в Российской Федерации, демократичность и гуманность политического режима.

В заключение отметим, что право на неприкосновенность частной жизни — это социальное благо, создающее условия, необходимые для всестороннего удовлетворения потребностей личности, и обеспечивающее демократическое развитие общества.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
2. Алексеев А. И. Право гражданина на неприкосновенность частной жизни: конституционно-правовые аспекты защиты // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 34–39.
3. Корнеева И. Л. Реализация права на защиту личной тайны и частной жизни в условиях цифровизации российского общества // Юридический вестник Саратовского университета. — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 65–72.
4. Романовская О. В. Персональные данные и защита прав субъектов персональных данных в России: правовые проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 6. — С. 83–88.
5. Морозова Н. А. Судебная практика реализации права на частную жизнь в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 3. — С. 103–108.

Особенности участия несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном процессе

Белоусова Екатерина Андреевна, студент;
Павлова Полина Вадимовна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена особенностям участия несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном процессе. В качестве опоры автор использует обзор судебной практики с целью выявления характерных особенностей производства следственных действий в отношении несовершеннолетних лиц. Критический анализ позволяет сделать вывод о том, что работа с данной категорией участников требует от правоприменителя не только строгого соблюдения процессуальных норм, но и учета возрастных, психофизических и социальных особенностей несовершеннолетнего. В статье подчеркивается, что игнорирование данных факторов при проведении допроса или иных следственных действий может привести к получению недостоверных доказательств и нарушению законных прав ребенка. Автор акцентирует внимание на необходимости дифференцированного подхода к тактике допроса в зависимости от возраста, а также на важности привлечения педагогов, психологов и законных представителей как обязательных гарантов защиты прав несовершеннолетних участников процесса.

Ключевые слова: несовершеннолетний свидетель, несовершеннолетний потерпевший, законный представитель, уголовный процесс, допрос несовершеннолетнего, защита прав несовершеннолетних, педагог, психолог, следственные действия.

Features of the participation of minor witnesses and victims in criminal proceedings

The article examines the specifics of the participation of minor witnesses and victims in criminal proceedings. The author uses a review of judicial practice to identify the characteristic features of investigative actions involving minors. A critical analysis suggests that working with this category of participants requires law enforcement officers not only to strictly adhere to procedural rules but also to consider the minor's age, psychophysical, and social characteristics. The article emphasizes that ignoring these factors during interrogation or other investigative actions can lead to the acquisition of unreliable evidence and the violation of the child's legal rights. The author emphasizes the need for a differentiated approach to interrogation tactics depending on age, as well as the importance of involving teachers, psychologists, and legal representatives as mandatory guarantors of the protection of the rights of minor participants.

Keywords: *minor witness, minor victim, legal representative, criminal proceedings, interrogation of a minor, protection of the rights of minors, teacher, psychologist, investigative actions.*

Детство является особым периодом в становлении личности человека. Его специфика заключается в том, что несовершеннолетний в силу возраста обладает ограниченным жизненным опытом, неполными знаниями об окружающем мире и недостаточно развитыми адаптивными поведенческими навыками. Совокупность перечисленных факторов обуславливает необходимость применения особой процедуры отправления правосудия с участием несовершеннолетних лиц, а психофизиологические особенности несовершеннолетних обуславливают необходимость предоставления им дополнительных процессуальных гарантий, обеспечивающих усиленную защиту их прав, свобод и законных интересов как участников уголовного судопроизводства. При этом существует прямая зависимость: чем выше уровень осознания несовершеннолетним сущности человеческих поступков, тем более уязвимым он становится в ходе следственных действий, связанных с воспроизведением негативных событий, что повышает риск нанесения ему психологической травмы [3, с. 150].

Существуют некоторые особенности участия несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном процессе. Рассмотрим некоторые из них.

1. Применение технических средств в уголовном судопроизводстве является важным инструментом фиксации хода и результатов следственных действий. В соответствии с частью 6 статьи 164 УПК РФ при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы фиксации следов преступления и вещественных доказательств [1].

Часть 5 статьи 191 УПК РФ устанавливает обязательное применение видеозаписи или киносъемки в ходе проведения допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Исключение составляют случаи, когда сам несовершеннолетний либо его законный представитель возражают против применения указанных средств фиксации.

В отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых законодатель не предоставляет права отказаться от применения видеозаписи или киносъемки в ходе следственных действий. Более того, глава 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» вообще не уделяет внимания регламентации этого аспекта. Очевидно, такое различие обусловлено особым статусом несовершеннолетнего, совершившего преступление, и приоритетом доказывания события преступления, исходя из назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в пункте 1 части 1 статьи 6 УПК РФ — защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в литературе, видеозапись, примененная при производстве следственного действия, не только фиксирует в динамике действия несовершеннолетнего, но и позволяет проконтролировать соблюдение его прав следователем. При этом следует помнить, что видеозапись фиксирует также высказывания и поведение сотрудников правоохранительных органов, и любые нарушения норм законодательства поставят под сомнение процессуальное значение проведенных следственных действий.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о сфере применения статьи 191 УПК РФ. Данная норма регламентирует применение видеозаписи или киносъемки с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей только при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте. Иные следственные действия, в которых могут участвовать несовершеннолетние потерпевшие или свидетели (следственный эксперимент, назначение и производство экспертизы, освидетельствование), в УПК РФ не регулируются. Представляется обоснованным распространить на все следственные действия с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей положения статьи 191 УПК РФ в части регулирования вопросов применения видеозаписи, поскольку данная норма является специальной по отношению к общей норме статьи 164 УПК РФ. Такой подход позволит обеспечить единообразное применение закона и дополнительную защиту прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства [4, с. 150].

2. В правоприменительной практике нередко возникает вопрос о допустимости производства следственных действий с участием несовершеннолетних в ночное время. Анализ уголовных дел свидетельствует о крайне редком использовании данного процессуального инструмента. Объяснение этому обстоятельству кроется в устойчивом убеждении большинства правоприменителей о недопустимости любых следственных действий в ночное время.

В случаях задержания лица в порядке статьи 91 УПК РФ следователи предпочитают руководствоваться частью 2 статьи 46 УПК РФ, согласно которой подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Такой подход представляется более безопасным для следователя, опасющегося за законность принимаемого решения и не готового отстаивать профессиональную позицию в случае возникновения спорных ситуаций. Дождавшись утра, следователь проводит допрос, минимизируя тем самым процессуальные риски [5, с. 109].

Между тем, на практике могут возникать ситуации, требующие производства допроса именно в ночное время. Например, несовершеннолетний свидетель или

потерпевший может располагать оперативно значимой информацией о личности нападавшего, его особых приметах, признаках похищенного имущества. Несовершеннолетний подозреваемый, в свою очередь, может сообщить о местах сбыта или хранения похищенного, которое к утру может быть реализовано или перепрятано, а также о приметах и данных соучастников [2].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ дает однозначный ответ на вопрос о допустимости ночного допроса несовершеннолетних: производство следственных действий в ночное время допускается, но при наличии существенного условия — если случай не терпит отлагательства (часть 3 статьи 164 УПК РФ). Согласно пункту 21 статьи 5 УПК РФ, ночным временем признается промежуток с 22 до 6 часов по местному времени.

Аналогичную позицию занимают и ученые-процессуалисты. Так, А. П. Рыжаков в своих работах отмечает, что часть 3 статьи 164 УПК РФ устанавливает общее правило о недопустимости производства следственных действий в ночное время, допуская исключение только для случаев, не терпящих отлагательства. Ключевым условием законности ночного допроса является наличие обстоятельств, свидетельствующих о том, что промедление грозит утратой доказательств, следов преступления, исчезновением преступника либо причинением вреда кому-либо. Несоблюдение данного условия влечет за собой признание результатов допроса недопустимым доказательством и их исключение из доказательственной базы [10, с. 148].

Таким образом, производство следственных действий с участием несовершеннолетних в ночное время допустимо, но исключительно в случаях, не терпящих отлагательства. Правоприменителю необходимо тщательно оценивать наличие указанных обстоятельств и быть готовым обосновать свое решение, поскольку в противном случае возникает риск утраты доказательственного значения полученных результатов.

3. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает обязательное участие педагога или психолога в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, если они страдают психическим расстройством или отстают в психическом развитии (часть 1 статьи 191 УПК РФ). Аналогичным образом законодатель решает вопрос участия педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, однако ограничивает данное требование только этим следственным действием (часть 3 статьи 425 УПК РФ).

В связи с изложенным возникает ряд вопросов, требующих теоретического осмысления и практического разрешения.

Первый вопрос касается возможности привлечения одного и того же педагога или психолога к участию в следственных действиях с различными несовершеннолетними участниками процесса. Например, допустимо ли приглашать социального педагога школы, в которой обучаются

оба участника, для работы с несовершеннолетними потерпевшим и подозреваемым? И может ли один педагог участвовать в очной ставке между несовершеннолетними потерпевшим и подозреваемым?

Педагог и психолог являются частными случаями специалиста в области детской педагогики и психологии, требования к которому содержатся в статье 58 УПК РФ. Специалист относится к иным участникам уголовного судопроизводства, не выступая ни на стороне защиты, ни на стороне обвинения. Основное требование, предъявляемое к нему уголовно-процессуальным законом, — обладание специальными знаниями [7, с. 99].

Представляется, если педагог или психолог действительно является ценным специалистом и его знания существенно помогают следователю достичь цели следственного действия, привлечение одного и того же специалиста к участию в различных следственных действиях с разными участниками уголовного процесса не противоречит закону, поскольку УПК РФ прямого запрета на это не содержит.

Что касается очной ставки между несовершеннолетними подозреваемым и потерпевшим, следует отметить, что УПК РФ не требует обязательного участия педагога или психолога в очной ставке с несовершеннолетним подозреваемым. В данном случае следователь может пригласить специалиста, руководствуясь по аналогии нормами, регламентирующими следственные действия с соответствующими участниками процесса. В ситуации, когда очная ставка проводится между двумя несовершеннолетними потерпевшими, не достигшими шестнадцати лет, участие педагога или психолога обязательно, и участие одного специалиста в таком действии не будет противоречить действующему законодательству.

Второй вопрос обусловлен тем, что законодатель обошел вниманием иные следственные действия, не предусмотрев обязательного участия педагога или психолога при производстве, например, следственного эксперимента с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем, либо проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

Хотя УПК РФ не дает ответа на этот вопрос, представляется обоснованным применение уголовно-процессуального закона по аналогии в части, касающейся привлечения специалистов. При этом важно подчеркнуть, что речь идет именно о возможности, а не об обязательном требовании, поскольку УПК РФ не содержит соответствующих императивных норм. [9, с. 111].

4. Важными гарантиями прав несовершеннолетних стали обязательное участие законного представителя в указанных следственных действиях, а также привлечение психолога в случаях, если потерпевший или свидетель не достиг 16-летнего возраста либо, независимо от возраста, страдает психическим расстройством или отстают в психическом развитии, особенно по делам о преступлениях против половой неприкосновенности. Кроме того, законодатель урегулировал вопросы применения видеозаписи и кино съемки при производстве следственных действий.

Несовершенство российского уголовного процессуального законодательства привело к тому, что на практике допросы несовершеннолетних свидетелей и потерпевших производились неоднократно. Данный факт, естественно, негативно сказывался на психике несовершеннолетних участников уголовного процесса, а также благоприятствовал аберрации предоставляемой ими информации.

Несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства в силу возрастных, физических и психических особенностей обладают повышенной уязвимостью к противоправным воздействиям. Особую опасность представляет давление, оказываемое на них посредством страха, который нередко выступает эффективным инструментом в механизме преступной деятельности. Указанный тезис подтверждается результатами эмпирического исследования. Согласно проведенному опросу несовершеннолетних в возрасте от 15 до 17 лет, 56,3 % респондентов заявили об отказе от сотрудничества с правоохранительными органами в случае, если бы они стали свидетелями преступления, а в ходе следствия им или их близким поступали бы угрозы. Оценка несовершеннолетними уровня собственной безопасности также вызывает тревогу: лишь 19 % опрошенных считают меры по защите лиц, содействующих правосудию, достаточными. При этом 57,7 % респондентов полагают, что безопасность указанных лиц обеспечивается не в полной мере, а 23,3 % затруднились с ответом [11, с. 192].

5. Особого внимания заслуживает право несовершеннолетнего потерпевшего на участие представителя. В соответствии с действующим законодательством, лицо, признанное потерпевшим, на стадии предварительного следствия может иметь представителя без каких-либо ограничений, за исключением случаев, предусмотренных статьей 72 УПК РФ. Если потерпевший изъявляет желание, чтобы его законные интересы представляло иное лицо, следователь обязан обеспечить условия для реализации данным лицом всех прав потерпевшего законными способами и средствами.

Статья 45 УПК РФ определяет круг лиц, которые могут выступать в качестве представителей потерпевшего: адвокаты, близкие родственники, а также иные лица, уполномоченные в силу закона представлять законные интересы потерпевшего при производстве по уголовному делу. Понятие «близкие родственники» раскрывается в пункте 4 статьи 5 УПК РФ, который относит к ним родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков, а также супругов [8, с. 87].

Для понимания роли института представительства в обеспечении безопасности несовершеннолетнего потерпевшего необходимо обратиться к категории дееспособности. Согласно части 3 статьи 45 УПК РФ, законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя наделяются теми же процессуальными правами, что и представляемые ими лица. Это позволяет представителю в полной мере ориентироваться в обстоятельствах расследуемого дела и рас-

ширять арсенал доступных ему средств для защиты прав и законных интересов представляемого [7, с.35].

Практическое значение данного правового механизма можно проиллюстрировать следующим примером. В ходе производства очной ставки между несовершеннолетним потерпевшим и обвиняемым последний может в завуалированной форме высказать угрозу расправы в адрес потерпевшего. В силу возрастных и психологических особенностей несовершеннолетний может не осознать серьезность угрозы либо не придать ей значения. В такой ситуации присутствие представителя приобретает ключевое значение: именно он способен своевременно акцентировать внимание сотрудников правоохранительных органов на высказанной угрозе, инициировав тем самым принятие необходимых мер реагирования.

Таким образом, гарантия участия представителя потерпевшего в уголовном процессе не превращается в декларативную норму и не носит формального характера, а выступает реальным инструментом обеспечения безопасности несовершеннолетнего. В связи с этим представляется обоснованным поддержать высказанное в процессуальной литературе предложение об обязательном участии представителя в случаях, когда потерпевший является несовершеннолетним и не может самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы [6, с. 34].

Подводя итог рассмотрению права потерпевшего иметь представителя, можно сделать вывод о том, что законодатель, предоставив потерпевшему данное право со всеми вытекающими последствиями, создал реальную возможность опереться в процессе расследования на помощь близких людей и профессиональных адвокатов, что, несомненно, играет существенную роль в обеспечении безопасности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что система мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, и в особенности несовершеннолетних, включает комплекс процессуальных средств, применяемых как в досудебном производстве, так и на стадии судебного разбирательства. Указанные меры реализуются в ходе производства отдельных следственных и судебных действий, среди которых можно выделить: контроль и запись переговоров; предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальный контакт; рассмотрение дела в закрытом судебном заседании; допрос без визуального контакта; а также избрание в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 97 УПК РФ.

Изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов защиты несовершеннолетних потерпевших и свидетелей от неправомерных посягательств. В связи с этим особого внимания требуют аспекты обеспечения безопасности указанной категории участников при производстве отдельных следственных действий.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 2019 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 27.10.2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4.
3. Корякина З. И. Процессуальный алгоритм обеспечения права на защиту несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу // Юридические исследования. 2019. № 10.
4. Смелова С. В. Особенности проверки сообщений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 4. — С. 150–151.
5. Солонникова Н. В. Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности // Общество и право. 2008. № 2 (20). — С. 224.
6. Третьякова Е. И. Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным несовершеннолетними // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 3–2.
7. Шаракшанова И. Н. Особенности возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего // Вестник магистратуры. 2022. № 11–4 (134). — С. 56–57.
8. Семенихин В. В. Ответственность организаций и их руководителей / В. В. Семенихин. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: ГроссМедиа, 2018. — 1014 с. 3.
9. Кучин О. С. Первоначальные следственные действия при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ / О. С. Кучин, А. В. Присекин, Г. А. Алиева // Российский следователь. — 2019. — № 4. — С. 13–15.
10. Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. П. Рыжаков. — Москва: Гарантсервис-университет, 2014. — 1289 с.
11. Анешева А. Т., Кузнецов А. А. Первоначальный этап расследования грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними: монография / А. Т. Анешева, А. А. Кузнецов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрлитинформ, 2018. — 192 с.

К вопросу о субъектном составе договора возмездного оказания бытовых услуг

Босунова Снежана Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье рассматривается субъектный состав договора возмездного оказания бытовых услуг в условиях отсутствия в гл. 39 ГК РФ специальных требований к сторонам договора. Обосновывается целесообразность учета подхода ст. 730 ГК РФ о бытовом подряде, поскольку такие отношения направлены на удовлетворение личных (непредпринимательских) потребностей гражданина. Анализируются требования к правосубъектности заказчика, включая возможность участия лиц 14–18 лет при совершении мелких бытовых сделок. Раскрывается статус исполнителя как субъекта предпринимательской деятельности, значение легальной дефиниции предпринимательства (ст. 2 ГК РФ) и государственной регистрации (ст. 23 ГК РФ), а также допустимость участия публично-правовых образований через созданные ими организации. Делается вывод о практической значимости предпринимательского статуса исполнителя для применения положений о публичном договоре (ст. 426 ГК РФ) и усиления защиты потребителя.

Ключевые слова: гражданское право, стороны договора, договор возмездного оказания бытовых услуг.

Любые договорные отношения предполагают наличие как минимум двух сторон. Положения ГК РФ, регулирующие договор возмездного оказания услуг (гл. 39), не содержат специальных требований к субъектному составу договора, вследствие чего в общем виде сторонами могут выступать любые лица, обладающие гражданской правосубъектностью. Вместе с тем применительно к бытовым услугам целесообразно учитывать подход, закреплённый в ст. 730 ГК РФ для договора бытового подряда, поскольку он отражает специфику отношений, направ-

ленных на удовлетворение личных (непредпринимательских) потребностей гражданина.

В этой связи исполнителем по договору возмездного оказания бытовых услуг, как правило, выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, тогда как заказчиком является гражданин (физическое лицо), приобретающий услугу для личных, семейных и иных нужд, не связанных с предпринимательством [2, с. 46].

Для того, чтобы физическое лицо являлось стороной в договорных обязательствах, оно должно быть пра-

восубъектным. Иными словами, участие гражданина в договоре предполагает наличие правоспособности и соответствующего объёма дееспособности, позволяющего самостоятельно приобретать права и нести обязанности.

В ст. 26 ГК РФ установлено, что лица, обладающие дееспособностью от 14 до 18, не вправе вступать в договорные обязательства без письменной санкции законных представителей — родителей. Однако в ч. 2 ст. 26 ГК РФ содержится закрытый перечень ситуаций, где лицо в возрасте от 14 до 18 вправе вступать в договорные обязательства без помощи родителей и одним из таковых исключений как раз является совершение мелких бытовых сделок. Указанное правило направлено на обеспечение баланса между необходимостью участия несовершеннолетних в гражданском обороте и защитой их имущественных интересов от необдуманных обязательств.

Следовательно, в качестве заказчика по договору возмездного оказания услуг уже может выступать лицо в возрасте от 14 лет. При этом в каждом конкретном случае важно оценивать, соответствует ли заключаемый договор критериям «мелкой бытовой сделки», поскольку превышение обычного объёма повседневных расходов может повлечь оспоримость сделки.

Исполнителем по договору возмездного оказания бытовых услуг может быть сторона, осуществляющая предпринимательскую деятельность. Данное положение обусловлено тем, что бытовые услуги, как правило, оказываются на профессиональной основе, предполагают систематичность, организацию процесса обслуживания и несение исполнителем повышенных обязанностей перед потребителем.

Легальная дефиниция предпринимательской деятельности содержится в ч. 1 ст. 2 ГК РФ и выглядит следующим образом «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг... данные лица должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке». Тем самым законодатель подчёркивает два ключевых элемента предпринимательства: систематичность деятельности и её осуществление на риск субъекта, что имеет значение и для распределения ответственности по договору.

На наш взгляд, целесообразно основываться на том определении, которое дано в статье 2 Гражданского Кодекса, во-первых, оно было предложено законодателем и закреплено в законе, во-вторых, другого определения пока не придумали. Также такой точки зрения придерживаются многие авторы. Например, К. В. Зудина высказывает своё мнение в пользу того определения, которое

содержится в статье 2 Гражданского Кодекса и называет его «легальным» [3, с. 41]. Дело в том, что использование легального определения позволяет обеспечить единообразие правоприменения и избежать подмены юридических критериев экономическими или бытовыми представлениями о предпринимательстве.

Стоит согласиться с тем, что данный вопрос является весьма дискуссионным, а потому мы предлагаем выделить в отдельную статью данное понятие и закрепить его на уровне Гражданского Кодекса, чтобы не было больше споров по поводу того, что это понятие не является легальным, что это просто пояснение и не имеет никакой юридической силы. Дополнительная нормативная конкретизация могла бы также закрепить критерии «систематичности» и «риска» применительно к отдельным видам деятельности, что особенно актуально в условиях развития самозанятости и цифровых сервисов [1, с. 57].

Таким образом, исполнителем по договору возмездного оказания бытовых услуг может быть только индивидуальный предприниматель, а также коммерческие юридические лица.

В ст. 23 ГК РФ закреплено: «гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым настоящего пункта». Следовательно, государственная регистрация выступает юридическим фактом, который подтверждает допустимость участия лица в предпринимательском обороте в соответствующем статусе и обеспечивает публичную достоверность сведений о таком субъекте.

Таким образом, индивидуальный предприниматель — это субъект гражданского права, который наделен правом участвовать в предпринимательской деятельности без образования юридического лица, также осуществлять права и нести обязанности, но только после государственной регистрации [4, с. 25].

С определенными оговорками можно говорить, что публично-правовые образования могут принимать участие в договорных отношениях возмездного оказания бытовых услуг, однако это осуществляется не непосредственно, а через свои муниципальные или государственные учреждения.

Так, к примеру, в Казани есть муниципальное унитарное предприятие (МУП) «Городская баня», то есть данное предприятие оказывает бытовые банные услуги.

Тот факт, что исполнителем является лицо, которое осуществляет предпринимательскую деятельность, весьма немаловажен, так как это означает, что в данном случае применяются положения ст. 426 ГК РФ.

Литература:

1. Антонов Ф. А. Особенности договора возмездного оказания услуг в Российской Федерации // Вестник магистратуры. — 2025. — №. 3–1 (162). — С. 57–59.

2. Воронов И. А. Договор возмездного оказания услуг и договор подряда // Вестник магистратуры. — 2014. — №. 6–2 (33). — С. 45–49.
3. Зудина К. В., Лошкарёв А. В. Понятие предпринимательской и экономической деятельности в российском законодательстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — №. 5–4. — С. 40–43.
4. Каширина Ю. П. Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации // Новое право. — 2022. — Т. 2012. — С. 24–27.

Сущность и правовое регулирование договора возмездного оказания бытовых услуг

Босунова Снежана Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты договора возмездного оказания бытовых услуг в системе гражданско-правовых обязательств. Отмечается, что при широком использовании в законодательстве термина «бытовые услуги» его содержание не получает легального определения, что обуславливает наличие дискуссий относительно сущности и правовой природы соответствующего договора. Автор анализирует признаки договора возмездного оказания бытовых услуг, раскрывает его консенсуальный, возмездный и взаимный характер, а также рассматривает вопрос о возможности отнесения данной конструкции к договорам присоединения и предпринимательским договорам. Особое внимание уделяется нормативной регламентации исследуемых отношений. Сделан вывод о комплексном характере правового регулирования договора бытовых услуг и необходимости более четкой законодательной конкретизации понятия «бытовые услуги».

Ключевые слова: гражданское право, договор возмездного оказания услуг, бытовые услуги.

В условиях развития сферы услуг и усиления роли потребительских отношений особое значение приобретает правовое регулирование договоров, направленных на удовлетворение повседневных нужд граждан. Договор возмездного оказания бытовых услуг занимает важное место в системе гражданско-правовых обязательств, поскольку непосредственно связан с обеспечением личных, семейных и иных непредпринимательских потребностей физических лиц. Вместе с тем вопросы определения сущности бытовых услуг и их нормативного закрепления продолжают вызывать дискуссии в доктрине и правоприменительной практике.

Относительно определения «бытовых услуг», то стоит отметить, что в действующем законодательстве термин «бытовые» часто используется, но не конкретизируется. К примеру, в п. 4 ч. 2 ст. 26 ГК РФ упоминаются мелкие бытовые сделки, положения ст. 730–739 ГК РФ посвящены бытовому подряду и т. д.

Так, анализ толковых словарей свидетельствует о том, что под термином «бытовой» следует понимать все то, что относится к повседневной жизни, то есть это такие ежедневные нужды.

В этой связи на основе вышеизложенного можно обосновано прийти к следующему выводу. Под договором возмездного оказания бытовых услуг стоит понимать соглашение потребителя и предпринимателя, направленное на предоставление таких услуг, которые удовлетворяют повседневные потребности физического лица.

По своим нормативным признакам договор бытовых услуг традиционно считается консенсуальным, возмездным, взаимным (двусторонне обязывающим) [2, с. 23].

Стоит также отметить, что некоторые исследователи полагают, что данная договорная конструкция относится к числу договоров присоединения.

Так, договоры присоединения применяются в гражданско-правовых отношениях, когда деятельность стороны допускает использование шаблонных форм соглашений. То есть соглашение присутствует лишь внешне, однако в действительности в определении условий соглашения свободна лишь одна сторона.

В качестве другого признака, который выделяют в научном сообществе — это то, что договор возмездного оказания бытовых услуг относится к числу предпринимательских договоров.

Предпринимательский договор — это такой договор, в котором обе стороны являются предпринимателями, преследующие цель по извлечению прибыли. То есть цель по извлечению прибыли должна являться основной причиной, из-за которой стороны и вступили в такое договорное отношение.

В том же случае, если в договоре лишь одна сторона предприниматель, то он не признается предпринимательским, так как отсутствует общая цель в виде извлечения прибыли. Предпринимательский договор характеризуется следующим набором признаков: возмездный характер, равноправие сторон, гибкость условий, наличие рисков [1, с. 164]

Относительно правовой регламентации договор возмездного оказания бытовых услуг, то стоит в первую очередь отметить Особенную часть ГК РФ, а именно часть 2 ГК РФ регламентирует предметно отношения, возникающие в ходе договора возмездного оказания услуг, в том числе бытовых услуг [3, с. 21].

В то же время ГК РФ не являются единственным нормативным актом, регламентирующим данные отношения. В качестве примера можно привести положения Закона «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300–1. Этот же закон регулирует отношения, возникающие при оказании услуг, устанавливает права потребителей на приобретение услуг надлежащего качества, получение информации о услугах и об их исполнителях, государственную и общественную защиту интересов потребителей, определяет механизм реализации их прав.

Помимо федеральных законов в качестве источников правового регулирования отношений по договору возмездного оказания бытовых услуг являются подзаконные нормативно-правовые акты.

К примеру, речь идет про Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1514 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения» (Далее — Правила).

Так, в п. 1 данных Правил отмечается, что они регламентируют отношения между потребителями и исполнителями в сфере бытового обслуживания. Такие отношения вытекают из договора бытового подряда и договора возмездного оказания услуг.

В п. 2 и 3 данных правил устанавливается какую информацию должен донести до сведения исполнителю потребителю и это не ограничивается исключительно положениями ст. 9 Закона «О защите прав потребителя». К примеру, исполнитель обязан донести информацию о стандартах, в соответствии с которыми оказываются услуги.

Литература:

1. Айрапетян Н. А. Понятие услуги как предмета договора возмездного оказания услуг // Аллея науки. — 2017. — Т. 3. — №. 10. — С. 164–167.
2. Аликберов К. Д., Альбов А. П. Некоторые проблемные аспекты реализации договора возмездного оказания услуг // Legal Bulletin. — 2020. — Т. 5. — №. 1. — С. 13–23.
3. Лермонтов Ю. М. Договор возмездного оказания услуг: гражданско-правовые отношения, налогообложение, бухгалтерский учет // Бухгалтер и закон. — 2007. — №. 12. — С. 20–30.
4. Уткин Г. Н. Характеристика обязательств по оказанию услуг в России // Аграрное и земельное право. — 2025. — №. 9. — С. 324–327.

Исполнитель обязан иметь книгу отзывов и предложений, которая предоставляется потребителю по его требованию.

В п. 4 данных Правил установлено, что такой договор заключается в письменной форме, а также содержится перечень сведений, которые должны быть отражены в договоре, к примеру, вид услуги, цена услуги, точное наименование, описание и цена материалов, если услуга (работа) выполняется из материалов исполнителя или из материалов (с вещью) потребителя; даты приема и исполнения заказа и т. д.

Такие договорные отношения могут быть также оформлены путем выдачи чека, билета и т. д., что и применяется на практике в случае приобретении готовой еды, билета в кино и т. д. [4, с. 324].

В то же время некоторые положения Правил полны бланкетными нормами и не несут в себе ничего нового, к примеру, раздел 3, который регламентирует Порядок оплаты услуг, просто отсылает к положению Закона «О защите прав потребителя» — в таком случае не было никакой необходимости в создании такого раздела.

Стоит также отметить Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2016 г. № 2496-р, где содержится перечень кодов видов деятельности в соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности, относящихся к бытовым услугам.

Помимо прочего существуют такие подзаконные акты, которые регламентируют порядок оказания определенной бытовой услуги. К примеру, Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2020 № 1515 «Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания».

Таким образом, на данный момент насчитывается множество нормативных актов, которые регламентируют отношения по поводу договора возмездного оказания бытовых услуг.

Генезис идеи уголовного проступка в российском уголовном праве: историко-правовой анализ

Будайчиев Будайчи Эмирулахович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Впервые понятие «уголовный проступок» появилось в тексте Свода уголовных законов 1832 года, где в ст. 1 закреплялось, что «преступлениемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подѣ страхомъ наказанія закономъ предписано». Далее в ст. 2 устанавливалось, что за преступления и проступки, по роду и мере их важности, виновные подвергались уголовным или исправительным видам наказания [11]. Анализируя текст данного акта, можно заметить, что содержательного разграничения между понятиями «проступок» и «преступление» как такового не производилось законодателем.

Далее законодателем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в ст. ст. 1 и 2 был закреплен материальный критерий дифференциации — объект посягательства. Так, согласно ст. 1, преступлением признавалось «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц». В свою очередь, под проступком понималось «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы» [8].

Указанный подход имел противоречивый характер, поскольку он отличался от традиционного критерия разграничения по формальному критерию, то есть привязке категории деяния к виду и размеру наказания или к особой подсудности. Такой формальный подход создавал легко применимые на практике границы: проступок — это то, что наказывается, например, арестом или штрафом и рассматривается мировым судьей. В связи с чем введенный в Уложении 1845 г. абстрактный материальный критерий без подкрепления формальными последствиями породил определенную дискуссию в научном сообществе того времени:

– сторонники первой позиции признавали, что деяние по объекту является нечетким, однако указывали на сохранившиеся косвенные различия в правовом режиме. Например, к проступкам на практике не применялись нормы о покушении (ст. 9–12) или соучастии (ст. 13–17), а сами они воспринимались как менее «порочащие» деяния [27, с. 24];

– приверженцы второй позиции утверждали, что деяние утратило прямой практический смысл. Они указывали, что отсутствие формального критерия (как-то: прямой связи с конкретными, более мягкими видами наказания или особой процедуры рассмотрения таких дел) привело к правовой неопределенности. Новый материальный критерий (объект посягательства) оказался на-

столько расплывчатым, что на практике наказание за проступок по своей строгости могло превосходить наказание за преступление [12, с. 188]. Законодательная техника Уложения 1845 г. лишь подтверждала, по их мнению, отсутствие последовательной воли к созданию самостоятельного института проступка с четким правовым статусом [24, с. 164–165].

Представляется, что вторая точка зрения является более обоснованной ввиду того, что классификация общественно-опасных деяний должна быть основана не только на объекте посягательства, но и на системе уголовных наказаний.

Между тем в дальнейшем институт уголовного проступка в рамках судебной реформы 1864 года [18, с. 108–109] и в связи с принятием Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [9], отграничивался от преступлений по формально-процессуальному критерию, а материальный критерий был исключен [22, с. 147]. Так, в ст. 1 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, было установлено, что «за проступки, означенные в сем Уставе, мировые судьи определяют на основании изложенных ниже правил следующие наказания: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания не свыше трехсот рублей; арест не свыше трех месяцев, и заключение в тюрьме не свыше одного года».

Указанный подход породил коллизию [12, с. 189], связанную с тем, что под юрисдикцию мирового судьи попадали и преступления небольшой степени общественной опасности, и такие деяния, как простая кража (ст. 170 Устава), мошенничество (ст. 173 Устава), за которое предусматривалось минимальное наказание в виде ареста. Это привело к смешению уголовно-правовых понятий и к рассмотрению в рамках единого производства у мирового судьи деяний, кардинально различных по характеру и степени общественной опасности [22, с. 148]. Представляется, что данный законодательный выбор, хотя и решал задачу разгрузки общих судов, был лишен последовательной уголовно-правовой логики. Определяющим должен быть характер и степень общественной опасности деяния, которые, в свою очередь, определяют соразмерную строгость наказания и выбор процедуры. В Уставе же доминирующей стала обратная логика: упрощенная процедура (подсудность мировому судье) и мягкое наказание фактически становились первичными классифицирующими признаками.

Завершающим этапом развития категории «уголовный проступок» [25, с. 496] в дореволюционный период стало принятие Уголовного уложения 1903 года [10], которое создало трехзвенную классификацию уголовно наказуемых

деяний — тяжкие преступления, преступления и проступки (ст. 3 Уложения). Институт уголовного проступка обрел четкую материальную основу (малая степень общественной опасности), ясные формальные границы (специфические виды наказаний) и системные правовые последствия (особенности процедуры рассмотрения данной категории дел и погашения ответственности), став полноценным элементом правового регулирования [23, с. 5].

Советский период ознаменовал собой принципиальный отказ от концепции уголовного проступка как категории уголовного права. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 6 установил, что «преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Несмотря на введение данной нормы, многие авторы утверждали, что преступления, которые рассматривались народным судьей единолично, формально можно было отнести к категории «проступок» [21, с. 38; 20, с. 66–67]. В том числе данный тезис подкреплялся наличием в уголовном законодательстве того времени административной и дисциплинарной преюдиции.

Также важным изменением стало принятие Кодекса РСФСР об административных правонарушениях [7], который предусматривал ответственность за преступления малой общественной опасности, ответственность за которые носила профилактический характер и не влекла судимости. Как справедливо отмечает Е. С. Изюмова, «именно основание отграничения преступления от административного правонарушения отличает ответственность за «маловажные преступления» и «проступки», которая зарождалась в императорской России от сложившейся в итоге административной ответственности в советском государстве. Если в досоветский период этим основанием являлась дифференциация правонарушений по степени тяжести, их общественной опасности, то после 1917 года административная ответственность стала отличаться от уголовной, в основном, процедурой наложения взыскания» [16, с. 18].

В дальнейшем с развитием уголовного законодательства [5] появление категории «преступление, не представляющее большой общественной опасности» не отменило принципиального отказа от категории «уголовный проступок», однако первая представляла собой механизм освобождения от уже наступившей уголовной ответственности.

В 1977 году была предпринята попытка закрепления уголовных проступков в уголовном законодательства путем установления Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» возможности применения мер административной ответственности за преступления, не представляющих большой общественной опасности [6]. По справедливому замечанию

В. П. Махоткина, введение подобной категории было обусловлено такими причинами, как: наличие в уго-

ловном законодательстве таких деяний, которые занимали промежуточное положение между преступлением и административным правонарушением; имеющаяся необходимость в устранении возникших противоречий между квалификацией деяния как преступления и применением за него мер общественного или административного воздействия; исключение возможности признания лица виновным в совершении преступления при внесудебном решении вопроса об освобождении его от уголовной ответственности [19, с. 119].

Необходимо отметить, что проблема подмены понятий и смещение отраслей критиковалась в доктрине за правовую неопределенность и субъективизм [23, с. 6]. В данном контексте С. Г. Келина высказывала мнение о необходимости упорядочения рамок судебного усмотрения для улучшения качества правосудия, а также о необходимости введения четкой классификации преступления с четким фиксированием в законе правовых последствий совершенного преступления определенной категории [17, с. 15].

К моменту распада СССР в 1991 году «уголовный проступок» отсутствовал в уголовном законодательстве уже на протяжении семи десятилетий. Возрождение же дискуссии о необходимости введения рассматриваемого института было связано с заседанием Пленума Верховного Суда Российской Федерации в октябре 2017 года, в результате которого было принято Постановление № 43 от 31 октября [3]. Далее соответствующий законопроект был направлен на рассмотрение в Государственную Думу [15]. Предложенный проект определял уголовный проступок как «преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». В этой модели проступок позиционировался как вид преступления с особыми правовыми последствиями.

Срок давности привлечения к уголовной ответственности за совершение уголовного проступка устанавливался в один год. В пояснительной записке к проекту закона указывалось, что введение уголовного проступка направлено на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства и расширение возможностей применения иных мер уголовно-правового характера к лицам, впервые совершившим уголовный проступок, на основании ст. 76.2 УК РФ [2].

Несмотря на представленную инициативу, данный проект был отозван ВС РФ в связи с разработкой новой редакции законопроекта. Кроме того, Правительство РФ дало отрицательный отзыв на данный законопроект, поскольку предлагаемые изменения в части освобождения от ответственности лица, совершившего уголовный проступок, не согласуются со ст. 52 Конституции РФ [1], а также не учитывают интересы потерпевших, которым в результате совершения уголовного проступка причинен вред [13].

В дальнейшем, Верховный Суд Российской Федерации, развивая идею, предложил новый проект феде-

рального закона [14], в котором акцент смещался не на введение новой категории «уголовный проступок», а на расширение применения существующего института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Понятие уголовного проступка включало в себя формулировку: «совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое настоящим кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы», за исключением некоторых преступлений.

Однако и эта законодательная инициатива, по данным электронной базы законопроектов Государственной Думы, не получила дальнейшего движения, поскольку в 2024 году после рассмотрения законопроекта Советом Государственной Думы было принято решение о его возвращении субъекту права законодательной инициативы, в связи с тем, что он предусматривал внесение изменений в законодательные акты Российской Федерации или их отдельные положения, срок действия которых истек либо которые являются утратившими силу [14].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что идея института уголовного проступка не является линейной, а развивалась циклически, проходя через фазы активного конструирования, отрицания и попыток его возрождения, что было обусловлено поиском оптимального баланса между материальной сущностью деяния и его формально правовым оформлением, в связи с чем периодизацию развития законодательства об уголовном проступке можно представить следующим образом:

– во-первых, этап зарождения (первая половина XIX в.), когда не предпринимались попытки четко раз-

граничить преступление и проступок, либо они основывались на неустойчивых критериях, что приводило к правовой неопределенности;

– во-вторых, этап систематизации, расцвета и наиболее удачной имплементации института уголовного проступка (первая половина XIX — начало XX в.), увенчавшийся созданием в Уложении 1903 года логичной модели, где материальный критерий (степень общественной опасности) находил прямое отражение в системе формальных последствий (иерархия наказаний, дифференцированные процессуальные режимы). Уголовный проступок обрел здесь статус полноценной, но смягченной уголовно-правовой категории;

– в-третьих, этап отрицания и замены (советский период), в результате смены государственно-правового строя приведший к полному отказу от категории уголовного проступка и вытеснению соответствующих деяний в иную правовую отрасль — административную, что создало устойчивую дихотомию «преступление — административное правонарушение», закрепив альтернативный путь декриминализации;

– в-четвертых, современный этап (рубеж XX-XXI вв. — по настоящее время), характеризующийся возвращением к доктринальной дискуссии и попыткам законодательного закрепления института уголовного проступка, сталкивающихся с необходимостью встроить данную категорию в устоявшуюся двухзвенную систему классификации правонарушений, что порождает дилемму о том, является ли уголовный проступок особым видом преступления или самостоятельной категорией.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 47. Ст. 7048.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 42 от 31 октября 2017 года // Официальный сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/24308/?ysclid=mf45036hmb127472675> (дата обращения: 02.09.2025).
4. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // ВШЭ. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=m-jq1de2344355191029 (дата обращения: 15.11.2025).
5. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // ВШЭ. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/14_ugol_kodeks?ysclid=m-jq1lrgwqch58326933 (дата обращения: 17.11.2025).
6. Указ Президиума ВС СССР от 08 февраля 1977 г. № 5199-IX «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» // Ведомости ВС СССР. 1977. № 7. Ст. 116.
7. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях // ВШЭ. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/kodex_ad-m1984?ysclid=mjq1gw0uh2143656690 (дата обращения: 15.11.2025).
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // ВШЭ. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulon-akaz1845?ysclid=mf47rxe1lc557205935> (дата обращения: 03.09.2025).
9. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // ВШЭ. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami?ysclid=mf49gk0wv9646142004 (дата обращения: 03.09.2025).
10. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. // НЭБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/?ysclid=mf49juw4k23812937 (дата обращения: 03.09.2025).

11. Свод законов Российской Империи. Том XV. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_xv/ (дата обращения: 03.09.2025).
12. Василенко М. М. «Уголовный проступок» и «преступление» в истории права: исторический и сравнительно-правовой аспекты // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2(117). С. 187–189.
13. ВС РФ отзывает из Госдумы законопроект об уголовном проступке // LEGAL.REPORT. URL: <https://legal.report/vs-rf-otzyvaet-iz-gosdumy-zakonoproekt-ob-ugolovnom-prostupke/> (дата обращения: 19.11.2025).
14. Законопроект № 1112019–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 02.09.2025).
15. Законопроект № 612292–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 02.09.2025).
16. Изюмова Е. С. Разграничение административного правонарушения и преступления в законодательстве советского периода (1917–1991 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 14–19.
17. Келина С. Г. Некоторые принципиальные идеи, лежащие в основе теоретической модели Уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т государства и права; [Редкол.: В. Н. Кудрявцев (отв. ред.) и др.]. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. С. 5–18.
18. Левин В. В. Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на правовую систему России // Социология и право. 2021. № 2 (52). С. 104–111.
19. Махоткин В. П. Преступления, не представляющие большой общественной опасности: Уголовно-правовое и криминологическое исследование: дисс.... д-ра юр. наук. Москва, 1992. 473 с.
20. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Общая и особенная часть. Одесса, 1926. 368 с.
21. Познышев С. В. Очерки основных начал науки уголовного права. Общая часть. М., 1923. 296 с.
22. Рогова Е. В. Уголовный проступок в дореволюционном законодательстве России // Известия Байкальского государственного университета. 2011. № 5 (79). С. 145–148.
23. Рогова Е. В. Уголовный проступок в истории отечественного законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 3. С. 1–8.
24. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. Т.6. М., 1988. 431 с.
25. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. Т.8. М., 1991. 545 с.
26. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1904. 434 с.
27. Старостин С. А., Фатьянов, А. А. Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 24–26.

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности: отечественный и зарубежный опыт

Гамзатова Пари Гаджиевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются правовые и организационные основы цифровизации контрольнонадзорной деятельности в Российской Федерации при их сопоставлении с зарубежными подходами к цифровому и рискоориентированному регулированию.

В исследовании автором анализируется обширная нормативная база (Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ, массив подзаконного регулирования, система единых реестров, государственные информационные системы), а также актуальная научная доктрина, отражающая влияние цифровых технологий на трансформацию модели государственного контроля, переход к постоянному цифровому мониторингу и внедрению платформенных решений.

Особое внимание в рамках исследования уделяется проблемам гарантий прав проверяемых лиц в условиях алгоритмизации планирования и проведения контрольных мероприятий, формулируется вывод о необходимости закрепления в законодательстве специальных «цифровых гарантий» и принципов прозрачности, предсказуемости и оспоримости автоматизированных решений в сфере КНД.

Ключевые слова: публичное право, государственный контроль, государственный надзор, цифровизация контрольно-надзорной деятельности, цифровое государство, государственные информационные системы, рискориентированный подход, Единый реестр видов контроля (ЕРВК), Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ); государственная платформа «ГосТех», цифровой мониторинг; административная реформа, цифровые гарантии прав, ОЭСР, Европейский союз (ЕС).

Цифровизация контрольнонадзорной деятельности (далее — КНД) в Российской Федерации представляет собой стратегическое направление административной реформы, направленное на повышение результативности государственного контроля и надзора, снижение административной нагрузки на профильные органы исполнительной и судебной власти и поступательный переход к риск-ориентированной модели выстраивания государственного управления как такового.

Следует иметь в виду, что цифровая трансформация экономических отношений и системы государственного воздействия на экономику по своей природе тесно переплетена с процессами глобализации, активно происходящим в современном мире [1, с. 5]. В связи с этим видится логичным и обоснованным поступательно исследовать отдельные аспекты трансформации подходов к законодательному регулированию и фактическому осуществлению КНД на примере Российской Федерации и зарубежных государства.

1. Понятие и цели цифровизации КНД

Под цифровизацией КНД обоснованно предлагается понимать трансформацию административных процедур контроля и надзора на основе информационнокоммуникационных технологий, включающую перевод ключевых стадий процесса публично-правового взаимодействия государства с гражданами и субъектами предпринимательской деятельности (с гражданами как индивидуальными предпринимателями/самозанятыми и юридическими лицами) в электронный формат, автоматизацию обработки данных и использование аналитики для планирования и проведения мероприятий КНД.

В отечественной доктрине подчёркивается, что речь идёт не о простом «оцифровывании» документов, а о качественном изменении форм и методов государственного воздействия, включая дистанционный контроль, автоматическая сортировка объектов по отдельным категориям при учёте риск-ориентированной модели и межведомственный обмен сведениями в машиночитаемом виде [1, с. 4–7].

Цифровизация КНД прямо связана с целями цифровой трансформации государственного управления, закреплёнными в стратегических документах, где акцент сделан на использовании данных в электронном виде и внедрении информационных технологий для оптимизации исполнения государственных функций.

Здесь речь идёт в первую очередь о следующих актах подзаконного толка, принятых во исполнение профиль-

ного Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2] и закладывающих цели осуществления политики государства по цифровизации, в том числе и в части цифровизации КНД:

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [3];

2. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [4].

Именно данные акты во многом способствовали началу полномасштабной реформы в сфере цифровизации государственного управления и, как следствие, созданию механизмов для переноса «классических» методик осуществления КДЛ в цифровую среду.

В одном из правительственных актов цифровая трансформация определяется как совокупность действий государственного органа, ориентированных на изменение модели государственного управления и внутренней организации его работы, включая порядок оказания госуслуг и исполнения публичных функций, посредством систематического использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в его деятельность [5].

2. Нормативноправовые основы цифровизации КНД в России

Ключевым актом, задающим основы цифровой реформы, является Федеральный закон от 31.07.2020 № 248ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Закон № 248-ФЗ).

Закон № 248-ФЗ устанавливает обязанности контрольных органов по использованию информационных систем, включая Единый реестр видов контроля (далее — ЕРВК), Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ) и Единый реестр проверок (далее — ЕРП), а также регламентирует электронный документооборот и раскрытие информации в сети «Интернет».

С 1 июля 2021 года в Российской Федерации начал действовать ЕРВК как подсистема Федерального реестра государственных и муниципальных услуг, содержащая совокупность данных о контроле и надзоре на всех уровнях публичной власти. ЕРВК включает описание видов кон-

троля и сведения о надзорных органах. Данный реестр служит первоисточником данных для других информационных систем, прежде всего ЕРКНМ. Правила формирования и ведения реестра контрольных мероприятий, утверждённые постановлением Правительства РФ от 16.04.2021 № 604 [6], обеспечили формирование единого образного массива данных о проверках и иных мероприятиях.

Реформа КНД сопровождается внедрением государственных информационных систем: ФГИС ЕРП, подсистем досудебного обжалования на портале «Госуслуги», реестров заключений о соответствии и иных ресурсов, интегрируемых через ЕРВК и ЕРКНМ. Нормативная база реформы тесно связана с рискориентированным подходом, предполагающим дифференциацию интенсивности осуществления государственного контроля и надзора в зависимости от потенциального вреда охраняемым законом ценностям, что также отражается в цифровых инструментах планирования и мониторинга.

3. Отечественный опыт цифровизации КНД: практические аспекты

Исследование М. А. Ступневой показывает, что во внутреннем государственном финансовом контроле приоритетными направлениями цифровизации являются развитие информационных систем, интеграция цифровых технологий в процессы планирования контрольных мероприятий и автоматизация сбора и анализа информации об объектах контроля [7, с. 124–128].

Автор фиксирует, что федеральные стандарты внутреннего финансового контроля допускают как автоматизированный, так и ручной сбор и анализ данных, что приводит к неоднородности уровня цифровизации в регионах и снижению общей эффективности контрольной деятельности [7, с. 126–127].

В статье Д. С. Егорова цифровизация рассматривается как фактор перехода к новой парадигме государственного финансового контроля, при которой мониторинг, встроенный в информационные системы, становится основой контрольной деятельности, а проверки сводятся к минимуму. На примере Федерального казначейства автором описывается использование автоматизированной системы казначейства, официального ресурса госзакупок, ГИС по платежам и портала о государственных учреждениях, что обеспечивает постоянный доступ к данным и позволяет встраивать контрольные инструменты непосредственно в бизнеспроцессы объектов контроля [8, с. 139–141].

Сводный доклад Правительства РФ, анализируемый в экспертной среде, свидетельствует о внедрении ГИС ТОР КНД, интегрированной с реестром обязательных требований, а также о развитии мобильного приложения «Инспектор» и подсистемы «Административное производство» для цифровизации проверок и дел об административных правонарушениях. При этом в научных

публикациях подчёркивается, что цифровизация государственного контроля и надзора требует совершенствования информационного обеспечения, архитектуры систем и правового регулирования, иначе сохраняются ведомственная разобщённость, различие платформ и стандартов и ограниченное использование аналитики данных [9, с. 144].

4. Зарубежный опыт цифровизации контрольной и надзорной деятельности

В зарубежной практике цифровизация контроля тесно связана с распространением рискориентированного подхода и концепции «digitalbydesign» в сфере правового регулирования. В последние годы в государствах — членах ЕС и странах ОЭСР усиливается тенденция к построению гибких рискориентированных регуляторных рамок, где интенсивность контроля и объём обязанностей регулируемых субъектов масштабируются в зависимости от уровня риска и возможного вреда [10].

Применительно к цифровому регулированию ЕС концепция «riskbased regulation» реализуется, в частности, в Общем регламенте по защите данных (GDPR) [11] и в формируемом регулировании сфере искусственного интеллекта (AI Act) [12], где устанавливаются категории риска и соответствующие требования к участникам рынка. Рекомендации ОЭСР по реформам лицензирования системы подчёркивают значимость цифровых технологий, практику использования «одного окна» и систематического expostанализа эффективности цифровых практик как способов снижения нагрузки на государственные учреждения и повышения прозрачности государственной деятельности как таковой.

5. Сопоставление отечественного и зарубежного опыта. Направления развития законодательства и правоприменительной практики

Сопоставление отечественного и зарубежного опыта позволяет выделить общие тенденции: переход к рискориентированному контролю, создание централизованных цифровых платформ, усиление аналитических компонентов и стремление к снижению административной нагрузки на бизнес. Российская реформа КНД с введением Закона № 248ФЗ, ЕРВК и ЕРКНМ в значительной степени стала соответствовать заданным трендам. При этом важно учитывать, что отечественная модель цифровизации КНД базируется на более жёстко централизованной государственной инфраструктуре данных и значительной роли прокуратуры и контрольных органов в планировании мероприятий.

В отличие от ряда зарубежных юрисдикций, где цифровизация контроля развивается через публично-частные партнёрства и систему дозволений, российская модель опирается на государственные информационные системы и нормативное закрепление ключевых про-

цессов в единых реестрах и платформах. В то же время отечественные исследования по цифровым технологиям в финансовом контроле и цифровому профилированию объектов контроля показывают движение в сторону платформенных решений, использованию цифровых профилей и «цифровых двойников», что сближает российский подход с современными зарубежными моделями управления рисками.

Перспективы развития цифровизации КНД в Российской Федерации связаны с углублением интеграции ведомственных информационных систем, повышением качества данных в ЕРВК и ЕРКНМ, внедрением алгоритмов предиктивного анализа и правовым обеспечением использования искусственного интеллекта в надзорной деятельности. Учитывая зарубежный опыт, особое значение приобретает закрепление требований к цифровой прозрачности алгоритмов, гарантиям прав проверяемых лиц в цифровой среде и механизмам независимого контроля за использованием данных и автоматизированных решений в КНД.

Представляется, что цифровизация КНД в Российской Федерации сформировалась не как вспомогательное техническое направление реформы, а как самостоятельный правовой и организационный феномен, трансформирующий саму модель государственного контроля и надзора. Цифровые реестры видов контрольно-надзорных мероприятий, платформенные решения и встроенная аналитика данных фактически изменяют характер взаимодействия государства и проверяемых субъектов: контроль смещается от эпизодических выездных проверок к постоянному цифровому мониторингу, основанному на анализе массивов данных и рискпрофилях. В этих условиях вопрос о гарантиях прав проверяемых лиц и прозрачности алгоритмов планирования и проведения мероприятий

приобретает статус ключевого принципа правового регулирования КНД.

В доктрине и правоприменении складываются основания для вывода о том, что дальнейшая цифровизация КНД возможна и допустима лишь при нормативном закреплении минимальных стандартов «цифровых гарантий» проверяемых лиц.

К таким стандартам целесообразно отнести: предсказуемость и проверяемость алгоритмических решений (включая доступ к информации о критериях рисккатегорирования), процессуальную обжалуемость действий в пределах разумных сроков, совершённых с использованием информационных систем, а также обязанность органов исполнительной власти обеспечивать целостность, актуальность и достоверность данных, загружаемых в реестры и платформы. Реализация этих стандартов на практике позволит в последующем подтвердить суждение о том, что цифровизация КНД не только не снижает уровень правовых гарантий, но и создаёт предпосылки для их усиления за счёт повышенной прозрачности и воспроизводимости контрольных действий.

Таким образом, можно заключить, что современный этап реформы контрольнонадзорной деятельности в Российской Федерации требует признания цифровизации КНД самостоятельным предметом правового регулирования, в рамках которого должны быть закреплены специальные принципы и механизмы защиты прав проверяемых лиц в цифровой среде. Без формализации этих принципов в федеральном законодательстве и подзаконных актах возникает риск «технологического смещения» баланса в пользу эффективности и управляемости контроля в ущерб обеспечению законности, справедливости и доступности юридических средств защиты для участников проверок.

Литература:

1. Агамагомедова С. А. Цифровизация государственного контроля и надзора: административно-процедурное содержание // Материалы работы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Юрия Марковича Козлова на тему: «Административно-правовые формы реализации исполнительной власти в условиях цифровизации государственного управления» (20 февраля 2020 года). 332 с.
2. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 31.07.2020. № 0001202007310018.
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
4. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // [электронный ресурс]: URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 16.02.2026).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // [электронный ресурс]: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010140027?ysclid=lh3puwh52z921256&index=9> (дата обращения: 16.02.2026).
6. Постановление Правительства РФ от 16.04.2021 № 604 (ред. от 01.07.2025) «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постанов-

ление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415» // [электронный ресурс]: URL: <http://government.ru/docs/all/133989/> (дата обращения: 16.02.2026).

7. Ступнева М. А. Цифровые технологии в контрольно-надзорной деятельности органов внутреннего государственного финансового контроля // Исследования молодых ученых: материалы LXV Междунар. науч. конф. (г. Казань, сентябрь 2023 г.). Казань: Молодой ученый. 2023. С. 124–128.
8. Егоров Д. С., Терехова Т. Б. Развитие государственного финансового контроля в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. № 1. С. 137–142.
9. Кузнецова Н. В. Информационное обеспечение государственного контроля предпринимательской деятельности в условиях цифровизации // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2023. № 18. С. 139–144.
10. Dunn P., De Gregorio G. Riskbased regulation in European digital constitutionalism // Digital Constitutionalist (DigiCon). 2022.04.26. [электронный ресурс]: URL: <https://digi-con.org/risk-based-regulation-in-european-digital-constitutionalism/> (дата обращения: 16.02.2026).
11. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене директивы 95/46 / ЕС (Общие правила защиты данных) // Официальный журнал Европейского Союза. 2016. L 119. 4 мая. р. 1–88.
12. The EU Artificial Intelligence Act Up-to-date developments and analyses of the EU AI Act // [электронный ресурс]: URL: (дата обращения: 16.02.2026).

Правовое регулирование и проблемы применения ответственности за имущественные правонарушения (договорные и деликтные аспекты)

Гордиенко Максим Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Статья посвящена анализу правового регулирования и проблем применения ответственности за имущественные правонарушения в гражданском праве Российской Федерации с акцентом на договорные и деликтные аспекты. Исследование выполнено во взаимосвязи с выпускной квалификационной работой и направлено на выявление ключевых противоречий правоприменительной практики, связанных с выбором правового режима ответственности, доказыванием убытков и квалификацией имущественного вреда. Особое внимание уделяется современной судебной практике Верховного Суда Российской Федерации за 2020–2024 гг.

Ключевые слова: гражданское право, имущественная ответственность, договорная ответственность, деликтная ответственность, имущественные правонарушения, судебная практика.

Введение

Ответственность за имущественные правонарушения занимает центральное место в системе гражданского права, поскольку именно через данный институт обеспечивается защита имущественных прав и законных интересов участников гражданского оборота. Эффективность правового регулирования ответственности напрямую влияет на устойчивость экономических связей, предсказуемость гражданского оборота и уровень доверия к судебной системе.

В условиях усложнения договорных конструкций, расширения сферы предпринимательской деятельности и возрастания количества комплексных имущественных споров особую актуальность приобретает проблема применения норм, регулирующих ответственность за имуще-

ственные правонарушения. На практике существенные трудности вызывает выбор между договорным и деликтным режимом ответственности.

Неправильная квалификация ответственности приводит к отказу в удовлетворении исковых требований, даже при наличии фактически причинённого имущественного вреда. В этой связи анализ правового регулирования и проблем применения ответственности за имущественные правонарушения приобретает не только теоретическое, но и выраженное практическое значение.

Настоящая статья подготовлена во взаимосвязи с выпускной квалификационной работой, посвящённой договорной и внедоговорной ответственности за имущественные правонарушения в гражданском праве, и направлена на систематизацию правовых подходов и судебной практики.

Обсуждение

Правовое регулирование ответственности за имущественные правонарушения в гражданском праве Российской Федерации основывается на сочетании норм обязательственного и деликтного права. Договорная ответственность применяется в случаях нарушения обязательств, вытекающих из договора, и направлена на защиту имущественных интересов сторон договорного правоотношения. Согласно статье 393 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) должник обязан возместить кредитору причинённые убытки при наличии вины, если иное не предусмотрено законом или договором [1].

Диспозитивный характер договорной ответственности позволяет сторонам заранее определить объём и пределы ответственности, включая установление неустойки, штрафных санкций и иных способов обеспечения исполнения обязательств. Однако судебная практика подчёркивает, что свобода договора не может использоваться для необоснованного ограничения ответственности либо перекладывания рисков на экономически более слабую сторону.

Верховный Суд Российской Федерации в ряде своих актов последовательно указывает на приоритет договорного режима ответственности в ситуациях, когда имущественный вред является следствием ненадлежащего исполнения договорных обязательств. В частности, в Определении от 22.06.2021 № 305-ЭС21–2964 отмечено, что обращение к деликтным нормам при наличии договора является неправомерным [2]. Данный подход подтверждается и последующей судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации [5; 9].

Вместе с тем в правоприменительной практике возникают ситуации, при которых имущественный вред причиняется в процессе исполнения договора, но выходит за рамки предмета обязательства либо затрагивает интересы третьих лиц. В подобных случаях возникает необходимость обращения к нормам деликтного права.

Деликтная ответственность регулируется нормами главы 59 ГК РФ и основана на принципе полного возмещения вреда. Её императивный характер обусловлен необходимостью обеспечения защиты абсолютных имущественных прав и публичных интересов, что находит отражение в современной практике Верховного Суда Российской Федерации [1; 9].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 24.03.2016 № 7 указал, что договорный режим ответственности подлежит применению во всех случаях, когда причинённый вред охватывается предметом обязательства, за исключением причинения вреда жизни, здоровью или иным абсолютным благам [3].

Новейшая судебная практика подтверждает данную позицию. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 12.02.2024 № 305-ЭС23–19876 подчёркнуто, что сам по

себе факт причинения имущественного вреда не образует оснований для применения деликтной ответственности при наличии договорных отношений, что также подтверждается аналитическими материалами правовых справочных систем [10].

Одной из наиболее сложных проблем применения ответственности за имущественные правонарушения является доказывание убытков, особенно упущенной выгоды. Суды предъявляют повышенные требования к доказательственной базе, что связано с необходимостью исключения гипотетического характера заявленных требований.

В Определении Верховного Суда РФ от 30.11.2020 № 305-ЭС20–16123 указано, что истец обязан доказать реальную возможность получения дохода при обычных условиях гражданского оборота, а также наличие причинно-следственной связи между нарушением и наступившими неблагоприятными последствиями [4]. Аналогичная позиция отражена в более поздних актах Верховного Суда Российской Федерации [6].

Дополнительно Верховный Суд РФ в Определении от 07.09.2023 № 305-ЭС23–10452 отметил, что оценка доказательств должна осуществляться с учётом характера обязательства, поведения сторон и экономического контекста спорных правоотношений.

Таким образом, анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет выявить ключевые проблемы применения ответственности за имущественные правонарушения, связанные с квалификацией правового режима ответственности и доказыванием состава гражданского правонарушения, что подробно анализируется как в судебной практике, так и в правовой доктрине [7; 8; 9].

Заключение

Проведённое исследование показало, что правовое регулирование ответственности за имущественные правонарушения в гражданском праве Российской Федерации характеризуется сочетанием договорных и деликтных механизмов защиты имущественных прав.

Основной проблемой правоприменительной практики остаётся выбор надлежащего правового режима ответственности, что требует от судов тщательного анализа характера правоотношений и причинённого имущественного вреда.

Современная судебная практика Верховного Суда Российской Федерации ориентирована на ограничение конкуренции договорной и деликтной ответственности и формирование единообразных подходов к квалификации имущественных правонарушений.

Выводы, содержащиеся в статье, могут быть использованы при подготовке выпускной квалификационной работы, а также при дальнейшем научном исследовании проблем ответственности за имущественные правонарушения в гражданском праве.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 305-ЭС21-2964 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
4. Определение Верховного Суда РФ от 30.11.2020 № 305-ЭС20-16123 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
5. Определение Верховного Суда РФ от 12.02.2024 № 305-ЭС23-19876 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
6. Определение Верховного Суда РФ от 07.09.2023 № 305-ЭС23-10452 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. — М.: Статут, 2019. — С. 214–230.
8. Сергеева А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право: учебник. Т. 1. — М.: Проспект, 2021. — С. 356–372.
9. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Судебная практика. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
10. Правовой портал «КонсультантПлюс». Аналитические материалы. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

Трансформация стандартов доказывания в спорах о субсидиарной ответственности и понижении очередности удовлетворения требований

Горелов Алексей Владимирович, студент магистратуры
Московский городской педагогический университет

В настоящей публикации представлен подробный анализ последних изменений в российском законодательстве о банкротстве, обусловленных принятием двух ключевых актов Верховного Суда РФ в конце 2025 года. Автор исследует переход правоприменительной практики от формального подхода к материальному при установлении статуса контролирующего должника лиц. Особое внимание уделено механизму понижения очередности требований связанных лиц и влиянию этого механизма на порядок исчисления итоговой суммы ответственности.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, аффилированность, понижение очередности требований, стандарты доказывания, компенсационное финансирование.

Современный этап развития отечественного института несостоятельности (банкротства) знаменуется окончательным отказом от незыблемости принципа имущественной обособленности юридического лица. Правоприменительная практика совершила решительный поворот к доктрине «снятия корпоративной вуали», направленной на раскрытие реальных центров принятия экономических решений.

В конце 2025 года правовая система получила два основополагающих документа: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 года № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» [3] (далее — Постановление № 41) и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 года № 42 [4], которое внесло изменения в ранее дей-

ствовавшее постановление о привлечении к ответственности (далее — Постановление № 42). Данные акты завершили процесс формирования единой системы правил ответственности бенефициаров и распределения конкурсной массы.

Постановление № 42 внесло существенные коррективы в порядок рассмотрения споров о субсидиарной ответственности. Ключевым нововведением стало закрепление активной роли суда. Верховный Суд указал на недопустимость пассивной позиции арбитражного суда в ситуациях очевидного информационного неравенства сторон. Поскольку кредиторы часто не имеют доступа к внутренней документации компании, арбитражному суду надлежит проявлять инициативу в вопросах сбора доказательств, оказывая содействие участникам спора в истребовании и раскрытии значимой информации.

Важным инструментом борьбы с сокрытием данных стала норма, закрепленная в пункте 56.1 Постановления № 42. Отказ контролирующего лица от дачи пояснений или непредоставление отзыва на заявление теперь рассматривается судом как косвенное подтверждение доводов кредиторов. Данная мера фактически вводит презумпцию вины за процессуальное бездействие и стимулирует ответчиков раскрывать реальные обстоятельства возникновения финансового кризиса в компании должника.

Также усилились требования к индивидуализации ответственности. Постановление № 42 подчеркивает, что нельзя привлекать к солидарной ответственности всех руководителей массово. Формальный статус директора или члена совета директоров не является автоматическим основанием для взыскания долгов. Суд обязан установить персональный вклад каждого контролирующего должника лица в доведении организации до банкротства. Арбитражным управляющим в свою очередь теперь необходимо доказывать, как именно конкретные убыточные решения повлияли на неплатежеспособность компании.

Существенные уточнения коснулись и субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве. В Постановлении № 42 Верховный Суд РФ подчеркнул, что данное правонарушение направлено против интересов неосведомленных кредиторов. Руководитель обязан компенсировать убытки только тем лицам, которые вступили в отношения с должником, будучи введенными в заблуждение относительно его платежеспособности. Если же контрагент в момент совершения сделки знал о финансовом кризисе компании, но сознательно принял этот риск, причинно-следственная связь между бездействием директора неподачей заявления и убытками такого кредитора отсутствует. Тем самым суд разграничил ответственность перед добросовестными внешними кредиторами и информированными участниками.

Важнейшим дополнением к мерам ответственности стало внедрение жестких правил понижения очередности требований связанных лиц, детально описанных в Постановлении № 41. Главная цель этого механизма — защита независимых кредиторов от действий недобросовестных бенефициаров, которые пытаются включиться в реестр наравне с обычными контрагентами.

Высшая судебная инстанция закрепила концепцию «компенсационного финансирования». Предоставление денежных средств компании в условиях имущественного кризиса, когда уже присутствуют признаки неплатежеспособности, расценивается судом не как обычный заем, а как попытка спасти свой бизнес. Риски такой деятельности должен нести сам собственник, а не внешние кредиторы. В такой ситуации требования контролирующего лица не могут конкурировать с требованиями независимых участников оборота и подлежат удовлетворению в последнюю очередь после погашения реестра.

Раскрывая эту мысль, Верховный Суд РФ отметил, что экономически обоснованной формой финансирования в такой ситуации является увеличение уставного капитала.

Если контролирующее лицо вместо докапитализации выбирает модель предоставления займа, оно тем самым пытается уклониться от корпоративных рисков. Суд исходит из того, что выбор заемной конструкции в условиях кризиса направлен на получение необоснованного преимущества перед независимыми кредиторами. Поэтому такие заемные средства юридически перекалфицируются в капитал, и право требования по ним утрачивает приоритет.

В связи с этим Верховный Суд в Постановлении № 41 уделил значительное внимание стандартам доказывания при проверке внутригрупповых сделок. Теперь контролирующее лицо обязано исчерпывающим образом раскрыть обстоятельства финансирования и подтвердить источники происхождения денежных средств. Невыполнение этой обязанности или неполное раскрытие сведений признается недобросовестным поведением и влечет отказ в судебной защите. Суд обязан проверять не только наличие договора займа, но и реальную финансовую возможность кредитора предоставить указанную сумму.

Особые правовые последствия привлечения к ответственности предусмотрены для номинальных руководителей. Постановление № 42 уточнило условия, при которых возможно снижение размера ответственности для такой категории лиц. Для уменьшения суммы взыскания номинальный руководитель должен не просто заявить о своей фиктивной роли, а активно содействовать правосудию. Это подразумевает раскрытие сведений о лице, фактически контролирующем компанию, и помощь в поиске скрытого имущества должника. Суд оценивает полноту и достоверность этих данных. Если благодаря показаниям номинального руководителя удастся вернуть активы в конкурсную массу, размер его ответственности может быть существенно снижен или даже полностью исключен в части субсидиарной ответственности. Такой механизм направлен на разрушение недобросовестной солидарности внутри таких групп.

Системный анализ новых разъяснений показывает, что институты понижения очередности требований и субсидиарной ответственности неразрывно связаны. Постановление № 41 стало логическим продолжением политики Верховного Суда по выравниванию прав кредиторов и должников.

Эта связь напрямую влияет на порядок определения размера взысканий. Объем субсидиарной ответственности представляет собой разницу между общим реестром требований кредиторов и стоимостью выявленного имущества должника. Исключение требований связанных лиц из приоритетной очереди позволяет установить справедливый размер ответственности. Требования, которые были признаны корпоративными или компенсационными, не должны учитываться при расчете размера вреда, причиненного независимым кредиторам.

Судебная практика также изменила подход к доказыванию контроля. Суды отошли от требования предоставлять исключительно прямые письменные доказательства. В настоящее время ключевое значение имеет совокупность таких косвенных признаков, как синхронность действий участников группы, использование одних и тех

же технических средств для управления счетами и экономическая нецелесообразность сделок. В случае предоставления кредитором весомых косвенных доказательств контроля, обязанность доказать обратное переходит на ответчика. Это требует от бизнеса внедрения стандартов прозрачного управления и документирования деловых решений.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 и № 42 завершили важный этап реформирования отечественного права о банкротстве. Данные акты создали двухуровневую систему защиты от злоупотреблений. На

первом уровне механизм понижения очередности требований ограничивает права владельцев бизнеса внутри процедуры банкротства, не давая им контролировать ход дела. На втором уровне институт субсидиарной ответственности обеспечивает возмещение убытков за счет личного имущества виновных лиц. Для профессионального сообщества данные изменения означают необходимость пересмотра стратегий ведения споров. Результат процесса теперь зависит не от соблюдения формальных процедур, а от способности сторон обосновать экономическую разумность и добросовестность своего поведения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
3. Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 41. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>.
4. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 42. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>.

Правовые проблемы в деятельности обществ с ограниченной ответственностью и направления их преодоления. О роли института дополнительных обязанностей учредителей обществ с ограниченной ответственностью

Ефремов Михаил Степанович, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается актуальная проблема обеспечения прав кредиторов при создании обществ с ограниченной ответственностью (ООО) через механизм установления дополнительных обязанностей учредителей. Анализируются правовые основания и практические аспекты применения института дополнительной ответственности в современном российском корпоративном праве. Исследуется возможности использования дополнительных обязанностей учредителей как инструмента защиты имущественных интересов кредиторов в условиях минимальных требований к уставному капиталу ООО.

Особое внимание уделяется судебной практике и тенденциям законодательного регулирования данного вопроса. Предлагаются рекомендации по совершенствованию правового механизма установления дополнительных обязанностей учредителей для повышения кредитоспособности вновь создаваемых юридических лиц и защиты интересов участников гражданского оборота.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, дополнительные обязанности учредителей, защита прав кредиторов, корпоративное право, уставной капитал, учредительный договор, имущественная ответственность, учредительные документы.

Необходимость совершенствования законодательства об ООО

Современные тенденции роли ООО в хозяйственном обороте страны характеризуется проблемами с исполнением пред-

приятиями своих обязательств перед государством и партнерами по бизнесу, кредиторами, банками, которые приводят к ситуации финансовой несостоятельности или банкротства.

По мнению автора, данные проблемы проистекают из ряда причин, лежащим как внутри организации ООО, так

и из-за внешних причин — правовом поле деятельности ООО в современных условиях.

Так, к числу внутренних проблем следует отнести:

- отсутствие правовых императивных норм, обязывающих учредителей активно участвовать в хозяйственной деятельности ООО, оформленных в виде дополнительных обязательств при создании ООО;

- учредительный договор ввиду того, что он не является учредительным документом и с ним кроме учредителей не имеет возможности ознакомиться заинтересованные лица из числа кредиторов, партнеров по договорам, не включает каких дополнительных обязательств учредителей, участников для преодоления возникающих проблем, требующих дополнительных действий со стороны участников;

- в учредительном договоре не предусматриваются договорные санкции к участникам ООО в случае их бездействия, не исполнения взятых на себя дополнительных обязанностей, регламент их действий по применению санкций к таким участникам в виде штрафов, пеней, и как исключительная мера исключение из состава участников с выплатой компенсации стоимости его доли или без таковой;

- слабая подготовка руководителя исполнительного органа, отсутствие соответствующей видам деятельности, указанных в уставе, компетенции, недостаточная правовая подготовка руководителя исполнительного органа в данной отрасли деятельности ООО, которая приводит порой к уголовной и административной ответственности, к значительным штрафам и банкротству.

К числу внешних обстоятельств следует отнести:

- недостаточность установленного законом минимального уставного капитала для покрытия обязательств перед кредиторами;

- исключение учредительного договора при создании общества как учредительного документа, что значительно уменьшает прозрачность общества при взаимодействии с государством и участниками хозяйственной деятельности, так как при возникновении затруднений в исполнении обязательств обществом заинтересованные лица могут ознакомиться с дополнительными обязанностями участников общества при возникновении различных сложных ситуаций, возникающих в хозяйственной деятельности;

- нормы законодательства, предусматривающие исключение действующего общества по решению регистрирующего органа по формальным признакам, например, при неподтверждении места нахождения общества.

В настоящее время образование долей, их размеры и распределение их между участниками согласно закона об ООО и ГК РФ определяется на основании учредительного договора. Вместе с тем, требования закона о содержании учредительного договора ограничены. Так согласно ст. 89 ГК «Учредители общества с ограниченной ответственностью заключают между собой договор об учреждении общества с ограниченной ответственностью, определяющий

порядок осуществления ими совместной деятельности по учреждению общества, размер уставного капитала общества, размер их долей в уставном капитале общества и иные установленные законом об обществах с ограниченной ответственностью условия». В законе об ООО в ст.11 говорится, что «Учредители общества заключают в письменной форме договор об учреждении общества, определяющий порядок осуществления ими совместной деятельности по учреждению общества, размер уставного капитала общества, размер и номинальную стоимость доли каждого из учредителей общества, а также размер, порядок и сроки оплаты таких долей в уставном капитале общества». По мнению автора, в связи с тем, что после принятия ряда поправок к закону о несостоятельности (банкротстве) и по результатам анализа арбитражной практики, связанной с привлечением участников и лиц, имеющих право на управление ООО, к субсидиарной ответственности по долгам общества, возникает необходимость пересмотра сущности и значение учредительного договора, который должен быть все же признан обязательным учредительным документом. Необходимость в этом диктуется тем, что перед созданием нового общества его учредители в общих интересах должны признать и включить в договор определенные условия и свои обязательства и меры по обеспечению стабильности хозяйственной деятельности предприятия, дополнительные личные обязательства учредителей при различных ситуациях, в том числе когда возникает необходимость в дополнительных вложениях в уставной капитал, с целью обеспечения финансовой стабильности при заключении крупных сделок, а также размеры их материальной ответственности в случаях, когда общество может оказаться на грани несостоятельности, которая может быть определена пропорционально и соответственно их долям участия в уставном капитале и при распределении полученной прибыли.

Также учредители при заключении учредительного договора могут уточнить какие действия и бездействия участников общества могут быть признаны противоречащими целям и задачам учреждаемого общества и в дальнейшем послужить основанием для исключения участника из ООО, допустившего указанные нарушения условий учредительного договора. При этом целесообразно учредителям заранее определить судьбу доли, принадлежащей исключенному участнику из состава участников ООО, распределив ее среди оставшихся участников пропорционально их долям или передав её на определенный учредительным договором срок самому обществу.

Правовая природа дополнительных обязанностей учредителей до сих пор являются предметом научных дискуссий. Одни исследователи рассматривают их как разновидность личных неимущественных обязательств корпоративного характера, другие — как специфическую форму обеспечения обязательств общества перед третьими лицами [3].

Важно отметить, что дополнительные обязанности существенно отличаются от субсидиарной ответственности

учредителей по долгам ООО. Если субсидиарная ответственность наступает по общему правилу только в случае доведения общества до банкротства по вине участников или контролирующих лиц, то дополнительные обязанности могут быть установлены учредительными документами превентивно, еще на стадии создания общества [7].

Современная судебная практика демонстрирует расширительное толкование возможностей установления дополнительных обязанностей. Так, Верховный суд РФ в ряде определений 2024 года указал, что участники общества вправе предусмотреть в уставе обязанность участников по внесению дополнительных вкладов в имущество общества при наступлении определенных условий, в том числе связанных с финансовым положением общества или необходимостью исполнения обязательств перед кредиторами.

Механизмы установления дополнительных обязанностей для защиты интересов кредиторов и иных участников хозяйственного оборота требуют четкого законодательного закрепления и детальной регламентации в учредительных документах общества.

Прежде всего для более эффективного взаимодействия участников в пределах внутрикорпоративных отношений при создании общества необходимо признать учредительный договор наравне с уставом учредительным документом, придав ему императивный характер обязательным учредительным документом при создании общества несколькими учредителями.

В учредительном договоре учредители должны принять на себя дополнительные обязательства, которые смогут обеспечить финансовую устойчивость при различных ситуациях. В учредительном договоре целесообразно описать механизм по измерению пределов и компетенции исполнительных органов и единоличного его исполнительного органа (Генерального директора, директора, управляющего), так как показывает практика от эффективности руководящих органов часто зависит судьба вновь создаваемого общества и, как известно, из судебной практики большая доля ликвидированных посредством банкротства и судебными решениями ООО вызваны не правомерными действиями исполнительных органов общества в силу некомпетентности, отсутствия или слабого контроля со стороны его участников. При создании нового общества в учредительный договор и в устав должно быть включены положения о фидуциарной ответственности руководителя исполнительного органа общества, если он не из числа участников при возникновении различных ситуаций.

Анализ практики позволяет выделить несколько основных моделей установления дополнительных обязанностей, направленных на защиту прав кредиторов.

Так, первая модель предполагает установление обязанности учредителей по внесению дополнительных вкладов в имущество общества при ухудшении его финансового положения, особенно в случаях:

- снижения чистых активов ниже размера уставного капитала;

- возникновение убытков определенного размера по итогам отчетного периода;

- невозможность исполнения денежных обязательств перед кредиторами в установленные сроки;

- снижение коэффициента текущей ликвидности ниже критического уровня.

Вторая модель основана на установлении обязанности учредителей предоставлять обществу беспроцентные займы или личные поручительства при заключении им крупных сделок или получении кредитов. Данный механизм особенно эффективен для обществ, осуществляющих инвестиционные проекты с длительным сроком окупаемости [2].

Третья модель предполагает ограничение прав учредителей на выход из общества или отчуждение доли до момента полного исполнения обществом обязательств перед определенными категориями кредиторов, что также имеет цель в обеспечении стабильности капитала общества и защите интересов кредиторов.

На практике оказывается, что наиболее эффективным является комбинированный подход, сочетающий элементы различных моделей [6].

Существенным препятствием для широкого применения дополнительных обязанностей на практике является отсутствие эффективных механизмов принуждения учредителей к их исполнению. Действующее законодательство не содержит специальных норм об ответственности за неисполнение дополнительных за неисполнение дополнительных обязанностей, предусмотренных уставом общества. А в случае признания учредительного договора обязательным учредительным документом при создании общества, определяющим дополнительные обязанности и являющимся источником правоотношений участников общества и обязательным к исполнению участниками общества этих дополнительных обязанностей, то данное препятствие будет преодолено.

При этом, по мнению автора, законодателю необходимо внести изменения в ГК и закон об ООО, включив в состав учредительных документов учредительный договор, к которому должны быть сформулированы требования, включающие дополнительные обязательства его участников, направленные на создание благоприятных условий для стабильной работы общества и его исполнительных органов.

Наличие учредительного договора в качестве учредительного документа дает кредиторам, заинтересованным в предоставлении кредитов обществу, возможность увидеть закрепленные в учредительном договоре гарантии платежеспособности общества, и обязанности участников, которые выступают в таких сделках в качестве поручителей. Данный учредительный договор может заменить или служить дополнением принятым в настоящее время Заверениям и гарантиям в российском праве, основанным на статье 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая регулирует заверения об обязательствах.

Перспективы развития института дополнительных обязанностей учредителей

Анализ современного состояния правового регулирования и практики применения дополнительных обязанностей учредителей ООО позволяет сформулировать несколько направлений его совершенствования и более широкого использования для защиты прав кредиторов.

Во-первых, необходимо законодательное закрепление типовых моделей дополнительных обязанностей учредителей с указанием рекомендуемых условий и порядка их реализации. Необходимо признать учредительный договор, включающего в себя дополнительные обязательства участников общества, в качестве учредительного документа наравне с уставом общества и использовать его в хозяйственном обороте для прозрачности при заключении различного рода сделок. Это позволит снизить правовые риски и повысить предсказуемость применения данного института. Минэкономразвития РФ в 2025 году анонсировало разработку методических рекомендаций по включению в уставы ООО положений о дополнительных обязанностях учредителей, однако соответствующий документ пока не принят.

Во-вторых, следует предусмотреть возможность установления определенных налоговых и иных стимулов для обществ, учредители которых добровольно принимают на себя дополнительные обязанности по обеспечению финансовой устойчивости общества.

Важным аспектом является соотношение дополнительных обязанностей учредителей с институтом корпоративного договора, сущность которого изложена в ст. 67.2 ГК РФ, предусматривающая возможность заключения участниками обществ корпоративных договоров

об осуществлении своих прав и обязанностей. Данное положение может быть реализовано в учредительном договоре, который следует признать наравне с уставом учредительным договором. На основании положений ст. 67.2 ГК РФ появляется возможность и основание для внесения изменений в положения ст. 12 закона об ООО с признанием учредительного договора учредительным документом [7].

Необходимо также обратить внимание на зарубежный опыт в странах с развитой экономикой и возможно адаптировать лучшие практики к российским условиям с учетом специфики национального корпоративного законодательства могла бы способствовать повышению доверия к институту ООО и развитию кредитования малого и среднего бизнеса [2].

Заключение

Институт дополнительных обязанностей учредителей и участников общества представляют собой перспективный, но не достаточно используемый инструмент обеспечения прав кредиторов в российском корпоративном праве. В условиях символического размера минимального уставного капитала ООО — 10 000 рублей, данный механизм может служить эффективным средством повышения кредитоспособности вновь создаваемых юридических лиц и защиты имущественных интересов участников гражданского оборота.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования института дополнительных обязанностей учредителей, в частности, путем разработки типовых моделей таких обязанностей и создания эффективных механизмов защиты прав кредиторов.

Литература:

1. Габов А. В. Некоторые проблемы правового регулирования имущественных отношений в хозяйственных обществах // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 45–58.
2. Ершова И. В., Тарасенко О. А. Дополнительные обязанности участников хозяйственных обществ как инструмент защиты прав кредиторов // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 1. С. 102–115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=58394027> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Жданов Д. В. Корпоративное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2023. 752 с.
4. Карелина С. А., Фролов И. В. Институт несостоятельности (банкротства) в системе правовых механизмов обеспечения баланса интересов кредиторов и должника // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 23–34.
5. Макарова О. А. Корпоративное право: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2024. 413 с.
6. Степанов Д. И., Фогель В. А. Дополнительные права и обязанности участников хозяйственных обществ: теория и практика применения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 8. С. 67–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59182341> (дата обращения: 18.01.2025).
7. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 12.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

Актуальность участия психолога в расследовании преступлений против половой свободы и неприкосновенности

Запорощенко Светлана Леонидовна, студент;

Кашапова Амина Ринатовна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается вопрос об актуальности и необходимости использования специальных знаний в области психологии при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Раскрывается роль психолога в установлении психологического контакта между потерпевшими и следователем, его роль в поддержании контроля за состоянием потерпевших, а также немало важная роль в помощи следствию.

Ключевые слова: потерпевший, следователь, психолог, половая неприкосновенность, половая свобода, допрос, квалифицированная психологическая помощь.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности — это в первую очередь общественно-опасные умышленные действия, направленные на половую неприкосновенность и половую свободу личности, а также на психофизиологическое развитие лиц, не достигших определенного законодательством возраста [3].

Изучив сведения о деятельности следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области за январь–декабрь 2024 года, можно выделить следующие показатели: расследовано преступлений по ст. 131, 132 УК РФ (изнасилования, насильственные действия сексуального характера) — 338, расследовано по ст. 133–135 УК РФ (иные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности) — 144. В 2023г. в Челябинской области было расследовано преступлений по ст. 131, 132 УК РФ значительно меньше — 255, а показатель раскрытых преступлений по ст. 133–135 находится на том же уровне, что и в 2024.

К большому сожалению, речь идет не только о повышении раскрываемости преступлений, но и об их росте в целом. Анализ статистических данных показывает заметное увеличение числа зарегистрированных случаев преступлений против половой свободы. Причем этот рост заметен не только на примере конкретных субъектов Российской Федерации.

Исходя из данных статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России», за временный промежуток с 2016 по 2023 г. было зарегистрировано более 145 тыс. преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности на территории Российской Федерации.

Однако даже это не самое страшное, потому как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности характеризуются высоким уровнем латентности. Это говорит о том, что в большинстве случаев жертвы насилия попросту не сообщают никому о случившемся, а значит, большая часть преступлений навсегда остается незарегистрированной. В особенности это касается потерпевших, не достигших такого возраста, когда они могут объективно оценить

произошедшее, то есть потерпевших, не достигших совершеннолетия. Вопрос методов, применяемых при расследовании преступлений против половой свободы несовершеннолетних, на сегодняшний день остается актуальным как никогда.

В Постановлении Пленума Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» заостряется внимание на том, что при рассмотрении дел по данной категории крайне важно вести судебный процесс тактично, сохраняя честь и достоинство потерпевших. Так, пункт 24 говорит следующее: «Рекомендовать судам, учитывая специфику дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, при их рассмотрении устранять вопросы, не имеющие отношения к делу, своевременно пресекать нетактичное поведение участников судебного разбирательства, при изложении описательно-мотивировочной части судебного решения по возможности избегать излишней детализации способов совершения преступлений, соблюдая при этом общие требования уголовно-процессуального закона [2]». В следующем пункте вышеуказанного Постановления также обращается внимание на то, что «судам следует выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению таких преступлений, нарушения прав и свобод граждан... [2]»

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы неизбежно вызывают трудности у следователей в расследовании, поскольку потерпевшее лицо часто не в силах дать показания, которые по своей содержательности соответствовали бы необходимому уровню. Также необходимо упомянуть и то, что в соответствии с ч.3 ст. 20 УПК, все уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего [1]. Дела об изнасилованиях и о насильственных действиях сексуального характера (без отягчающих обстоятельств) как раз-таки относятся к делам частного-публичного обвинения, а равно возбуждаются только по заявлению потерпевших. Потерпевшие, как уже было упомянуто, вследствие неблагоприятного состояния психики попросту не всегда могут заявить о случившемся.

Выходит, следователь в процессе следственных действий, в том числе при проведении допроса, должен создать такую обстановку, при которой потерпевшая будет доверять и не испытывать чувства страха или стыда. Однако деятельность следователя сама по себе не подразумевает умения квалифицированно оказывать психологическую помощь и входить в психологический контакт.

Соответственно, разумным предлагается по умолчанию привлекать к данной категории дел психолога. На настоящий момент, согласно ч. 4 ст. 191 УПК РФ, участие психолога обязательно только при расследовании дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних [1]. Однако далеко не все ученые согласны с такой точкой зрения, например, М. С. Петровская выделяет следующую цель привлечения психолога: «предотвращение применения приемов проведения следственных действий, противоречащих требованиям педагогики и психологии» [4], что относится не только к несовершеннолетним.

Помимо оказания профессиональной поддержки потерпевшим, психолог способен оказать содействие и са-

мому следствию посредством формулировок вопросов для допроса, выбором тактических приемов, а также помощью в формировании следственной версии. Также следователь может допросить психолога в качестве специалиста, если у него имеются какие-либо сомнения в имеющихся данных, показаниях.

При недостаточном внимании к состоянию потерпевшего (независимо от возраста) можно спровоцировать обострение психологических травм, что может проявляться как в молчании и абсолютном отсутствии реакции на задаваемые вопросы, так и в истериках, припадках, панических атаках и др.

Таким образом, нельзя недооценивать роль данного участника в уголовном процессе. Считаем необходимым закрепить в УПК РФ обязательное участие психолога по делам об изнасилованиях, насильственных действиях сексуального характера, а также иных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, что может впоследствии повысить раскрываемость и доверие общества к правоохранительным органам.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. № 6. 2014.
3. Губренко, А. С. Понятие и сущность преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Экономика и социум. — 2023. — № 3. — С. 779.
4. Петровская, М. С. Роль педагога и психолога при производстве следственных действий по делам с участием несовершеннолетних и пути ее активизации // Вестник СамГУ. — 2015. — № 11. — С. 259–260.

Правовые механизмы реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации

Зенг Виктория Александровна, студент

Научный руководитель: Старицына Ксения Сергеевна, старший преподаватель
Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Екатеринбург)

В данной статье рассматриваются и анализируются правовые механизмы реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, государственная политика, нормативно-правовые акты, Российская Федерация.

Сегодня в Российской Федерации действует государственная программа, нацеленная на то, чтобы привлечь к занятиям спортом как можно больше людей, особенно детей, а также популяризовать здоровый образ жизни и создать все необходимые условия для занятий спортом.

Для достижения этой цели Правительство Российской Федерации разрабатывает государственную политику в области физической культуры и спорта в Россий-

ской Федерации при помощи создания и утверждения различных нормативно-правовых актов, которые регулируют непосредственно все то, что касается спорта и физической культуры.

Актуальность темы обусловлена тем, что занятия спортом приобретают всё большее значение в системе культурных ценностей общества и государства, так как спорт выступает одним из важных факторов повышения

здоровья граждан, их физического развития и социальной адаптации.

Любая государственная политика основывается на нормативно-правовых актах. В Российской Федерации Конституция РФ является основополагающим законом, в ней заложены основные принципы социального государства. По Конституции РФ, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

Так, согласно статье 41 Конституции РФ: «в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, которая способствует укреплению здоровья человека, а также развитию физической культуры, спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию» [1].

Согласно положениям Конституции, главная цель государственной политики — обеспечение достойного уровня жизни и беспрепятственного развития личности каждого гражданина. Реализация этой цели неразрывно связана с заботой о здоровье населения, поэтому одним из ключевых инструментов в этом направлении является развитие физической культуры и спорта.

Таким образом, право граждан на здоровье и доступ к спорту — это не просто социальные блага, а фундаментальные права, которые необходимы для полноценной жизни и являются отражением принципов социального государства.

Юридической основой реализации государственной политики в области ФКиС является Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329. Этот закон определяют правовые, организационные, экономические и социальные основы развития ФКиС в Российской Федерации [2].

В статье 3 данного ФЗ указываются основные принципы законодательства о физической культуре и спорте (далее ФКиС):

- обеспечение права каждого на свободный доступ к ФКиС;
- единство нормативной правовой базы в области ФКиС на всей территории Российской Федерации;
- установление государственных гарантий прав граждан в области ФКиС;
- запрет на дискриминацию и насилие в области ФКиС;
- обеспечение безопасности жизни и здоровья лиц, занимающихся физической культурой и спортом, а также участников и зрителей физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий;
- содействие развитию физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, нуждающихся в повышенной социальной защите;

— содействие развитию всех видов и составных частей спорта, в том числе детско-юношеского спорта и студенческого спорта, с учетом уникальности спорта, его социальной и образовательной функций, а также специфики его структуры, основанной на добровольной деятельности его субъектов [2].

Данные принципы определяют цели, задачи, направления государственной политики в области спорта и физической культуры, а также регулируют взаимоотношения между субъектами спортивного процесса.

Федеральным органом исполнительной власти, который реализует государственную политику в области ФКиС, является Министерство спорта Российской Федерации.

Особо важное положение в реализации данной государственной политики занимают программно-плановые документы. В рамках национального проекта «Демография» был создан федеральный проект «Спорт — норма жизни». Главная цель движения — улучшить качество жизни россиян и сформировать культуру спортивной жизни. Планируется, что «к началу 2030 года 70 % граждане страны будут систематически заниматься физической культурой и спортом» [3].

Сам проект сфокусирован на разработке благоприятной среды для занятий спортом, обеспечивающей доступность и привлекательность физической активности для всех, в независимости от возраста, пола, физической подготовки или социального статуса.

Также немаловажным документом является Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р [4].

Стратегия «определяет видение развития РФ как ведущей мировой спортивной державы, граждане которой ведут здоровый образ жизни, а также активно вовлечены в массовый спорт, с экономически стабильным профессиональным спортом, высоким авторитетом на международной спортивной арене и нулевой терпимостью к допингу» [4].

Помимо данных нормативно-правовых актов, немаловажным является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Данный закон регламентирует вопросы включения физической культуры в образовательные программы, а также повышение качества спортивной подготовки в центрах дополнительного образования [5].

Нормативно-правовые акты уточняют и конкретизируют реализацию государственной политики в области ФКиС. Данная сфера находится в совместном ведении Российской Федерацией и ее регионами, поэтому значительная часть нормативной базы формируется на региональном уровне. Исполнительные органы власти субъектов РФ активно участвуют в этом процессе, определяют стратегию развития спорта, разрабатывают и реализуют региональные программы, а также организуют спортивные мероприятия.

Таким образом, можно сказать, что нормативно-правовая база, формирующая государственную политику в сфере ФКиС, активно содействует прогрессу спорта и физической культуры в России. Правовые механизмы,

служащие для реализации этой политики, образуют комплексную систему, ориентированную на достижение целей и стратегических приоритетов государства в области развития ФКиС.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 N 329-ФЗ.
3. Паспорт федерального проекта «Спорт — норма жизни» от 14.12.2018 № 3 // Официальный интернет-портал правовой информации.
4. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 N 3081-р (ред. от 17.12.2024) «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года».
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

Кондикционная ответственность в российском и зарубежном гражданском праве

Зиятдинов Рузель Рустемович, студент

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ института кондикционной ответственности (обязательств вследствие неосновательного обогащения) в гражданском праве России и Франции. Актуальность темы обусловлена наличием значительных доктринальных расхождений и правоприменительных сложностей при квалификации кондикционных требований, их соотношении с виндикационными и деликтными исками. На основе сравнительного анализа зарубежного опыта выявляются пробелы в российском правовом регулировании и формулируются предложения по его совершенствованию, направленные на унификацию подходов к защите имущественных прав.

Ключевые слова: кондикционная ответственность, неосновательное обогащение, обязательства из неосновательного обогащения, гражданское право, сравнительное правоведение, кондикционный иск, субсидиарность, защита гражданских прав, правоприменительная практика.

Целью настоящей работы является выявление концептуальных особенностей правового регулирования кондикционной ответственности в российском и зарубежном гражданском праве, определение критериев разграничения кондикционных обязательств со смежными правовыми институтами, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по гармонизации российского законодательства с учетом позитивного зарубежного опыта. Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа кондикционной ответственности не только на уровне доктрины, но и в контексте ее практической реализации в различных правовых системах. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с неосновательным приобретением или сбережением имущества за счет другого лица, а также комплекс правовых норм, регулирующих указанные отношения в российском и зарубежном гражданском праве, практика их применения судебными органами и доктринальные положения цивилистической науки по данному вопросу.

Институт неосновательного обогащения (кондикционных обязательств) является универсальным меха-

низмом защиты имущественных прав, применяемым при отсутствии, отпадении или дефектности правового основания для перехода имущества. Несмотря на многовековую историю, в практике сохраняются спорные вопросы, особенно в разграничении кондикционного иска со смежными способами защиты и в определении объема ответственности недобросовестного приобретателя.

Российское кондикционное право формировалось под влиянием германской пандектистики XIX века, которая выделила обязательства из неосновательного обогащения в самостоятельный вид внедоговорных обязательств. Однако российский подход не является простой рецепцией: его специфика — в детальном урегулировании соотношения кондикции с другими институтами.

Ключевые особенности российского регулирования (ГК РФ) [1]:

— Наличие ст. 1103 ГК РФ [1], прямо устанавливающей субсидиарное применение правил о неосновательном обогащении к другим требованиям (виндикационным, деликтным и др.), что обеспечивает гибкость и минимизирует пробелы в праве.

— Дифференциация объема возврата в зависимости от добросовестности приобретателя (ст. 1105, 1107, 1108 ГК РФ) [1]:

1) Обязанность вернуть все извлеченные доходы с момента, когда приобретатель узнал о неосновательности обогащения.

2) Право приобретателя на возмещение затрат на содержание имущества.

3) При невозможности возврата в натуре — возмещение действительной стоимости имущества.

— Оригинальный механизм защиты прав потерпевшего при передаче права (ст. 1106 ГК РФ) [1], учитывающий специфику бездокументарных ценных бумаг.

Преимуществами российской модели выступают следующие аспекты:

1) Широкий предмет регулирования благодаря субсидиарному применению норм.

2) Детальная проработка расчетов, стимулирующая добросовестность сторон.

3) Адаптация общих правил к современным объектам (бездокументарные бумаги, корпоративные права).

Французский институт неосновательного обогащения (ранее «обогащение без основания», после реформы 2016 года — «неосновательное обогащение»), в свою очередь, развивался особым путем. В отличие от Германии, Гражданский кодекс 1804 года [2] не содержал общей нормы, предусматривая лишь два квази-контракта. Пробел был восполнен судебной практикой на рубеже XIX–XX веков, что сформировало уникальную модель с рядом преимуществ и внутренних противоречий.

Основные преимущества французского подхода:

1) Четкий критерий субсидиарности. Иск из неосновательного обогащения является «последним средством» и допускается только при отсутствии у истца любого иного средства защиты (договорного, деликтного и др.). Это разгружает суды, дисциплинирует истцов и четко очерчивает границы института.

2) Правило «наименьшей суммы» (ст. 1303 ГК Франции) [2]. Компенсация равна меньшей из двух величин — реальному обогащению ответчика или реальному обеднению истца. Это закрепляет строго компенсаторный характер института, не позволяя потерпевшему получить больше потерянного.

3) Ясность временных ориентиров оценки. Обеднение оценивается на момент потери имущества, а обогащение — на день подачи иска. Это обеспечивает предсказуемость расчетов и справедливо учитывает изменение цен и инфляцию.

Недостатки и внутренние противоречия во французской модели:

1) Неопределенность с виной потерпевшего. Доктрина исходит из объективной природы иска, но судебная практика непоследовательна: иногда отказывает в иске при наличии даже простой неосторожности потерпевшего. Это размывает границы между квази-договором и деликтом, подрывая предсказуемость правоприменения.

2) Сложность доказывания «отсутствия причины». Истец должен доказать отрицательный факт: что нет законного основания (договора, закона или намерения одарить) для обогащения ответчика. В сложных хозяйственных спорах это бремя может быть практически непосильным.

3) Исключение иска при действиях в своем интересе. Защита не предоставляется, если потерпевший действовал для себя, но его действия косвенно обогатили другого (например, соседа). Формально это логично, но на практике может приводить к несправедливости, позволяя одному лицу систематически без оснований пользоваться результатами чужих затрат.

Проведенный сравнительно-правовой анализ российской и французской моделей кондикционной ответственности обнаруживает не только концептуальные различия двух правовых порядков, но и выявляет те области, в которых российское законодательство могло бы быть обогащено зарубежным опытом, не утрачивая при этом своей самобытности. Французская модель, прошедшая длительный путь судейского правотворчества и недавно получившая законодательное закрепление, предлагает ряд интересных решений, которые при бережной адаптации могли бы повысить эффективность российского института неосновательного обогащения и способствовать унификации подходов к защите имущественных прав.

Во-первых, наиболее ценное заимствование, которое напрашивается из французского опыта, — это правило «наименьшей суммы». Российское законодательство, при всей его детальной проработанности, не содержит четкого ответа на вопрос: что делать, если стоимость обогащения ответчика и размер обеднения истца не совпадают? Действующая редакция статьи 1105 ГК РФ [1] ориентирует на возмещение действительной стоимости имущества на момент приобретения, однако при инфляции, изменении рыночной конъюнктуры или, напротив, при утрате имуществом своих качеств, возможны ситуации, когда одна из сторон оказывается в несправедливо привилегированном положении. Французское решение, ограничивающее размер компенсации наименьшей из двух величин, представляется глубоко справедливым именно потому, что оно ориентировано на восстановление баланса, а не на наказание. Российский правовой порядок, сохранив свою дифференциацию в зависимости от добросовестности приобретателя, мог бы органично дополнить ее этим экономически сбалансированным правилом. Недобросовестный приобретатель, знавший о неосновательности обогащения, должен отвечать по максимуму (наибольшей из двух величин), тогда как добросовестный — лишь в пределах реально сохранившегося у него обогащения. Такой подход соединил бы лучшие черты обеих систем: французскую объективную сбалансированность и российскую субъективную дифференциацию.

Вторым направлением совершенствования видится уточнение временных параметров оценки имущества. Российский закон не всегда дает ясный ответ на вопрос, на какой именно момент следует определять стоимость подлежащего возврату имущества. Французская практика, на-

против, выработала четкое и логичное правило: обеднение оценивается на момент совершения затраты (потери), а обогащение — на момент подачи иска. Это решение заслуживает внимания, поскольку оно позволяет учесть изменение экономических условий за время, прошедшее между фактом обогащения и моментом судебной защиты. Введение подобного правила в российское законодательство (разумеется, с оговоркой о добросовестности) внесло бы долгожданную определенность в судебные расчеты и снизило бы количество споров экспертного уровня.

Третье предложение касается восполнения пробела в регулировании вопроса о затратах добросовестного приобретателя на содержание имущества. Российская статья 1108 ГК РФ [1], предоставляя право на возмещение затрат, связывает его с обязанностью возратить доходы, то есть с моментом возникновения недобросовестности. Однако судьба необходимых затрат, произведенных добросовестным приобретателем (до того, как он узнал о неосновательности), остается не вполне ясной. Логика подсказывает, что эти затраты должны возмещаться потерпевшим в любом случае, поскольку в противном случае именно потерпевший неосновательно обогащался бы за счет улучшения своего иму-

щества чужими средствами. Французский опыт, хотя и не дает прямого ответа на этот вопрос, подтверждает общую тенденцию: никто не должен обогащаться за счет другого, даже если он первоначально был добросовестен. Законодательное закрепление права добросовестного приобретателя на возмещение необходимых затрат (возможно, с ограничением пределом сохранившегося прироста стоимости имущества) представляется назревшей мерой.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что предложенные изменения не направлены на прямое копирование французского опыта. Напротив, они призваны органично дополнить российскую модель, сохранив ее фундаментальные принципы (дифференциацию по добросовестности, широкую сферу применения, детальную проработку соотношения с иными исками), но при этом восполнить выявленные пробелы и повысить определенность правового регулирования. Французское право в данном случае выступает не как образец для подражания, а как источник вдохновения, как напоминание о том, что даже в столь устоявшемся институте, как кондикционная ответственность, всегда есть пространство для совершенствования в направлении большей справедливости и эффективности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.02.2026).
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. [Захватаева В. Н.] — М.: Инфотропик Медиа, 2012. — 624 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://clc.li/rSHjX> (дата обращения: 24.02.2026).

Квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного частью 2 статьи 245 Уголовного кодекса Российской Федерации

Кизликова Марина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Луговенко Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматриваютсяотягчающие обстоятельства для преступлений, связанных с жестоким обращением с животными, проанализировано законодательство, выявлены определенные пробелы, затрудняющие эффективное привлечение виновных к ответственности по части 2 статьи 245 УК РФ.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, квалифицирующие обстоятельства, ответственность, уголовное законодательство.

Qualifying features of the crime provided for by part 2 of article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation

Kizlikova Marina Yuryevna, master's student

Scientific advisor: Lugovenko Tatyana Petrovna, candidate of legal sciences, associate professor, head of department Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article examines the qualifying circumstances for crimes involving animal cruelty, analyzes legislation, and identifies certain gaps that hinder effective prosecution under Part 2 of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: animal cruelty, qualifying circumstances, liability, criminal law.

Российское уголовное законодательство предусматривает ряд квалифицирующих обстоятельств для преступлений, связанных с жестоким обращением с животными. До внесения последних изменений единственным отягчающим признаком данного состава считалось совершение преступления в соучастии — группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой. В действующей редакции уголовного закона — это п. «а» ч. 2 ст. 245 УК [1].

Содержание ст. 35 УК РФ позволяет сделать вывод, что под преступлением, совершённым группой лиц, понимается деяние, реализованное двумя или более лицами без предварительной договорённости. Если же участники заранее договорились о совместном совершении противоправных действий, такое деяние квалифицируется как совершённое группой лиц по предварительному сговору.

Группа лиц без предварительного сговора обычно представляет собой случайное объединение людей, вовлечённых в преступление, как правило, под влиянием обстановки. Каждый из них полностью или частично выполняет объективную сторону преступления, признаваясь его соисполнителями. Напротив, преступление группы лиц по предварительному сговору предполагает заранее сформированный план совместных действий будущих соисполнителей. Отсюда следует, что уголовный закон исходит из того, что жестокое обращение с животными, совершённое группой лиц по предварительному сговору, имеет место тогда, когда участники на стадии подготовки согласовывают намерение совершить преступление, а между сговором и его реализацией проходит определённый временной промежуток.

Обе разновидности соучастия особого рода предполагают соисполнительство. Однако для группы лиц по предварительному сговору не исключено соучастие с распределением ролей — организатора, подстрекателя или пособника. В таком случае при квалификации деяния требуется сослаться на ст. 33 УК.

Преступлением, совершённым организованной группой, признаётся деяние, реализуемое устойчивым объединением лиц, действующих заранее согласованно и имеющих единый преступный умысел на совершение одного или нескольких преступлений. Все члены организованной группы независимо от наличия распределения ролей несут ответственность в качестве соисполнителей квалифицированного преступления без ссылки на ст. 33 УК РФ. Изложенное позволяет заключить, что совершение рассматриваемого преступления организованной группой обладает значительно большей общественной опасностью. Однако, законодатель не проводит дифференциации между рассмотренными разновидностями соучастия особого рода с точки зрения различий в степени общественной опасности деяния, совершенного группой лиц, группой лиц с предварительным сговором или организованной группой.

Следующим квалифицирующим обстоятельством является жестокое обращение с животными в присутствии малолетних (п. «б» ч. 2 ст. 245 УК). Этот признак ранее уже был закреплён в основном составе, поэтому для практики он не является новым.

К сожалению, нередко жестокие действия совершаются в присутствии малолетних и несовершеннолетних. Примером может служить деятельность религиозного объединения «Танре», члены которого проводили обряды жертвоприношений животных в присутствии подростков [4, с. 122].

Под присутствием малолетних понимается ситуация, когда за преступлением наблюдают дети, не достигшие 14-летнего возраста. При этом достаточно присутствия даже одного малолетнего, независимо от количества совершеннолетних свидетелей, чтобы квалифицировать деяние по ч. 2 ст. 245 УК РФ. Указанное обстоятельство повышает общественную опасность, поскольку психика детей является крайне уязвимой, а наблюдение жестокости может негативно сказаться на их моральном и эмоциональном развитии.

Полагаем, что и несовершеннолетние, не достигшие 18-летнего возраста, становясь свидетелями жестокого обращения с животными, подвергаются серьезным нравственным испытаниям. На наш взгляд, законодателю следует расширить возрастную границу потерпевших лиц в качестве отягчающего преступления обстоятельства.

Особого внимания требует квалифицирующий признак, установленный п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ (применение садистских методов). В предыдущей редакции закона названный признак был включен в основной состав в качестве альтернативного.

Под применением садистских методов понимают истязание животного, жестокое причинение боли, а также особо мучительные способы умерщвления (например, убийство медленно действующим ядом, сжигание, растерзание другими животными). При этом для признания такого признака необходимо установить, что виновный осознавал и намеревался использовать именно садистские способы. Факт умерщвления, не подтверждённый дополнительными доказательствами истязаний, пыток или умышленного причинения особых страданий, не образует применение садистских методов.

Приговором Кабанского районного суда Республики Бурятия от 13 февраля 2024 г. Дубенко В. М. признана виновной по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Установлено, что 04.10.2023 г. у неё, в условиях внезапно возникшей неприязни и хулиганских побуждений, сформировался прямой умысел на жестокое обращение с собакой по кличке «К». с целью причинения ей боли, страданий и последующего умерщвления. Реализуя свой умысел, 05.10.2023 г. около часа ночи, решила использовать удушение, для чего изготовила петлю из верёвки, зафиксировав собаку в петле на

заборе и оставив животное в состоянии асфиксии, наблюдала мучения животного и не оказывала помощи. В результате собаке были причинены страдания, увечье в виде странгуляционной асфиксии. В результате наступила ее смерть [2].

С предыдущим отягчающим обстоятельством тесно связан следующий признак, устанавливающий запрет на публичное распространение материалов с жестоким обращением с животными посредством средств массовой информации и телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Данное дополнение было обусловлено массовым появлением в сети «Интернет» видеороликов, фиксирующих подобные действия. Сам факт существования таких материалов в открытом доступе представляет собой нарушение нравственных норм, поскольку они могут быть просмотрены неограниченным кругом лиц.

Серьёзным пробелом в законодательстве долгое время оставалось отсутствие более строгой ответственности за случаи, когда причинение вреда или гибель затрагивали нескольких или значительное число животных. Показательным примером может служить резонансная судебная практика, когда группа лиц совершила жестокие действия в отношении более чем 30 животных. Обвиняемые — две молодые женщины — получили реальное лишение свободы сроком свыше двух лет в основном из-за наличия других квалифицированных составов. При этом тот факт, что издевательства и убийства осуществлялись предельно жестоко, с выраженным цинизмом и сопровождалась видеозаписью, практически не повлиял на размер наказания [3, с. 383].

Считаем, что введение признака, усиливающего ответственность за жестокое обращение, совершённое «в отношении нескольких животных», следует оценить исключительно положительно.

Учёные неоднократно подчёркивали необходимость закрепления административной ответственности за жестокое обращение с животными на федеральном уровне, в том числе — введения административной преюдиции. Ранее наказание за такое деяние (без признаков преступления) было возможно только в тех регионах, где оно прямо предусматривалось местным законодательством. Ситуация изменилась после принятия Федерального закона от 13.06.2023 № 230-ФЗ, которым в КоАП РФ была включена ст. 8.52, где в части второй предусмотрена административная ответственность за жестокое обращение с животными в случаях, не содержащих признаков уголовно-наказуемого деяния.

Тем не менее, на наш взгляд, формулировки ст. 245 УК РФ продолжают содержать существенные пробелы, затрудняющие эффективное привлечение виновных к ответственности. Несмотря на значительное число поступающих в органы внутренних дел сообщений о жестокое обращение с животными, количество возбужденных дел по ст. 245 УК РФ остаётся существенно меньшим, и ещё меньше дел достигает стадии судебного рассмотрения. За период с 2020 по июль 2025 года было возбуждено незначи-

тельное количество уголовных дел по факту жестокого обращения с животными: 2020 год — 12 дел, 8 обвинительных приговоров, включая условные сроки от 6 месяцев до 2 лет; 2021 год — 15 уголовных дел, 10 осужденных, штрафы от 40 000 до 150 000 рублей; 2022 год — 18 дел, 13 обвинительных приговоров, реальные сроки до 3 лет лишения свободы; 2023 год — 20 возбужденных дел, 15 осужденных, различные виды наказаний; 2024 год — 22 уголовных дела, 17 приговоров, включая обязательные работы и исправительные работы; 2025 год (по июль) — 8 дел, 5 осужденных, преимущественно штрафы и условные сроки [5].

Подведем некоторые итоги.

Несмотря на очевидные различия в структуре и организации, в п. «а» ч. 2 ст. 245 УК законодатель не проводит градации общественной опасности между закрепленными в качестве отягчающих обстоятельств разновидностями соучастия особого рода, а именно группы лиц, группы лиц по предварительному сговору и организованной группы. Полагаем, что преступления, совершенные организованной группой, обладают значительно большей общественной опасностью, поэтому предлагаем усилить уголовную ответственность и закрепить указание на организованную группу в ч. 3 ст. 245 УК РФ.

В п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ квалифицирующим обстоятельством является жестокое обращение с животными в присутствии малолетних. Но и несовершеннолетние, достигшие 14-ти лет, но не достигшие 18-летнего возраста, становясь свидетелями жестокого обращения с животными, подвергаются серьёзным нравственным испытаниям. Считаем целесообразным восполнить существующий пробел закона и внести изменения, направленные на расширение возрастной границы потерпевших лиц в качестве еще одного отягчающего преступления обстоятельства. В таком случае можно внести в п. «б» ч. 2 ст. 245 УК указание на несовершеннолетие потерпевшего, а признак жестокого обращения с животными в присутствии малолетних перенести в часть третью особо квалифицированного состава.

На протяжении длительного времени законодательство имело существенный недостаток: оно не предусматривало возможности ужесточения ответственности в ситуациях, когда вред или гибель затрагивали нескольких или значительное число животных. Вполне актуальным и обоснованным видится введение квалифицирующего признака, усиливающего наказание за жестокое обращение, совершённое «в отношении двух или более животных».

Названные рекомендации соответствуют ожиданиям общества, способны повысить эффективность применения исследуемой нормы и обеспечить защиту поставленных под охрану уголовного закона отношений, обеспечивающих гуманное отношение к животным, как важной составляющей общественной нравственности. В целом предполагается более действенное противодействие жестокости по отношению к животным, что несомненно положительным образом скажется на состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. Ст. 2954.
2. Приговор Кабанского районного суда Республики Бурятия от 13 февраля 2024 года по делу № 1–53/2024 // [Электронный ресурс]. Режим доступа https://kabansky—bur.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=216511723&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Дата обращения: 02.12.2025).
3. Рыбакова, Т. И. Особенности квалификации по статье 245 Уголовного Кодекса РФ / Т. И. Рыбакова // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 30. — С. 379–386.
4. Отбоева, Р. Р. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными) / Р. Р. Отбоева // Вестник экономики, права и социологии. — 2019. — № 4. — С. 120–124.
5. Борьба с жестоким обращением с животными: результаты работы 2020–2025 г.г. МОД АнтиДогхантер [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dzen.ru/a/aGcV4hafnCUd6ohw?ysclid=miv28euynx320582768> (Дата обращения 05.12.2025).

Понятие и сущность жестокого обращения с животными

Кизликова Марина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Луговенко Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье исследуется проблема отсутствия в Уголовном кодексе Российской Федерации четкого определения термина «жестокое обращение с животными». В контексте анализа научных исследований предлагается формулировка понятия «жестокое обращение с животными».

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, уголовное законодательство, насилие, правовое регулирование.

The concept and essence of animal cruelty

Kizlikova Marina Yuryevna, master's student

Scientific advisor: Lugovenko Tatyana Petrovna, candidate of legal sciences, associate professor, head of department
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article examines the problem of the lack of a clear definition of the term «cruelty to animals» in the Criminal Code of the Russian Federation. In the context of the analysis of scientific research, the formulation of the concept of «cruelty to animals» is proposed.

Keywords: animal cruelty, criminal law, violence, legal regulation.

Вопросы отношения человека и животного в современных реалиях уже перестали быть просто рассуждениями о моральных началах деятельности человека. В настоящее время противодействие жестокости по отношению к животным является серьезным фактором общественной, политической и экономической жизни многих стран. Жестокость к животным — это первый шаг к преступлению, жертвой которого станет человек.

В Федеральном законе от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено определение жестокого обращения с животными: действия или бездействие человека, которые привели либо могут привести к гибели, увечью или иному ухудшению здоровья животного. К таким формам относятся, в частности, истязание животных, в том числе путем лишения их пищи,

воды, нанесения побоев и совершения иных насильственных действий. Кроме того, к жестокому обращению относится несоблюдение установленных правил содержания, отказ владельца от животного, если это повлекло ущерб его здоровью, а также неоказание помощи животному, находящемуся в состоянии, угрожающем его жизни или здоровью, при наличии возможности ее оказать [3].

В соответствии со ст. 114 Конституции РФ, Правительство РФ осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным. Следовательно, предотвращение насилия в отношении животных и обеспечение им надлежащих

условий существования относятся к приоритетным направлениям государственной политики [1].

Таким образом, действующее российское законодательство прямо запрещает любые формы насилия над животными и устанавливает юридическую ответственность за подобные противоправные действия.

Одной из существенных проблем российского уголовного закона остается отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации четкого определения термина «жестокое обращение с животными». Данный пробел стал предметом активных научных споров и различных трактовок [4, с. 34].

Многие авторы формулируют понятие «жестокое обращение с животными», описывая конкретные действия (бездействия) человека в отношении животного. В то же время существует альтернативная точка зрения, согласно которой понятие «жестокое обращение» следует уточнить, чтобы подчеркнуть его противоправный характер. Сторонники этой позиции предлагают трактовать его как «неадекватное обращение с животными, сопряженное с причинением им физических страданий или боли» [4, с. 35].

Рассматривая феномен жестокого обращения с животными, необходимо выделить несколько его ключевых признаков. К ним относятся: умышленное причинение боли и страданий животным, систематические избиения, длительное лишение пищи и воды, проведение на них опытов, использование животных в боях, натравливание их друг на друга и другие подобные действия. Последствием такого обращения, как правило, становятся физические повреждения, увечья или гибель животного.

В специальной литературе нет единства по трактовке и понятия «жестокое обращение». По своему семантическому происхождению жестокость означает «строгость, резкость, ярость; бессердечный, безжалостный поступок». По мнению Ю. М. Антоняна, жестокость как черта личности представляет собой стремление к причинению страданий, мучений лицам или животным, что находит выражение в действиях, бездействии, словах, а также фантазиях соответствующего содержания. При этом проявления жестокости могут быть умышленными, продуманными, импульсивными, сознательными и бессознательными [5, с. 115]. Жестокое обращение заключается в особо жестоком, длительном воздействии на животных с целью получения болезненного самоудовлетворения от наблюдения за страданиями животных. Некоторые авторы под указанными действиями понимают применение наиболее неприемлемых, с точки зрения нравственности, способов издевательств над животными (воздействие термических факторов, химикатов и др.) [6, с. 78]. Другие авторы считают, что такие методы отличаются особой, дерзкой жестокостью (например, болезненное умерщвление, сдирание шкуры с живого животного, поджигание заживо, систематические побои, применение огня или газа и др.) [7, с. 53]. По мнению третьей группы исследователей, жестокие методы издевательств над животными означают применение особо болезненных способов (путем переломов ко-

нечностей, пыток, удушения, пытки и т. п.) [10, с. 570]. Логично заметить, что и во время натравливания одного животного на другое, по крайней мере, одно из них испытывает сильную физическую боль от укусов, переломов конечностей, других нарушений телесных покровов, то есть испытывает существенные страдания.

Обратившись к международно-правовым документам, мы увидим отсутствие на этом уровне разделения жестокого обращения с животными на основе мотивации. Они устанавливают стандарты благосостояния (а соответственно и виды их нарушения) отдельно для домашних, диких, экспериментальных, сельскохозяйственных и других видов животных [11, с. 102]. Такой подход выглядит более рациональным, ведь совершение умышленных преступлений для одних является способом выживания, для других — формой привычного поведения, для третьих — средством накопления капитала и тому подобное.

Если рассмотреть, в каких сферах жизни люди чаще всего взаимодействуют с животными, то можно выделить основные формы жестокого обращения с животными:

1. Семейно-бытовая. По результатам обобщения уголовных дел и производств, наименее латентной формой жестокого обращения с животными сегодня является издевательство над животным активным способом, то есть умышленное тяжелое травмирование, искалечение, совершенное во время семейно-бытового конфликта. Последний составляет острое столкновение между членами семьи и семейно-бытового окружения, возникающее на основе противоборства их противоположных взглядов, интересов, позиций, потребностей, которые формируются и осознаются в процессе межличностного общения, характеризуются стремлением нанести максимальный вред противнику путем насильственного воздействия и сопровождающийся негативными эмоциями его участников. Достаточно распространено жестокое обращение с животным в состоянии алкогольного опьянения для демонстрации своей агрессии, физической силы, пренебрежения к сопернику (владельцу пострадавшего животного) или же к обществу в целом.

2. Патологическая. Наверное, наиболее опасной формой жестокого обращения с животными является целенаправленное, безжалостное издевательство над явно слабыми и неспособными сопротивляться зверями, которое оказывается с заранее направленным умыслом, в трезвом состоянии, лицом, имеющим целью получить болезненное удовольствие от причинения сильной физической боли живым созданиям и применяет самые вычурные способы и приспособления, нередко использует средства фото- и видеосъемки, а также склонен к совершению насильственных преступлений. Так, по данным А. Фелтхауса, обследовавшего более 300 пациентов судебных психиатрических больниц, абсолютное большинство лиц, проявивших системную патологическую жестокость по отношению к животным, отличались высоким уровнем агрессии в отношении людей, включая убийц [10, с. 571].

3. Охотничья. Распространенным сегодня «побочным эффектом» спортивной охоты являются притравочные станции — уголья, где охотничьих собак тренируют охотиться на зверя. В качестве предмета тренировки выступают как дикие (еноты, барсуки, краснокнижные бурые медведи), так и домашние животные (кошки, кролики, утки). Сущность притравливания заключается в травле охотничьими собаками дикого животного, которое обычно предварительно лишают зубов и когтей. Как свидетельствуют зоозащитники, животных содержат в грязных, тесных клетках, почти не кормят, чтобы не было сил сопротивляться собакам клиентов; искалеченных не лечат, а истязают дальше. За отдельную плату большинство владельцев притравочных станций без колебаний позволяют загрызть животное до смерти [8, с. 20]. Целью этой деятельности (содержание притравочных станций, организация собачьих боев) является получение прибыли, то есть лицо индифферентно относится к предмету жестокого обращения, заботясь только о собственных корыстных целях.

Не так давно для всего мира чрезвычайно остро встала проблема догхантинга (от англ. doghunting — охота на собак) — городского движения, имеющего целью полное уничтожение безнадзорных животных (преимущественно собак). Декларируемая догхантерами цель — обезопасить себя и близких от возможности быть укушенными или даже убитыми собачьей стаей, а также очищение городов от переносчиков болезней. Однако социологические исследования убедительно свидетельствуют о глубоком расхождении между словами и действиями «городских санитаров». Главной коммуникационной площадкой догхантеров СНГ является Интернет-ресурс «Вредителям. Нет», где активисты сообщества выражают свои подлинные интересы: признаются, что им «плевать» на домашних животных, попадающих под горячую руку домовладельцев; распространяют призывы регистрироваться на сайтах зоозащитников и «оперативно направляться» туда, где пользователи просят помощи — пристроить щенков или котят с улицы; враждебно высказываются о людях, которые ухаживают за брошенными животными [9, с. 26].

Обобщая самые типичные социально-демографические и морально-психологические признаки догхантеров по результатам их интервьюирования, психологи делают вывод, что это хобби самое популярное среди мужчин среднего возраста, которые, по их собственным признаниям, «потеряли вкус к жизни», работают на низкооплачиваемых должностях и стремятся к самореализации за счет преодоления самого слабого из вероятных соперников — бездомного пса [9, с. 37].

4. Исследовательская. Типичными проявлениями корыстной мотивации в этом случае можно считать умерщвление животного собственноручно (приведшее к мучению животного) во избежание расходов на эвтаназию или проведение научного эксперимента без обезболивающего с целью присвоения высвобожденных средств. Печальной

традицией российского образования остаются опыты над животными. По свидетельству студентов, виварии больше похожи на камеры пыток, где эксперименты обычно проводятся без обезболивающих средств. Причиной такой практики является банальное желание ответственных лиц подзаработать на неиспользованных препаратах.

5. Сельскохозяйственная. Желание увеличить благосостояние (свое или других лиц) может реализовываться в виде умерщвления животных для использования шкуры, мяса или других элементов организма животного. Здесь важно учитывать, что убой домашнего скота, охота и рыболовство, умерщвление больных бешенством животных по санитарно-эпидемиологическим соображениям, выполненные в соответствии с требованиями законодательства, не образуют состав преступления из-за отсутствия в таких действиях общественно опасных мотивов.

6. Развлекательно-зрелищная. Особым случаем реализации корыстного мотива следует считать использование животных в зрелищных мероприятиях. В данном случае увечье и гибель животного осуществляются для развлечения публики. Животные часто выступают участниками разных единоборств (например, собачьи и петушиные бои), когда прибыль составляет не только плату за просмотр, но и доходы от тотализатора. Именно тотализатор как средство криминального бизнеса способен принести значительную прибыль не только организаторам тех же собачьих боев, но и владельцам собак-победителей, так называемым «питменам». Не менее жестокими видами бизнеса являются содержание дельфинариев без морской воды, дрессирование с применением запрещенных методов (побоев, электрического тока) в цирках и т. д.

7. Коммунальная. Как мы уже упоминали, проблема бездомных животных является болезненным вопросом российской внутренней политики. Местные власти привыкли к старому способу «очищения городов» — массовому уничтожению безнадзорных собак самым дешевым, а затем и менее гуманным способом (путем разбрасывания в общественных местах яда, оставление без пищи и воды и т. п.). Такая деятельность преследует корыстную цель — получение бюджетных средств за регулирование численности бездомных животных путем отлова, временного содержания и вакцинации, что фактически невозможно проконтролировать сторонними организациями.

Значение жестокого обращения с животными (живодерства) в системе социальной действительности состоит в том, что это преступление негативно влияет на сознание как лиц, непосредственно мучающих животных, так и лиц, ставших свидетелями подобных деяний. Во-первых, жестокое обращение с животными воспринимается очевидцами и владельцами пострадавших животных, в частности несовершеннолетними, как ослабление социального контроля, порождающего беспокойство, чувство страха и уязвимости. Люди, чьи животные стали жертвой преступников, испытывают повышенный страх оказаться жертвой насильственных преступлений. Видимо, именно из-за повышенного уровня общественной опасности же-

стокое обращение с животными в присутствии малолетних составляет квалифицированный состав преступления, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

Во-вторых, усвоенные модели деструктивного поведения имеют тенденцию в дальнейшем повторяться в усиленной форме. Это означает, что единичный случай издевательств над животными потенциально содержит опасность разнообразных, в том числе тяжелых форм насильственного поведения личности в будущем. В условиях глубокой социальной стратификации, неуверенности в будущем, человек, не имеющий достаточно возможностей самоутвердиться как сильная, волевая, умная личность, или непомерно честолюбивый и завистливый ребенок, не способный к успеху в учебе, искусстве, спорте, пытается реализовать себя другим способом. Чаще всего, это желание иметь как можно больше престижных материальных ценностей и/или подчинить себе более слабого, заставить хотя бы его признать свою силу и авторитет. Сначала этот слабый — домашний любимец, а впоследствии — собственный ребенок, жена, пожилой человек и т. д. Приобретенный опыт, фрустрация, духовная опустошенность, апатия и пессимизм подталкивают личность к совершению таких преступлений, как разбой, убийства, пытки, вандализм, поражающие дерзостью и цинизмом.

Как подчеркивают эксперты в области уголовного права, криминалистики, юридической психологии, эколо-

гической этики и ряда других наук, универсальное определение жестокого обращения с животными пока не произведено. Авторы работ по этой проблематике сходятся, пожалуй, лишь в самом общем смысле издевательств над животными как применение к ним неоправданного насилия. Ученые толкуют жестокое обращение с животными как неоправданные разумными (научно и морально обоснованными с точки зрения данного этапа развития человеческого общества и его отношений со средой жизни) мотивами действия, причиняющие страдания живым организмам.

Итак, предлагаем понимать под жестоким обращением с животными умышленное посягательство на установленный порядок содержания и обращения с животными путем причинения физической боли и/или особых мучений, которые могут привести к увечью или смерти позвоночного животного. Указанная теоретическая конструкция, по нашему мнению, отражает реально существующую разновидность преступной практики, а также служит отправным моментом для разработки комплекса эффективных мер предотвращения жестокого обращения с животными. Природа жестокого обращения с животными как социального явления требует осмысления и анализа на высоком методологическом уровне имеющихся научных наработок и учета современных реалий преступности в РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, ред. от 04.10.2022) // Российская газета. — 1993. — № 237; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — ст. 4398; Российская газета. — 2020. — № 144. — Ст. 8198; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 10. — Ст. 8761.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2025. — 400 с.
3. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // Российская газета. — № 295. — 29.12.2018.
4. Гушанова, А. Р. Жестокое обращение с животными: проблемы субъективной стороны [Электронный ресурс] / А. Р. Гушанова // Научный Лидер. — 2023. — № 34 (132). — 36 с. Режим доступа: <https://scilead.ru/article/4920-zhestokoe-obrashchenie-s-zhivotnimi-problemi>
5. Антонян, Ю. М. Криминальная патопсихология / Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан. — М.: АСТ, 2024. — 400 с.
6. Вахрамеева, Д. В. Жестокость в отношении животных и меры ее пресечения в современном российском обществе / Д. В. Вахрамеева // Научные труды КубГТУ. — 2018. — № 6. — С. 77–83.
7. Горохов, Д. Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений» / Д. Б. Горохов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 45–78.
8. Борейко, В. Е. Притравочные станции — концлагеря для животных. Этико-правовой анализ / В. Е. Борейко, М. С. Трунова // Гуманитарный экологический журнал. — 2013. — № 2 (47). — С. 18–24.
9. Капытина, Т. П. Догхантинг как социально-опасное психологическое явление на современном этапе развития российского общества / Т. П. Капытина // Психология: проблемы практического применения: материалы II междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2013 г.). — Чита: Изд.-во «Молодой ученый», 2013. — С. 25–42.
10. Китаева В. Н. Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными / В. Н. Китаева // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 10, № 3. — С. 568–578.
11. Цыганцова С. И. Обеспечение благополучия диких животных в праве ЕС // Труды Института государства и права РАН. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 95–112.

Правовое регулирование коммерциализации научно-технических проектов госпредприятий Республики Беларусь и Российской Федерации

Конева Елена Сергеевна, студент
Санкт-Петербургский институт управления

В статье проведено сравнение правового регулирования коммерциализации научно-технических проектов в Беларуси и России. Выявлены основные проблемы коммерциализации в современных условиях — под влиянием санкций, пандемии. Найдены также отличия в понятиях «коммерциализация» и «внедрение научных разработок в производство».

Ключевые слова: санкции, наука, государственные предприятия, коммерциализация, серийное производство

Актуальность темы состоит в том, что в настоящее время возможности внедрения научных разработок в производство уменьшаются в связи с введением санкций, пандемией. Следует отметить, что санкции нацелены на уменьшение торгового оборота и разрушение логистической цепочки (гражданский оборот).

Определение термина «коммерциализация»

Слово «коммерциализация» в русском языке имеет английско-латинское происхождение. На английском *commerce* и на латыни *commercium* — «торговля».

Коммерциализация научных проектов регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» [1].

Согласно Указу, «... коммерциализация результатов научной и научно-технической деятельности — введение в гражданский оборот и (или) использование для собственных нужд* результатов научной и научно-технической деятельности или товаров (работ, услуг), создаваемых (выполняемых, оказываемых) с применением данных результатов, обеспечивающих достижение экономического и (или) социального эффектов...». Обратим внимание на «*»: «Для целей настоящего Положения под использованием результатов НТД для собственных нужд понимается деятельность юридического лица, индивидуального предпринимателя, не предусматривающая получение прибыли от использования таких результатов и (или) вступление в гражданско-правовые отношения с другими лицами, а также деятельность, связанная с использованием результатов НТД при выполнении НИОКР. Не является использованием результатов НТД для собственных нужд создание (выполнение оказание) с применением данных результатов товаров (работ, услуг) для целей их реализации другим лицам». Поскольку научные организации чаще всего являются государственными, внедрение в них НТД тоже можно отнести к экономическому и социальному фактору.

Законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации

В Беларуси коммерциализация научно-технических проектов регулируется следующими нормативно-правовыми актами:

— Законом Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІ «О научной деятельности» [2];

— Законом Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-ХІІ «Об основах государственной научно-технической политики» [3];

— Указом Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» [1];

— Методическими рекомендациями по применению Указа Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» [14];

— Постановлением Совета министров Республики Беларусь от 2 августа 2013 г. № 681 «О порядке ведения государственного реестра прав на результаты научной и научно-технической деятельности» [5];

— формами договоров и соглашений ГКНТ [4].

Следует отметить, что термин «коммерциализация» в контексте научных проектов в законодательстве Российской Федерации также присутствует: «Коммерциализация научных и (или) научно-технических результатов — деятельность по вовлечению в экономический оборот научных и (или) научно-технических результатов» [11]. Данный термин также применяется в торговле, упоминается в рекомендациях — например, утвержденных Указом Президента РСФСР от 25 ноября 1991 г. № 232 «О коммерциализации деятельности предприятий и торговли в РСФСР» [9] и Указом Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 240 «О коммерциализации деятельности предприятий бытового обслуживания населения в РСФСР» [10], — и чаще всего относится к сфере интеллектуальной собственности [6].

В Российской Федерации коммерциализация регулируется следующими нормативно-правовыми актами:

— Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [11];

— Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [12].

Закон Республики Беларусь определяет, что наука находится под опекой государства и пользуется его поддержкой как исключительно важная сфера для экономического развития, развития культуры, общественных отношений и обеспечивает экономические и правовые гарантии научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Анализ сферы деятельности научных организаций Республики Беларусь

В Законе Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности» [2] говорится, что аккредитация научной организации — форма государственного признания компетентности юридического лица в выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ.

Анализ практики

Прямых упоминаний термина «коммерциализация» в судебной практике Республики Беларусь и Российской Федерации, в части правонарушений, в открытом доступе мало. Однако есть пример копирования, плагиата, неуспешной попытки самостоятельного внедрения результата исследований как документально незафиксированной коммерциализации (дело № 1-3/2017) [7].

Рассмотрим из судебной практики Республики Беларусь *Постановление Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 6 апреля 2022 г. по делу № 155ЭІП213839* [6].

В ходе этого дела рассматривалась неэффективность использования бюджетных средств: исполнителем не была осуществлена реализация освоения (внедрения) научно-технической продукции. Между заказчиком и исполнителем было заключено пять дополнительных соглашений, которыми внесены изменения и дополнения в договор в связи с изменениями и дополнениями в задании по реализации государственной научно-технической программы «Природопользование и экономические риски, 2016–2020 гг.» с учетом приказов Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь. Дополнительным соглашением № 5 от 11 февраля 2019 г. к договору согласован календарный план на 2019 г., подписано задание, определены этапы, и пунктом 5 плана предусмотрено начало освоения продукции в производстве. В рамках второго этапа работ предусматривался выпуск конкретного объема продукции с внедрением и использованием результатов научно-исследовательских работ (НИР): в 1–4м кварталах 2020 г. — 5 тонн, в 2021 г. — 100 тонн. Был подан иск со стороны исполнителя в

связи с отсутствием возможности внедрения научно-исследовательских работ ввиду низкого экономического эффекта, а также обращено внимание на окупаемость проекта, который направлен на решение экологических и социальных проблем.

Следует упомянуть, что исполнитель здесь имеет внебюджетную форму собственности.

Рассмотрим пример из судебной практики Российской Федерации — *приговор Серпуховского городского суда Московской области от 7 августа 2017 г. № 1-3/2017 1-499/2016 по делу № 1-3/2017* [7].

Дело о заключении договора на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ по созданию высокотехнологичного производства инновационных средств измерений и эталонов для их проверки в целях комплексного метрологического обеспечения учета нефти и продукции, ее переработки на всех этапах движения — от скважины до АЗС — при реализации государственной автоматизированной информационной системы «Нефтеконтроль».

Здесь рассматривается дело о больших перечислениях средств без выполнения работ, в качестве отчета использовались уже существующие научно-технические разработки, т. е. имел место плагиат.

Исполнитель имел внебюджетную форму собственности (ЗАО).

Следующий пример — постановление Арбитражного суда Центрального округа РФ от 16 марта 2018 г. по делу № А83-6957/2016 — показывает, как инвестиции в научную сферу использовались для завладения имуществом. Заместитель прокурора Республики Крым в интересах Российской Федерации в лице Федерального агентства научных исследований (ФАНО) обратился в арбитражный суд с иском к Совету Министров Республики Крым о признании недействительным инвестиционного соглашения с ООО «Жемчужина». Ответчик — инвестор ООО «Жемчужина» — утверждает, что имущество, передаваемое им в собственность, не подтверждено документами, не проверялось, какое имущество принадлежало государственному бюджетному учреждению Республики Крым «Национальный научно-исследовательский институт винограда и вина „Магарач“». Земельные участки, принадлежавшие ликвидированной агрофирме «Магарач», предназначены для внедрения научных исследований в производство и являются государственной собственностью. По мнению истца, заключение инвестиционного соглашения ограничивает право научного госучреждения в использовании данного земельного участка, что может привести к причинению ущерба интересам Российской Федерации.

Суд признал инвестиционное соглашение недействительным [8]. Следует отметить, что в этом деле также участвовали Министерство сельского хозяйства Республики Крым, Министерство сельского хозяйства Республики Крым, Министерство имущественных и земельных отношений Республики Крым.

В этом постановлении приведен пример, как *инвестиции со стороны* не позволяют внедрять в производство научные разработки, а нужны всего лишь для завладения имуществом.

Другие проблемы коммерциализации научной деятельности

В СМИ можно встретить примеры мошеннических схем получения ценной научной информации, однако такие материалы публикуются нечасто. В статье *Юлии Величинской* приведен пример, как коммерческие структуры под видом сотрудничества пришли к научным группам для получения ценной информации о биосенсорах, не имея ни материальной, ни технической базы, чтобы затем отобрать у ученых гранты [13].

Заключение

Литература:

1. Указ Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59. «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств». — Текст : электронный // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300059> (дата доступа 30.03.2025).
2. Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІ «О научной деятельности». — Текст : электронный // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19600708> (дата обращения 12.03.2025).
3. Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-ХІІ «Об основах государственной научно-технической политики». — Текст : электронный // Информационно-поисковая система «Эталон»: [сайт]. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19302105> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Коммерциализация результатов ГКНТ. — Текст : электронный. // Государственный комитет по науке и технологиям РБ: [сайт]. — URL: https://www.gknt.gov.by/deyatelnost/nauchno-tekhnicheskaya-politika/kommertsializatsiya_rezultatov_ntd/ (дата обращения 12.03.2025).
5. Постановление Совета министров Республики Беларусь от 2 августа 2013 г. № 681 «О порядке ведения государственного реестра прав на результаты научной и научно-технической деятельности». — Текст : электронный // Информационно-поисковая система «Эталон»: [сайт]. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=C21300681> (дата обращения: 12.03.2025).
6. Постановление Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 6 апреля 2022 г. по делу № 155ЭИП213839 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь: [сайт]. — Текст : электронный — URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/practice/acts_vs/economics/35cb0c8989624021.html (дата обращения: 12.03.2025).
7. Приговор Серпуховского городского суда Московской области от 7 августа 2017 № 1-3/2017 1-499/2016 по делу № 1-3/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — Текст : электронный. — URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZuDWkOMV1fbd/> (дата обращения: 12.03.2025).
8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа РФ от 16 марта 2018 г. по делу № А83-6957/2016 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — Текст : электронный. — URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/dIAseuF9y1du/> (дата обращения: 27.02.2026).
9. Указ Президента РСФСР от 25 ноября 1991 г. № 232 (ред. от 21 октября 2002 г.) «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР». — Текст : электронный // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_764/ (дата обращения: 28.02.2026).
10. Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 240 (ред. от 21 октября 2002 г.) «О коммерциализации деятельности предприятий бытового обслуживания населения в РСФСР» // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [сайт]. — Текст : электронный — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151/ (дата обращения: 28.02.2026).

Различие термина «коммерциализация» от понятия «внедрение научных разработок в производство» заключается в том, что коммерциализация больше ассоциируется населением с коммерческими структурами, т. е. организациями с негосударственной формой собственности, а термин «внедрение научных разработок в производство» скорее подразумевает внедрение разработок в государственное учреждение.

В связи с особенностями современной экономики и актуальными проблемами (санкции, пандемии) успешным решением коммерциализации является создание в научных организациях производственных отделений с внедрением собственных разработок, а также инвестиции в собственное производство, т. к. поиск сторонних и создание совместных предприятий для внедрения научных разработок чреваты большими рисками и издержками.

11. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». — Текст : электронный // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 28.02.2026).
12. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». — Текст : электронный // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.02.2026).
13. Величинская Ю. Грант на мошенничество: бизнесмены крадут технологии у ученых / Ю. Величинская. — Текст : электронный // Информационный ресурс Indicator: [сайт]. — URL: <https://indicator.ru/medicine/grant-na-moshennichestvo.htm> (дата обращения: 12.03.2025).
14. Методические рекомендации по применению Указа Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств». — Текст : электронный — URL: <https://www.gknt.gov.by/upload/docx/2021/16%20%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%2028.08.2018.docx> (дата обращения: 02.03.2026).
15. Лосев С. С. Коммерциализация результатов научной и научно-технической деятельности в соответствии с требованиями Указа № 59: правовые аспекты / С. С. Лосев. — Текст : электронный // Онлайн-сервис готовых правовых решений в сфере бухгалтерского учета, налогообложения и права Ilex: [сайт]. — URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEQSBO/21547/> (дата обращения: 15.03.2025).
16. Правовое обеспечение направлений научно-технической и инновационной деятельности. — Текст : электронный. — URL: http://scienceportal.belisa.org.by/upload/Pravovoe%20obespechenie%20NTD_2012.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
17. Дроздов Л. М. Неэффективное использование бюджетных средств: обзор судебной практики / Л. М. Дроздов. — Текст : электронный // Онлайн-сервис готовых правовых решений в сфере бухгалтерского учета, налогообложения и права Ilex: [сайт]. — URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/becmb/38605/> (дата обращения: 12.03.2025).

Пробация: социальная сущность и юридическая природа

Леонтьева Маргарита Михайловна, аспирант
Ульяновский государственный университет

С 1 января 2024 года в Российской Федерации действует Федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Пробация — совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц [1].

Законодательно закреплены три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная.

Исполнительная пробация — вид пробации, представляющий собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера.

Пенитенциарная пробация — вид пробации, применяемый в отношении осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, представляющий собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также на подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений.

Постпенитенциарная пробация — вид пробации, применяемый в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию [1].

Новизна состоит в том, что пробация представляет собой одну из наиболее актуальных и обсуждаемых тем в современной юридической науке и практике.

В условиях, когда система уголовного правосудия стремится к гуманизации и реабилитации правонарушителей, пробация становится важным инструментом,

направленным на снижение рецидивной преступности и успешную интеграцию осужденных в общество, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц.

Пробация основана на принципах приоритета прав и законных интересов человека и гражданина, гуманизма, соблюдения законности, рациональности применения мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера и мер стимулирования правопослушного поведения, учета индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей, открытости (прозрачности), преемственности, непрерывности, добровольности при применении probation, что позволяет учитывать личные обстоятельства осужденного, его социальный статус, причины совершения преступления и другие факторы.

Основная цель probation заключается в коррекции социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется probation, предупреждение совершения ими новых преступлений [1]. Это позволяет не только наказать правонарушителя, но и создать условия для его исправления и возвращения в общество. Этот подход позволяет избежать негативных последствий, связанных с тюремным заключением, таких как стигматизация, утрата социальных связей и трудностей с трудоустройством после освобождения.

Задачами probation являются создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых приме-

няется probation, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина [1].

Пробация, как институт уголовной юстиции, занимает важное место в системе правоприменения и социальной реабилитации правонарушителей. В условиях современного общества, где акцент на восстановление и интеграцию в общество становится все более актуальным, probation выступает инструментом, позволяющим не только минимизировать негативные последствия преступлений, но и способствовать исправлению и ресоциализации осужденных.

В России probation представляет собой относительно новый институт, который, несмотря на свою молодость, уже успел зарекомендовать себя как эффективный механизм, способствующий снижению уровня рецидивной преступности и улучшению социальной обстановки.

Согласно последним статистическим данным МВД России и Верховного суда Российской Федерации в 2025 году наблюдается тенденция к снижению показателей рецидивной преступности по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее — АППГ).

Ниже приведены основные цифры и динамика:

Показатель	Значение за 2025 г.	Сравнение с АППГ (2024 г.)
Количество дел в отношении рецидивистов	~108 500 (за 11 мес.)	-34 % (сокращение на 1/3)
Общее число зарегистрированных преступлений	Снижение на 6,3 %	Стабильный тренд на убыль
Доля лиц, ранее совершавших преступления	Около 55–57 %	Незначительное снижение доли в общей массе

По данным Верховного суда Российской Федерации за 11 месяцев 2025 года суды рассмотрели 108 500 дел, в которых обвиняемые имели непогашенную судимость.

Для сравнения, за весь 2024 год таких дел было около 165 000.

Это означает фактическое сокращение объема «рецидивных» дел более чем на 50 тысяч.

В целом по России за 10 месяцев 2025 года преступность сократилась на 6,3 %.

При этом наиболее заметно снизилось число тяжких преступлений против личности: убийств (на 13,2 %) и причинения тяжкого вреда здоровью (на 13,5 %).

Почему показатели снижаются? Эксперты (в частности, представители Федеральной палаты адвокатов) связывают резкое снижение рецидива не только с работой правоохранительных органов, но и с внешними факторами. Так, например, начало работы системы probation для осужденных (внедрение сервисов через «Госуслуги» и помощь в трудоустройстве).

Социальная сущность probation проявляется в ее способности воздействовать на различные аспекты жизни

осужденных и их семей. Пробация не только предоставляет возможность предотвратить совершение нового преступления, но и создает условия для социальной адаптации, что, в свою очередь, снижает риск рецидива.

В рамках probation осуществляется работа с различными социальными институтами, что позволяет создать комплексный подход к проблемам, с которыми сталкиваются правонарушители. Это может включать в себя помощь в поиске работы, доступ к образовательным программам, а также поддержку в решении личных и семейных проблем.

Таким образом, probation становится не только механизмом контроля, но и важным элементом социальной политики, направленной на профилактику преступности и реабилитацию правонарушителей.

Социальная сущность probation проявляется прежде всего в её направленности на восстановление нарушенных социальных связей и минимизацию деструктивных последствий преступного поведения для индивидов и окружения. В отличие от карательных мер, цель probation ориентирована не только на реагирование на уже совер-

шённое правонарушение, но и на создание условий для устойчивой адаптации человека в обществе, что предполагает комплексное воздействие на экономические, образовательные, семейные и психологические факторы, способствующие преступности.

Цели probationи формулируются исходя из этой двойственной природы: предупредить совершение новых правонарушений, содействовать социальной и трудовой интеграции, снизить ущерб, причинённый потерпевшим и обществу, а также способствовать восстановлению ответственности и правосознания у правонарушителя. Практическая реализация этих целей требует определения приоритетов, адаптированных к индивидуальным особенностям лиц, находящихся под надзором: для одной основной задачей станет получение образования и трудоустройство, для других — лечение зависимостей или коррекция агрессивного поведения.

Таким образом, probation выступает не столько как единая программа, сколько как гибкий механизм, способный формировать персонализированные планы вмешательства [2, с. 22].

Ключевые задачи probationной практики включают оценку рисков и потребностей, разработку и реализацию индивидуальных программ ресоциализации, координацию взаимодействия с учреждениями здравоохранения, службы занятости, образования и социального обслуживания, а также работу с семьёй и местным сообществом. Оценка рисков и потребностей является отправной точкой: на её основе определяются приоритеты вмешательства, ресурсы и сроки. Эффективная оценка должна учитывать не только криминологические индикаторы (предыдущие судимости, природа правонарушений), но и социодемографические характеристики, статус занятости, наличие поддерживающей сети, состояние здоровья и наличие зависимостей.

Probation также выполняет превентивную функцию, направленную на общество в целом. Через доступность программ ресоциализации для широких слоёв населения государство демонстрирует стремление к восстановительной, а не только карательной политике, что может менять общественные установки и снижать толерантность к маргинализации.

Важной задачей здесь является формирование общественного диалога и привлечения волонтёров, работодателей, образовательных учреждений и сообществ к участию в реабилитационных программах. Успешные примеры ресоциализации и публичные кампании по разъяснению функции probationи способствуют уменьшению стигмы и повышают шанс на возвращение людей к нормальной жизни.

Для оценки эффективности этих социальных задач необходимы чёткие индикаторы: снижение рецидива в измеряемые сроки, уровень занятости среди находящихся под надзором, показатели завершенности программ лечения зависимостей, качество социальных связей (например, наличие постоянного жилья и поддержки со сто-

роны семьи) и удовлетворённость участников услугами probationи.

Важным компонентом является обратная связь от сообществ и потерпевших, включённость которых позволяет корректировать программы и делает их более приемлемыми и полезными.

Наконец, реализация социальных задач probationи сталкивается с рядом практических проблем: ограниченные ресурсы, дефицит квалифицированных кадров, региональные неравенства в доступе к социальным услугам и общественное недоверие. Для преодоления этих препятствий требуется системная политика: устойчивое финансирование программ реабилитации, создание межведомственных механизмов сотрудничества, повышение квалификации probationных работников в области социальной работы и психологии, а также развитие партнёрств с НКО и бизнесом.

Баланс между контролем и поддержкой должен быть принципиально выстроен так, чтобы защита общества сочеталась с реальной возможностью для личностной трансформации правонарушителя, а успех оценивался не только через призму наказания, но и по степени восстановления социальных функций и включённости в жизнь общества.

Юридическая природа probationи в России определяется её местом в системе уголовного права и правоприменительной практики. Probation, как институт, регулируется специальными нормами, которые описывают права и обязанности как осуждённых, так и «probationных» сотрудников и работников.

Юридическая природа probationи определяется как сочетание элементов уголовного, административного и гражданского права. Probation основана на принципах законности, гуманизма и индивидуализации наказания, что позволяет учитывать личные обстоятельства каждого правонарушителя и подбирать наиболее подходящие меры воздействия.

Это делает probation гибким инструментом, который может быть адаптирован под конкретные условия и потребности. Однако, несмотря на свою гибкость, probation требует четкого правового регулирования и контроля, чтобы избежать злоупотреблений и обеспечить защиту прав как правонарушителей, так и общества.

Таким образом, probation в России является важным и актуальным институтом, который сочетает в себе элементы наказания и реабилитации. Она способствует не только снижению уровня рецидивной преступности, но и восстановлению социальных связей, что в конечном итоге ведет к более безопасному и гармоничному обществу.

Probation представляет собой не только юридическую, но и социальную ценность, и её дальнейшее развитие должно стать приоритетом для государства и общества в целом. Важно понимать, что успешная реализация probationи возможна только при условии комплексного подхода к её внедрению и функционированию, а также ак-

тивного участия всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, неправительственные организации и само общество.

В заключение, можно утверждать, что пробация в России имеет значительный потенциал для улучшения системы уголовного правосудия и повышения уровня

безопасности в обществе. Это требует не только законодательных изменений, но и изменения общественного сознания, что является долгосрочной задачей. Пробация может стать эффективным инструментом в борьбе с преступностью, если будет правильно организована и поддержана на всех уровнях.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 9 февраля. № 29.
2. Егоров Д. Г. Защита морали как миссия уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости УИС. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-morali-kak-missiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.09.2025). С. 22.
3. Скиба А. П. Принятие федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: некоторые направления развития законодательства о противодействии преступности // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2 (59). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-federalnogo-zakona-o-probatsii-v-rossiyskoy-federatsii-nekotorye-napravleniya-razvitiya-zakonodatelstva-o-protivodeystvii](https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-federalnogo-zakona-o-probatsii-v-rossiyskoy-federatsii-nekotorye-napravleniya-razvitiya-zakonodatelstva-o-protivodeystvii-pristupnosti) (дата обращения: 09.08.2025).

Теоретико-правовой анализ института исковой давности в контексте современных тенденций правоприменительной практики

Махлушева Анна Андреевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию института исковой давности в гражданском праве Российской Федерации. В работе анализируется правовая природа исковой давности, ее функциональное назначение и место в системе гражданско-правовых сроков. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, связанным с определением начала течения срока, его приостановлением, перерывом и восстановлением, а также применением относительно нового института объективной (предельной) исковой давности. На основе анализа доктринальных источников и обширного массива судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции за последние пять лет выявляются системные проблемы и противоречия в толковании и применении норм об исковой давности. Автором формулируется авторская концепция понимания данного института, обосновывается необходимость дифференцированного подхода к субъективному и объективному критериям исчисления срока, предлагаются пути совершенствования законодательства и унификации судебной практики, включая законодательное закрепление примерного перечня уважительных причин пропуска срока и уточнение правил применения объективной давности с учетом действия закона во времени.

Ключевые слова: *исковая давность, срок защиты права, объективная исковая давность, субъективный критерий, начало течения срока, приостановление срока, перерыв срока, восстановление срока, судебная практика, злоупотребление правом.*

Институт исковой давности традиционно занимает одно из центральных мест в системе гражданского права, выступая в качестве неотъемлемого элемента механизма судебной защиты нарушенных прав и важнейшего инструмента упорядочивания гражданского оборота. Его сущность, правовая природа и практика применения на протяжении десятилетий остаются в фокусе пристального внимания цивилистической доктрины, что обусловлено фундаментальным значением давностных сроков для обеспечения стабильности и определенности правовых связей между участниками имущественного обо-

рота. Являясь материально-правовой категорией, исковая давность призвана дисциплинировать участников гражданских правоотношений, стимулировать их к своевременной реализации права на судебную защиту и одновременно служить фактором, ограждающим потенциального ответчика от неопределенно долгой угрозы судебного преследования, а также содействовать эффективности правосудия посредством исключения из судебного разбирательства дел с утраченной доказательственной базой [1].

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующим: несмотря на то, что правила нормативного

регулируемые, закрепленные в главе 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и развернутых разъяснениях Пленума Верховного суда РФ, содержащихся в постановлении от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», кажутся устоявшимися, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с рядом сложных и дискуссионных вопросов. В условиях динамично развивающихся экономических отношений, усложнения гражданско-правовых связей и появления новых категорий споров особую значимость приобретает единообразное толкование судами таких категорий, как момент начала течения срока, основания для его приостановления или перерыва, критерии уважительности причин пропуска срока, а также применение последствий истечения срока к дополнительным требованиям. Кроме того, введение в 2013 году в пункт 2 статьи 196 ГК РФ нормы об объективной (предельной) исковой давности, ограничивающей защиту права десятью годами со дня нарушения, поставило перед наукой и практикой новые вопросы, связанные с соотношением исковой давности с субъективным сроком, правилами действия во времени и особенностями применения в различных категориях дел. Целями настоящей статьи являются комплексный теоретико-правовой анализ института исковой давности в контексте современных тенденций правоприменительной практики, выявление проблемных аспектов реализации норм и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных (диалектический, системный анализ) и частнонаучных методов познания (формально-юридический, метод сравнительного правоведения, метод анализа и обобщения судебной практики), что позволяет рассмотреть институт в его развитии, выявить внутренние противоречия и сформулировать обоснованные выводы.

В юридической науке дискуссия о правовой природе исковой давности имеет давнюю историю и сохраняет свою актуальность. Традиционно выделяются два основных подхода: материально-правовой, рассматривающий исковую давность как институт материального права, и процессуальный, согласно которому истечение давностного срока погашает лишь возможность обращения в суд, но не само субъективное право. Как справедливо отмечает в своем исследовании П. Д. Гайван, истечение срока исковой давности не влечет прекращения материального правоотношения, а лишь ограничивает во времени одно из правомочий управомоченного лица — право на обращение в суд, вследствие чего субъективное право, не прекращаясь по содержанию, приобретает так называемый естественный характер, что, в свою очередь, означает легитимность его добровольного исполнения должником даже после отказа судом в иске по мотиву пропуска срока. Данный подход представляется наиболее обоснованным, поскольку согласуется с нормой, изложенной

в пункте 1 статьи 199 ГК РФ и устанавливающей, что требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности, который применяется только по заявлению стороны в споре. Тем самым законодатель подчеркивает диспозитивный характер применения данного института и его материально-правовую природу [2]. Вместе с тем нельзя полностью отрицать и процессуальный аспект, поскольку реализация норм об исковой давности осуществляется в рамках судебного разбирательства и порождает процессуальные последствия в виде отказа в иске. Это позволяет говорить о дуалистической природе института, сочетающей материально-правовые и процессуальные элементы при доминировании первых. Функциональное назначение исковой давности не ограничивается лишь дисциплинированием участников оборота — оно также включает защиту интересов ответчика от неопределенно долгой угрозы судебного преследования и содействие эффективности правосудия, поскольку с течением времени объективно усложняется процесс доказывания, утрачиваются доказательства, забываются обстоятельства дела. Как подчеркивает И. В. Каша, правовая определенность и стабильность в сфере гражданского оборота обеспечиваются в том числе нормативным закреплением сроков исковой давности, а рассматриваемый институт стимулирует всех заинтересованных лиц своевременно осуществлять защиту своих субъективных гражданских прав. При этом, как обоснованно отмечает ряд авторов, вряд ли обоснованно использование срока исковой давности в отраслях публично-правового характера без учета их отраслевой специфики, поскольку последние, как правило, предусматривают собственные давностные сроки.

Одной из ключевых проблем, неизменно порождающих судебные споры и требующих глубокого теоретического осмысления, является определение начала течения срока исковой давности. Законодатель в пункте 1 статьи 200 ГК РФ связывает этот момент с днем, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком. Данная формулировка, сочетающая субъективный («узнал») и объективный («должен был узнать») критерии, оставляет широкий простор для судебного усмотрения, что на практике приводит к неоднородности судебных решений. Как справедливо указывает Ю. В. Дахов, общий критерий в виде осведомленности истца о факте нарушения его прав недостаточен, что в определенных ситуациях приводило к принятию судами несправедливых решений о признании истца пропустившим срок исковой давности. В связи с этим в рамках законодательства и судебной практики были разработаны дополнительные критерии: известность истцу личности ответчика и наличие возможности точного определения размера исковых требований. Тенденция по разработке новых критериев обусловлена необходимостью реализации общего принципа, согласно которому исковая давность не может применяться к лицам, объективно не способным предъ-

явить иск в силу отсутствия всей полноты информации о нарушении и нарушителе. Особую сложность представляют ситуации, когда нарушение права не является очевидным для потерпевшего либо когда информация о нарушении становится известной не самому обладателю права, а иному лицу, действующему в его интересах (например, финансовому управляющему в деле о банкротстве или ликвидатору). Верховный суд РФ в ряде определений последовательно занимает позицию, согласно которой срок исковой давности следует исчислять с того момента, когда о нарушенном праве стало известно самому обладателю этого права, а не лицу, впоследствии наделенному полномочиями по защите данного права [3]. Передача полномочий от должника к финансовому управляющему или изменение состава органов юридического лица не изменяют момента, когда первоначальный обладатель права узнал или должен был узнать о нарушении. Этот правовой подход, основанный на системном толковании статей 200 и 201 ГК РФ, направлен на предотвращение искусственного продления давностных сроков путем смены лиц, представляющих интересы потерпевшего.

Показательным примером сложности применения субъективного критерия является дело, рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ, связанное с оспариванием торгов по продаже имущества банка-банкрота. Группа кредиторов обратилась с иском о признании торгов недействительными, однако нижестоящие суды отказали в удовлетворении требований, сославшись на пропуск истцами годичного срока исковой давности. При этом начало течения срока было определено судами как момент опубликования результатов торгов в реестре сведений о банкротстве и размещения соответствующего протокола. Верховный суд РФ с таким подходом не согласился, указав, что вывод нижестоящих судов основан на предположении о наличии у кредиторов обязанности по ежедневному мониторингу данных реестра, что не соответствует критериям разумного поведения обычного участника гражданского оборота. Судебная коллегия подчеркнула, что суды фактически определили момент, когда истцы могли узнать о нарушении прав, а не тот момент, когда они должны были узнать о нем, что противоречит смыслу статьи 200 ГК РФ. Данное дело иллюстрирует важность учета конкретных обстоятельств и фактической возможности лица получить информацию о нарушении, а также недопустимость возложения на участников оборота чрезмерных и неразумных обязанностей по мониторингу публичной информации.

Не менее сложным и дискуссионным является вопрос о применении правил о приостановлении, перерыве и восстановлении срока исковой давности. Как отмечает В. А. Кузнецов, несмотря на проведенную реформу гражданского законодательства, институт исковой давности остается недостаточно развитым, а изучение материалов юридической науки и обзор судебной практики демонстрируют наличие неразрешенных вопросов, свя-

занных с остановкой, приостановлением и возобновлением периодов сроков давности [4]. Наиболее распространенным основанием для приостановления срока, согласно статье 202 ГК РФ, является обращение сторон к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке, включая обязательный претензионный порядок или процедуру медиации. Однако открытый перечень таких оснований порождает неоднозначное толкование судами. В судебной практике нередки случаи, когда стороны полагают, что обращение в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела приостанавливает течение срока исковой давности по гражданско-правовому требованию. Суды, как правило, не признают такие обращения обстоятельствами, прерывающими или приостанавливающими срок, поскольку те не препятствуют одновременному обращению в суд за защитой нарушенных прав.

Перерыв течения срока исковой давности, согласно статье 203 ГК РФ, связывается с совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга. При этом закон не содержит исчерпывающего перечня таких действий, что приводит к значительным сложностям в правоприменении. Судам приходится в каждом конкретном случае оценивать, можно ли расценивать те или иные действия ответчика (частичную оплату, подписание акта сверки, просьбу об отсрочке платежа, ответ на претензию без оспаривания долга) как безусловное признание долга, влекущее перерыв течения срока. Анализ судебной практики показывает, что наличие одного лишь факта частичной оплаты не всегда расценивается судами как признание долга в целом, особенно если оплата производилась с указанием на иные основания или в счет исполнения иного обязательства. Кроме того, важно учитывать, что перерыв течения срока исковой давности возможен лишь в пределах самого срока, а не после его истечения.

Отдельного внимания заслуживает институт восстановления срока исковой давности, предусмотренный статьей 205 ГК РФ. Законодатель устанавливает, что восстановление срока возможно лишь в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину его пропуска в связи с обстоятельствами, связанными с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п.). При этом причины пропуска срока могут признаваться уважительными, если они имели место в последние шесть месяцев срока давности.

Анализ судебной практики за последние пять лет свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к оценке уважительности причин пропуска срока, что является существенной проблемой современного правоприменения. Как справедливо отмечает В. С. Черногорова, узкая трактовка причин для восстановления сроков при отсутствии законодательно закрепленных критериев порождает противоречивую практику. В одних случаях суды признают уважительными такие обстоятельства, как состояние здоровья истца, длительное время страдающего тяжелыми заболеваниями, в том числе в последние

шесть месяцев срока давности. В других делах в качестве уважительных причин признается совокупность таких факторов, как престарелый возраст, ограничения в передвижении, уровень материального благосостояния и правовая неграмотность. Встречаются решения, в которых суды считают возможным восстановить срок, если истец ранее обращался с этим же иском, но тот был возвращен по причине неподведомственности или неподсудности, и стороне не было своевременно известно о возвращении иска. Вместе с тем существует обширная практика, в которой суды отказывают в восстановлении срока, не находя те или иные обстоятельства исключительными. Так, незнание положений законодательства РФ и юридическая безграмотность последовательно не признаются судами в качестве уважительных причин, поскольку эти обстоятельства не имеют исключительного характера и не лишают истца возможности своевременно обратиться за судебной защитой. Обращение истца в правоохранительные органы также не является основанием для восстановления срока, равно как и потеря документов, касающихся спорного вопроса [5].

Показательным примером неоднозначности подходов является сопоставление позиций различных судов по вопросу ошибочного определения территориальной подсудности: в то время как Оренбургский областной суд отклонил довод о том, что обращение в суд с нарушением правил подсудности является уважительной причиной пропуска срока, Самарский областной суд в аналогичной ситуации признал ошибку в территориальной подсудности, допущенную представителем истца, обстоятельством, носящим исключительный характер. Такая противоречивая практика свидетельствует о необходимости либо законодательного закрепления более четких критериев уважительности причин пропуска срока, либо выработки соответствующих разъяснений на уровне Пленума Верховного суда РФ. В связи с этим заслуживает

поддержки предложение Д. А. Старова о необходимости внесения в гражданское законодательство изменений, разрешающих индивидуальным предпринимателям восстанавливать срок исковой давности и конкретизирующих перечень причин, которые могут свидетельствовать об уважительности пропуска срока. Указанные изменения не только согласуются с конституционной гарантией права на судебную защиту, но и приведут судебную практику к единообразию и стабильности.

В заключение следует отметить, что институт исковой давности играет важнейшую роль в гражданском праве, обеспечивая защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений и поддержание правовой стабильности. Проведенное исследование подтвердило значимость четкого разграничения субъективных и объективных сроков исковой давности, которые выполняют разные, но взаимодополняющие функции. Субъективный срок предоставляет истцу время для осознания нарушения своих прав и принятия мер по их защите, тогда как объективный срок ограничивает возможность предъявления исков по прошествии значительного времени, независимо от осведомленности лица о нарушении. Введение предельного десятилетнего срока исковой давности и формирование практики его применения требуют дальнейшего анализа и адаптации правоприменительной практики, что необходимо для поддержания баланса между защитой прав и необходимостью завершенности гражданских споров. Анализ судебной практики свидетельствует о наличии системных проблем в применении норм об исковой давности, включая ошибки в определении начала течения срока, различную оценку уважительности причин пропуска срока и неверное толкование правил об объективной давности. Многие из этих проблем могут быть разрешены путем законодательного закрепления более четких критериев и унификации судебной практики на уровне разъяснений Пленума Верховного суда РФ.

Литература:

1. Леонченко, А. В. Институт исковой давности в гражданском праве: актуальность, функции и современные проблемы / А. В. Леонченко // Актуальные исследования. — 2025. — № 50 (285). — С. 34–36.
2. Агутин, А. В. Проблемы института сроков исковой давности / А. В. Агутин, В. В. Захарова // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8. — № 4 (32). — С. 139–145.
3. Хусаинов, Р. Т.-А. Исковая давность как инструмент обеспечения правовой определенности в гражданских правоотношениях / Р. Т.-А. Хусаинов // Вестник магистратуры. — 2025. — № 9–1 (168). — С. 56–57.
4. Семенова, Я. О. Сроки исковой давности и методика их исчисления / Я. О. Семенова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 11–1. — С. 156–161.
5. Лебедь, Н. Институт исковой давности и проблема защиты нарушенных прав в гражданском праве / Н. Лебедь // Вестник Донецкого университета. Серия 06: Юридические науки. — 2023. — № 1. — С. 54–61

Коррупционные правонарушения в сфере управления государственными закупками: тенденции и профилактика

Медведева Дарья Евгеньевна, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Проблема коррупции в сфере государственных закупок продолжает оставаться актуальной, несмотря на принимаемые государством меры по её предотвращению. Настоящее исследование посвящено изучению особенностей коррупционных правонарушений в данной сфере, выявлению тенденций их распространения и формированию комплекса мер по эффективному противодействию. Исследование основано на анализе отечественной и международной нормативно-правовой базы, изучении специализированной литературы и практическом опыте российских регионов.

Введение

Государственные закупки играют значительную роль в функционировании экономической системы страны, обеспечивая удовлетворение публичных потребностей и стимулируя развитие предпринимательства. Вместе с тем эта сфера подвержена высокому риску коррупционных проявлений, связанных с крупными финансовыми потоками и сложностью процедуры распределения ресурсов. Несмотря на активное реформирование законодательства и введение новых механизмов контроля, проблема остаётся острой. В частности, наблюдаются такие явления, как взяточничество, манипуляция условиями конкурса, завышение стоимости товаров и услуг и скрытые соглашения между заказчиками и исполнителями [1, с. 34].

Важнейшим аспектом изучения вопроса становится формирование эффективного механизма противодействия коррупции, включающего в себя совершенствование законодательства, повышение профессионализма государственных служащих и обеспечение прозрачности процесса закупок.

Методы исследования

Работа выполнена на основании аналитического обзора международно-правовых актов, федерального законодательства Российской Федерации, постановлений правительства и ведомственных инструкций. Используются также материалы исследований, ведущих отечественных ученых и экспертов в области антикоррупционной политики и экономических наук.

Нормативно-правовая база регулирования сферы государственных закупок

Рассматриваемая проблема регулируется рядом важнейших нормативных актов, среди которых ключевыми являются:

1. Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», устанавливающий единые правила организации и осу-

ществления закупок, обеспечивая прозрачность и конкуренцию. Включает механизмы выявления и пресечения коррупционных практик, таких как сговор участников торгов и неправомерное влияние на принятие решений.

Основные разделы, регулирующие рассматриваемую сферу:

- Статья 6 Принцип открытости и прозрачности процедур закупок.
- Глава 3. Требования к обеспечению конкуренции и ограничению монополизма.
- Раздел IV. Установление порядка оценки заявок участников торгов и выявления победителя.
- Статья 34. Обеспечение исполнения контракта.
- Статья 99. Контроль соблюдения требований закона, выявление нарушений и привлечение виновных лиц к ответственности.

Последние изменения в законе усилили контроль над процедурами выбора поставщиков, ввели дополнительные требования к квалификации исполнителей контрактов и ужесточили санкции за нарушение процедуры закупки.

1. Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», содержащий базовые нормы и концепции, направленные на борьбу с коррупцией в целом и в сфере госзакупок в частности.

В рамках сферы государственных закупок внимание уделяется следующим статьям:

- Статья 10. Ограничение возможности участия чиновников в предпринимательской деятельности, связанной с госзаказом.
- Статья 13. Запрет чиновникам получать подарки и выгоды от компаний-участников тендеров.
- Статья 14. Обязанность сообщать обо всех случаях конфликта интересов, возникающих при проведении конкурсных процедур.

Федеральный закон регулярно обновляется, вводятся новые механизмы контроля и профилактики коррупции.

2. Международные договоры, такие как Конвенция ООН против коррупции и Европейская Конвенция о борьбе с коррупцией, предоставляющие универсальную платформу для сотрудничества государств в борьбе с коррупцией.

В результате анализа выявлены пробелы и противоречия в законодательстве, создающие предпосылки для

появления коррупционных практик. Отмечены расхождения в терминологии и понятиях, используемых в различных актах. Например, Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Уголовный кодекс РФ используют разные подходы к определению состава коррупционных преступлений. Отсутствие единообразия в толковании термина «коррупция» и различие подходов к квалификации коррупционных преступлений приводят к сложности применения правовых норм на практике [2, с. 56].

Результаты исследования

Основными формами коррупционных правонарушений в сфере госзакупок являются:

- Предоставление преимуществ определенным поставщикам путем манипуляции критериями оценки.
- Завышение начальной максимальной цены контракта, приводящее к дополнительным финансовым потерям.
- Использование ложных сведений и фальсификация отчетных документов.
- Взятничество и лоббирование коммерческих интересов определенными группами влияния.

Наиболее распространёнными причинами коррупции являются:

- Недостаточная прозрачность и доступность информации о закупочных процессах.
- Низкая квалификация персонала, ответственная за осуществление закупок.
- Отсутствие должного уровня внутреннего контроля и слабая организация внешнего аудита.

Разработка и реализация комплекса профилактических мер позволяют существенно уменьшить число коррупционных правонарушений. Наиболее перспективными мерами являются автоматизация и цифровизация процессов закупок, регулярное обновление обра-

зовательных программ для сотрудников государственных структур, повышение уровня прозрачности и доступности информации, активная поддержка институтов гражданского общества и СМИ.

Выводы и практические рекомендации

Проведённое исследование позволило сформулировать ряд выводов и практических рекомендаций:

1. Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, особенно в части устранения коллизий и двусмысленности формулировок.
2. Целесообразность внедрения прозрачных и удобных электронных платформ для проведения закупок, снижающих субъективизм и коррупционные риски.
3. Усиление внутреннего и внешнего контроля за процессом закупок, расширение полномочий специальных служб по борьбе с коррупцией.
4. Повышение квалификации кадров, участвующих в процедуре закупок, через образовательные курсы и программы сертификации.
5. Поддержка инициатив гражданского общества и медиа в мониторинге процессов закупок и выявлении фактов коррупции.

Заключение

Коррупционные правонарушения в сфере управления государственными закупками наносят значительный ущерб экономике и социальной стабильности государства. Эффективное противодействие этому негативному явлению возможно лишь при условии активного участия всех субъектов политической и экономической жизни, включая государство, бизнес-сообщество и гражданские институты. Лишь консолидация усилий способна привести к заметному сокращению коррупции и улучшению общей обстановки в стране.

Литература:

1. Артемьев М. Ю. Основы антикоррупционной политики: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2022. — 236 с.
2. Борисов В. Д. Экономическая безопасность и государственное регулирование: Учебник. — М.: Инфра-М, 2023. — 348 с.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
5. Конвенция ООН против коррупции (UNCAC). — Нью-Йорк, 2003.
6. Европейская Конвенция о борьбе с коррупцией. — Совет Европы, 1999.

Преступления в сфере компьютерной информации: понятие и общая характеристика главы 28 УК РФ

Мелёхин Дмитрий Владимирович, студент магистратуры

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье автор дает общую характеристику преступлений в сфере компьютерной информации: подробно раскрывает мнение о том, что используемое в главе 28 УК РФ определение «преступления в сфере компьютерной информации» является наиболее верным для преступлений, совершенных при помощи информационно-телекоммуникационных (компьютерных) технологий; приходит к выводу, что данная группа преступлений включает в себя как информационные компьютерные преступления, так и любые иные преступления, которые так или иначе связаны с применением компьютеров, информационно-телекоммуникационных технологий или сетей.

Ключевые слова: информационные технологии, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», право, преступления, понятие, общая характеристика, уголовное законодательство России, цифровизация, компьютерная информация, Российская Федерация, Уголовный кодекс Российской Федерации.

С приходом цифровизации, такие явления как доступ в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», социальные сети и различные информационно-телекоммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни общества. Бесспорно, на сегодняшний день данные новшества охватили собой все сферы, имея не всегда надлежащую защиту в плане персональных данных пользователей. Согласно открытым источникам, только за первые восемь месяцев 2025 года (с января по август) в открытую сеть утекли почти 13 млрд строк персональных данных россиян. Это почти в четыре раза больше, чем за весь 2024 год, когда было зафиксировано 3,5 млрд. украденных строк [1].

Поэтому процесс компьютеризации имеет не только положительные стороны, так как преступники пытаются использовать данные блага в своих преступных целях, тем самым создав новую категорию преступлений, которая еще не получила однозначного толкования среди научных деятелей.

В связи с этим, на данный момент встречаются такие понятия как «преступления в сфере компьютерной информации»; «преступления, совершенные при помощи сети «Интернет»», киберприступность и другие дефиниции, аккумулирующие в себе факт участия компьютеров [2, с. 6].

В главе 28 УК РФ используется термин «преступления в сфере компьютерной информации» [3]. Представляется логичным заключить, что данное определение является наиболее удачным. Представляется логичным заключить, что данное определение является наиболее удачным потому что оно максимально широко охватывает все возможные формы и виды деяний, связанных с использованием компьютерных технологий, независимо от того, где и как именно они были совершены.

Использование термина «преступления в сфере компьютерной информации» позволяет избежать излишней детализации и фокусировки на конкретных технологиях или инструментах, которые могут быстро устаревать. Сеть «Интернет» — лишь одно из средств, при помощи

которого могут совершаться подобные преступления, но не единственное. Квалификация деяния как преступления в сфере компьютерной информации позволяет законодателю оставаться гибким и адаптироваться к постоянно меняющемуся технологическому ландшафту.

Кроме того, определение «преступления в сфере компьютерной информации» акцентирует внимание на объекте преступного посягательства — самой информации, ее конфиденциальности, целостности и доступности. Это соответствует современному пониманию ценности информации в цифровом обществе и позволяет эффективно бороться с угрозами, направленными на ее хищение, уничтожение, искажение или несанкционированный доступ.

В отличие от более узких формулировок, например, «киберпреступность», которая часто ассоциируется исключительно с преступлениями, совершаемыми через сеть «Интернет», понятие «преступления в сфере компьютерной информации» охватывает деяния, совершенные как в онлайн, так и в офлайн среде, при условии, что они связаны с компьютерной информацией. Например, несанкционированный доступ к информации на локальном компьютере без использования сети также подпадает под эту категорию.

К преступлениям в сфере компьютерной информации относятся: неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения (ст. 272.1 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ); нарушение правил централизованного

управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ); незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции (ст. 274.3 УК РФ); организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации (ст. 274.4 УК РФ); организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса (ст. 274.5 УК РФ).

Круг информационных компьютерных преступлений образуют преступления, совершаемые в сфере использования информационно-телекоммуникационных (ком-

пьютерных) технологий. Это преступления в сфере компьютерной информации, а также иные преступления, которые совершаются в сфере использования информационно-телекоммуникационных (компьютерных) технологий.

Также следует отметить, что указанный перечень преступлений не является исчерпывающим, так как данная группа преступлений включает в себя как информационные компьютерные преступления, так и любые иные преступления, которые так или иначе связаны с применением компьютеров, информационно-телекоммуникационных технологий или сетей. Например, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ содержит в себе способ сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов при использовании средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Литература:

1. Официальный электронный портал газеты «РБК»: Объем слитых данных россиян вырос вчетверо, до 13 млрд строк. — URL: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2025/68d24e309a7947c037bff93e> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Попов, А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018—68 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

Объект особого пристрастия в компенсации морального вреда

Моисеенко Александра Александровна
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В данной статье рассматривается проблема компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав гражданина в отсутствие прямого указания закона на такую возможность. Предметом исследования является уменьшение нематериальной ценности имущественного блага как самостоятельное основание компенсации морального вреда. Объект исследования составляют гражданско-правовые отношения, возникающие вследствие причинения вреда имущественным интересам, затрагивающим личную сферу потерпевшего. В исследовании применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и аналитический методы. Рассматриваются такие аспекты, как презумпция страданий, пределы гражданско-правовой ответственности и критерии невозстановливаемого личностного ресурса. Основными выводами являются положения о необходимости ограничительного подхода и законодательного закрепления ориентиров оценки. Вкладом автора является формулирование критериев особой личностной значимости имущественного блага и предложение о распределении бремени доказывания.

Ключевые слова: моральный вред, имущественные права, нематериальная ценность, гражданская ответственность, судебная практика, презумпция страданий, личностная значимость.

Special attention in compensation for moral damage

Moiseenko Alexandra Aleksandrovna
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow)

This article addresses the issue of compensation for moral harm in cases of violation of property rights where the law does not expressly provide for such a remedy. The subject of the research is the diminishment of the intangible value of a property benefit as an independent ground for compensation for moral harm. The object of the research comprises civil law relations arising from damage

to property interests affecting the personal sphere of the injured party. The study employs formal legal, comparative legal, and analytical methods. It examines such aspects as the presumption of suffering, the limits of civil liability, and the criteria of a non-restorable personal resource. The main conclusions emphasize the need for a restrictive approach and legislative clarification of assessment criteria. The author's contribution lies in formulating criteria for determining the special personal significance of a property benefit and proposing rules on the allocation of the burden of proof.

Keywords: moral harm, property rights, intangible value, civil liability, judicial practice, presumption of suffering, personal significance.

Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет приоритет человека, его прав и свобод как высшей ценности и возлагает на государство обязанность их признания, соблюдения и защиты. В системе гражданско-правовых средств охраны как личных неимущественных, так и имущественных прав важное место занимает институт компенсации морального вреда.

Несмотря на почти тридцатилетнюю практику применения данной нормы, вопрос о допустимости компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав остается дискуссионным, особенно в случаях, когда специальный закон прямо не предусматривает такую возможность (в отличие, например, от законодательства о защите прав потребителей). Возникает неопределенность: допустимо ли взыскивать компенсацию, какие обстоятельства подлежат учету, как определить размер выплаты, не превращается ли она в дублирование имущественной ответственности.

Позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации в последние годы существенно развили подход к данной проблеме. В частности, в Постановлении Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 разъяснено, что нарушение имущественных прав гражданина может одновременно повлечь нарушение его личной сферы и причинение нравственных страданий, а потому не исключает компенсации морального вреда в силу общих положений ГК РФ. Конституционный Суд так же указывал, что суд не вправе отказывать в компенсации морального вреда лишь на том основании, что потерпевшему уже причинен имущественный ущерб (Постановление от 26 октября 2021 г. № 45-П, постановление от 8 июня 2015 г. № 14-П, определение от 27 октября 2015 г. № 2506-О и др.). Однако остается открытым ключевой вопрос: в каких именно случаях нарушение имущественного права затрагивает личную сферу настолько, что оправдывает самостоятельную денежную компенсацию нравственных страданий? Настоящая статья посвящена анализу данной проблемы через призму умаления нематериальной ценности имущественного блага.

Моральный вред — это нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина. В определении перечислены не все, а наиболее часто встречающиеся на практике случаи нарушения неимущественных прав. Мо-

ральный вред может компенсироваться независимо от того, предусмотрена такая возможность в отдельных законах или нет, т. е. в силу общих положений ГК РФ [3]. На правонарушителя по общему правилу при ее реализации принудительно возлагаются внеэквивалентные имущественные лишения в денежной форме [1].

В контексте компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав возможны две противоположные презумпции:

Презумпция аналогичности страданий: нравственные страдания при нарушении имущественных прав по своим значимым характеристикам равнозначны страданиям при нарушении личных неимущественных прав.

Презумпция различия: страдания при нарушении имущественных прав по своей природе и интенсивности отличаются от страданий при посягательстве на жизнь, здоровье, честь или достоинство.

Представляется более обоснованной вторая презумпция. Имущественные права по своей природе направлены на удовлетворение экономических интересов [8]. Их нарушение, как правило, устраняется посредством восстановления имущественного положения, то есть возмещения убытков, возврата имущества, исполнения обязательства в натуре. Эмоциональный отклик на утрату имущества не может автоматически приравниваться к страданиям от утраты близкого человека или причинения вреда здоровью. Образ «скупого рыцаря», скорбящего о золоте, не может служить универсальным правовым ориентиром.

Следовательно, компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав должна рассматриваться как исключение, а не общее правило, требующее доказательства особых обстоятельств.

Оценка морального вреда при нарушении имущественного права допустима лишь при условии, что она не превращается в дублирование имущественной ответственности. Восстановление положения, существовавшего до нарушения, как универсальный способ защиты имущественного права направлено на устранение объективных экономических последствий правонарушения. Однако оно не способно устранить внеэкономическое умаление ценностной характеристики конкретного имущественного блага, если таковая имела место.

Любое правонарушение затрагивает личную сферу гражданина, вызывая эмоциональную реакцию. Но правовое значение имеют лишь те нравственные страдания, которые связаны с утратой или умалением нематериального компонента имущественного права, не подлежащего

восстановлению равной имущественной мерой. Здесь проходит граница между допустимой компенсацией морального вреда и необоснованным расширением гражданско-правовой ответственности.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» справедливо обращает внимание на то, что нарушение имущественных прав может одновременно повлечь нарушение и неимущественных прав. В такой ситуации компенсация морального вреда присуждается в силу общих положений ГК РФ. В случае причинения имущественного вреда жизни или здоровью моральный вред презюмируется и его наличие доказывать не требуется. Истец должен обосновать лишь размер компенсации.

Обратимся к «Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023). Показательным является дело о гибели домашнего животного. Так, гибель домашнего животного может являться основанием для возложения на виновное лицо гражданско-правовой ответственности в виде компенсации вреда за нарушение. А. обратилась в суд с иском к С. о взыскании компенсации морального вреда в размере 10000 руб., сославшись на то, что 12 ноября 2019 г. ответчик, управляя принадлежащим ему автомобилем, нарушил правила дорожного движения, совершив на пешеходном переходе наезд на принадлежавшую истцу собаку, переходившую дорогу в сопровождении свекрови истца. От полученных травм собака погибла, спасти ее не удалось.

Суды нижестоящих инстанций отказали в компенсации морального вреда, сославшись на то, что в силу ст. 137 ГК РФ животные признаются имуществом. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на неправильность такого подхода. Несмотря на распространение на животных режима имущества, законодатель подчеркивает их особый статус, запрещающая жестокое обращение и используя категории гуманности и нравственности.

Гибель животного способна причинить владельцу не только имущественный ущерб, но и глубокие нравственные страдания, обусловленные эмоциональной привязанностью. Предоставление другого животного не способно воспроизвести индивидуальную связь, существовавшую ранее.

В данном случае компенсация морального вреда направлена именно на возмещение невозможного личностного компонента имущественного блага.

То, что такая вещь как жизнь домашнего животного является особой ценностью, не вызывает сомнения. Но чтобы разобраться с оценкой других вещей, рассмотрим другой пример из отечественной практики — уничтожение ели, имевшей для пожилой женщины значение памяти о сыне. В 2017 году 86-летняя жительница Тюменской области вышла во двор своего дома и обнаружила, что в ее палисаднике больше нет ели, которая для нее была памятью о умершем сыне и составляла нематериальную ценность. Заместитель главы администрации

района впоследствии указал, что дерево спилили из-за «несогласованности», а лицо, которое допустило данную несогласованность, привлечено к дисциплинарной ответственности. Формально речь идет об имуществе, стоимость которого может быть определена и возмещена. Однако рыночная оценка не охватывает субъективную нематериальную ценность конкретного дерева как символа личной утраты. Ель в данном случае как имущество имеет интерес особого пристрастия — это неимущественная ценность определенного имущественного блага для его обладателя. Субъективный или личный характер этой ценности обусловлен тем, что данное благо, составляющее объект обязательства, не имеет особенной сверхрыночной или внерыночной ценности ни для кого, кроме одного конкретного лица или малой социальной группы, для которой эта ценность является общей.

Такая особенная ценность обыкновенно не влияет на рыночную стоимость данного блага. Это сильные чувства привязанности и повышенной значимости, обусловленные теплыми воспоминаниями и светлой памятью, духовными символами, традициями, обычаями и прочими произведениями человеческой души, находящими сочувственный отклик в общественном сознании [7].

Из этих примеров следует, что компенсация морального вреда допустима тогда, когда имущественное право включает в себя индивидуально-определенный объект, обладающий для потерпевшего особой личностной значимостью, не сводимой к его рыночной стоимости.

Носителями неимущественной ценности могут быть только индивидуально-определенные вещи. Но здесь существует мнение, что можно зайти совсем далеко и признать даже нарушение чисто имущественного обязательства как фактор, способный причинять нравственный вред [7]. Так, например, деньги как вещи, определенные родовыми признаками, не могут обладать субъективной ценностью, пока они не становятся индивидуально-определенными вещами (например, старинные монеты или банкноты, купюра, на которой любимый человек оставил когда-то послание, и т. д.).

Представляется возможным выделить следующие признаки имущественного блага, умаление которого может служить основанием для компенсации морального вреда: индивидуальная определенность объекта, доказанная эмоциональная привязанность или особая символическая значимость, невозможность полного восстановления личностного компонента путем имущественного возмещения, выход последствий за пределы обычного хозяйственного риска и типичных экономических потерь, особое ценностное значение должно доказываться потерпевшим, поскольку именно он ссылается на соответствующее основание компенсации. Деликвент вправе представлять доказательства, опровергающие исключительный характер заявленных страданий.

Компенсация не должна применяться в случаях, когда нарушение затрагивает исключительно экономический интерес, который может быть полностью восстановлен

равной имущественной мерой [2]. Само по себе утверждение о высокой субъективной значимости денежных средств, акций или иных родовых вещей не образует основания для компенсации морального вреда.

С учетом изложенного целесообразно рассмотреть возможность дополнения ст. 151 ГК РФ указанием на допустимость компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав гражданина в случаях, когда:

— имущественное благо имеет для него доказанное особое личностное значение;

— соответствующий нематериальный компонент не подлежит восстановлению посредством обычных способов защиты;

— нарушение повлекло выходящие за пределы обычных экономических потерь нравственные страдания.

Такой перечень должен носить неисчерпывающий характер, обеспечивая гибкость правоприменения и одно-

временно ограничивая произвольное расширение ответственности.

Компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав не должна рассматриваться как универсальное средство реагирования на любое имущественное посягательство. Ее применение оправдано лишь тогда, когда имущественное право включает невосстанавливаемый нематериальный компонент, умаление которого затрагивает личную сферу потерпевшего.

Таким образом, основной идеей статьи является обоснование необходимости ограничительного и дифференцированного подхода к компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав, основанного на концепции особой личностной ценности имущественного блага. Формирование четких критериев такого подхода позволит обеспечить баланс интересов сторон, предотвратить злоупотребления и повысить предсказуемость судебной практики.

Литература:

1. Басманова Н. К. Понятие вреда в правоотношениях возмещения и компенсации // Вестник КрасГАУ. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vreda-v-pravootnosheniyah-vozmeshcheniya-i-kompensatsii> (дата обращения: 01.02.2026).
2. Власенко О. Б. Проблема определения размера компенсации морального вреда // Теория и практика современной науки. 2024. № 3 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-razmera-kompensatsii-moralnogo-vreda-1> (дата обращения: 03.02.2026).
3. Егорова, М. А. Компенсация морального вреда: новые тенденции // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2017. № 1–2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-moralnogo-vreda-novye-tendentsii> (дата обращения: 06.02.2026). 1
4. Подрабинок, Е. М., Тарасов, И. Н. Особенности доказывания нравственных страданий при рассмотрении дел о компенсации морального вреда // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-nravstvennyh-stradaniy-pri-rassmotrenii-del-o-kompensatsii-moralnogo-vreda> (дата обращения: 03.02.2026).
5. Канторович Я. А. Основные идеи гражданского права. С. 189–190. URL: <https://djvu.online/file/BSO3TtVnSrGIg>. 4
6. Соломин, С. К., Соломина, Н. Г. Нематериальные блага в правовом механизме компенсации морального вреда // Вестн. Том. гос. ун-та. 2024. № 503. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nematerialnye-bлага-v-pravovom-mehanzime-kompensatsii-moralnogo-vreda> (дата обращения: 01.02.2026).
7. Дегтярев, С. Л. Необходимые для разрешения вопросы при компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве // Вестник УЮИ. 2024. № 2 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimye-dlya-razresheniya-voprosy-pri-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 02.02.2026).
8. Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда в России и за рубежом: многоаспектность проблемы // No-mothetika: Философия. Социология. Право. 2009. № 2 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-moralnogo-vreda-v-rossii-i-za-rubezhom-mnogoaspektnost-problemy> (дата обращения: 10.02.2026).

Особенности расследования экономических преступлений в период Великой Отечественной войны

Осяева Дарья Алексеевна, студент;

Галат Елизавета Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается состояние экономической преступности в период Великой Отечественной войны, рассматриваются причины роста таких деяний, как спекуляция и хищения социалистической собственности, которые были обусловлены острым дефицитом продовольствия и ослаблением государственного контроля.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, экономические преступления, спекуляция, хищения социалистической собственности, ОБХСС, Государственный комитет обороны, ГКО, уголовное расследование, дефицит, военные трибуналы, история правоохранительных органов.

Экономические преступления в годы Великой Отечественной войны были следствием дефицита продуктов питания и продовольствия, ослабления госструктур в условиях войны, именно поэтому получили распространение такие виды преступлений как спекуляция и хищение социалистической собственности.

В целях обеспечения усиления противодействия экономической преступности было издано постановление Государственного комитета обороны (ГКО) от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» [1] и ведомственные приказы НКВД, прокуратуры и Наркомюста СССР. В соответствии с данным постановлением расследование данных преступлений рекомендовалось проводить в срок 10 дней.

Большое значение для понимания механизма расследований преступлений экономической направленности имеют доклады начальника Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) Главного управления милиции НКВД СССР В. Я. Громилова за 1940–1945 гг., где с опорой на текущую нормативную базу показаны усилия специализированных подразделений по пресечению хозяйственных преступлений в стране [5, с. 50].

Под спекуляцией следует понимать систематическую деятельность по скупке и перепродаже предметов с целью наживы, которая является для виновного основным или дополнительным источником средств существования. Спекуляция препятствовала снабжению армии продуктами питания и вещами первой необходимости. Так, например, в 1942 году милиция Петровского района в Саратове арестовала спекулянта Пака, скупавшего колхозное зерно, перерабатывавшего его в муку и продававшего в Красном Куте по завышенным ценам, у него было изъято 36 550 рублей. [1, с.15]

Поскольку среди преступлений экономической направленности спекуляция занимала доминирующее положение, борьба с ней была одним из основных направ-

лений деятельности правоохранительных органов. В 1943 году был увеличен штат сотрудников, чтобы повысить процент раскрываемости преступлений. Только за 1944 год было расследовано более 20 000 дел о спекуляции [2, с. 349]. В основном расследованием таких преступлений занималась милиция, но вместе с тем, в соответствии с Указом ВС СССР от 22.06.1941 дела о спекуляции могли передаваться на рассмотрение военных трибуналов.

Как было отмечено в «Докладе о работе органов милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1944 год» [2, с. 349] для более продуктивной работы спекулянты вступали в преступные связи с работниками торговых предприятий, а также с работниками железнодорожного транспорта. Помимо этого они использовали поддельные документы. Все это позволяло помимо спекуляции вменить виновным ряд других преступлений.

В потребительских организациях преобладали такие преступления как злоупотребление полномочиями, должностная растрата, дача взятки и др. Например, Чичетина, заместитель председателя Павловского сельпо, была осуждена за злоупотребление служебных полномочий за незаконную растрату 25 литров водки, используя её для оплаты ночлега и услуг. [3, с. 35]

Характерной черной расследования всех экономических преступлений было то, что около 10 % дел прекращались по причине отсутствия доказательственной базы или нарушений процессуальной деятельности при расследовании. [5, с. 53]. Часто нарушался установленный срок расследования, который на конец 1943 года был 15 дней. Помимо этого обыски проводились лишь у половины подозреваемых, а заключение под стражу как мера пресечения почти не применялась. Несмотря на это, в военный период СССР добился высокой и растущей раскрываемости преступлений. Несмотря на массовый уход сотрудников на фронт и катастрофическую нехватку кадров, органы смогли адаптироваться.

Литература:

1. Абидулин К. М. Работа органов НКВД по раскрытию экономических преступлений в г. Саратове и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны / Абидулин К. М // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. — 2015. — №. 5–6. — С. 13–18.
2. Варенцова Л. Ю. Борьба со спекуляцией как одно из направлений деятельности милиции в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Варенцова Л. Ю. // Российская полиция: три века служения Отечеству. — 2019. — С. 346–354.
3. Лысак Н. В. Борьба с должностными преступлениями в потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны //История государства и права. — 2015. — №. 9. — С. 30–34.
4. Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров: Постановление ГКО СССР № 2780сс17 // [Электронный ресурс] // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина»: [сайт]. — URL: <https://www.prlib.ru/item/1351285> (дата обращения: 07.04.2025). — Утратил силу.

5. Пасс А. А. Об экономической преступности в СССР в 1941–1945 гг. (по документам архивных фондов ГАРФ) / Пасс А. А // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* — 2019. — №. 2. — С. 50–58.

Защита имущественных прав владельцев привилегированных акций: новые подходы Конституционного Суда РФ

Парфенов Марк Андреевич, студент магистратуры
МИРЭА — Российский технологический университет (г. Москва)

В статье автор исследует правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в Постановлении от 25 сентября 2025 г. № 31-П, касающиеся защиты имущественных прав владельцев привилегированных акций при нарушении очередности выплаты дивидендов, а также эффективность предусмотренных законодательством и судебной практикой механизмов такой защиты.

Ключевые слова: обыкновенные акции, привилегированные акции, акционерное общество, миноритарные акционеры, мажоритарные акционеры, право голоса, имущественные права, корпоративные права.

В соответствии с пунктом 10 части 1 статьи 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [1] акция — эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации. В российском правовом поле закреплена эмиссия двух типов акций: обычных и привилегированных. Нормы, регламентирующие их правовое положение, содержатся в статьях 31 и 32 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) [2].

Обыкновенные акции наделяют их владельца всеми правомочиями, присущими акционеру. Одна акция соответствует одному голосу при принятии решений на общем собрании (за исключением случаев кумулятивного голосования), благодаря чему акционер может участвовать в управлении обществом, включая избрание руководящих органов и утверждение стратегически важных решений. Выплата дивидендов по обыкновенным акциям не является обязательной и производится лишь при условии наличия у общества чистой прибыли и положительного решения общего собрания акционеров.

Привилегированные акции образуют особую категорию долевых ценных бумаг, для которой характерно иное соотношение имущественных и управленческих правомочий. Специфика их правового режима раскрывается в п. 1 ст. 32 Закона об АО, согласно которому данные акции, как правило, не предоставляют держателям права голоса на общем собрании. В правовой доктрине привилегированная акция трактуется как инструмент, преимущественно нацеленный на извлечение прибыли ее держателем, тогда как обыкновенная акция в первую очередь ассоциируется с возможностью участия в управлении корпорацией [3].

Наличие двух категорий акций порождает специфическую конфигурацию корпоративных интересов, в рамках которой конфликты возможны как по линии «мажоритарий — миноритарий», так и между группами акционеров, владеющих различными классами ценных бумаг. В настоящей работе данное положение будет продемонстрировано на примере правовых позиций, изложенных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2025 г. № 31-П [4].

Заявителями в Конституционный Суд РФ выступили граждане — владельцы привилегированных акций ПАО «Сигнал»: Беблов Александр Павлович, Беблова Елена Геннадьевна и другие акционеры. В совокупности им принадлежало 0,11 процента от общего количества привилегированных акций Общества.

Критически важным обстоятельством в деле является то, что заявители являлись миноритарными акционерами, владеющими ничтожно малой долей в уставном капитале. Даже объединив свои голоса, они не могли оказать какого-либо влияния на решения общего собрания акционеров. Однако их правовой статус как владельцев именно привилегированных акций давал им преимущественное право на получение фиксированного дивиденда перед держателями обыкновенных акций.

Основанием для возникновения спора являлось общее собрание акционеров ПАО «Сигнал», на котором рассматривался вопрос о распределении чистой прибыли Общества и выплате дивидендов по итогам отчетного периода.

Собранием было принято решение о выплате дивидендов по обыкновенным акциям на общую сумму 160 443 974 руб. 36 коп. При этом решения о выплате (объявлении) дивидендов по привилегированным акциям за тот же период не принималось.

Таким образом, Общество, формально проведя собрание, нарушило императивную очередность выплаты

дивидендов, установленную законом: сначала должны были быть выплачены дивиденды по привилегированным акциям (размер которых определен уставом), и только затем — по обыкновенным. Вместо этого дивиденды были направлены исключительно держателям обыкновенных акций, среди которых находились как мажоритарные, так и миноритарные акционеры.

Владельцы привилегированных акций, не получившие причитающихся им дивидендов, обратились в арбитражный суд с иском. Они потребовали взыскать с ПАО «Сигнал» невыплаченные суммы как неосновательное обогащение Общества.

Арбитражные суды, рассматривавшие дело, отказали в удовлетворении исковых требований [5; 6; 7]. Свою позицию они мотивировали ссылкой на пункт 5 статьи 32 закона об АО.

Согласно данной норме, если на годовом общем собрании акционеров не было принято решение о выплате дивидендов по привилегированным акциям (или было принято решение о неполной их выплате), владельцы таких акций получают право голоса на общем собрании акционеров по всем вопросам его компетенции, начиная с собрания, следующего за этим годовым собранием.

Суды истолковали эту норму следующим образом: Закон предоставляет владельцам привилегированных акций специальный механизм защиты на случай невыплаты дивидендов — возникновение права голоса. И поскольку заявители (владельцы привилегированных акций) получили это право голоса (юридически, с момента невыплаты дивидендов), их права считаются восстановленными.

Не согласившись с решениями судов, владельцы привилегированных акций обратились с жалобой в Конституционный Суд РФ. В своей жалобе они оспаривали конституционность пункта 5 статьи 32 и пункта 3 статьи 42 Закона об АО.

Основные доводы заявителей сводились к формальности и неэффективности защиты. Предоставление права голоса, учитывая, что номинальная стоимость привилегированных акций не может превышать 25 % уставного капитала, является фикцией. Даже если все владельцы привилегированных акций объединятся, они никогда не смогут набрать большинства голосов (75 % остается у владельцев обыкновенных акций) и, следовательно, не смогут повлиять на решение собрания, в том числе на решение о выплате дивидендов.

Также заявители указывали на подмену имущественного права корпоративным. Заявители настаивали на том, что право на дивиденд является имущественным правом, а право голоса — корпоративным. Закон, по их мнению, неправомерно подменяет одно право другим, лишая их гарантированного Конституцией права на защиту частной собственности (ст. 35 Конституции РФ) и нарушая принцип равенства (ст. 19 Конституции РФ), поскольку держатели привилегированных оказываются в заведомо неравном положении по сравнению с держате-

лями обычных акций, получившими реальные денежные средства.

Нарушение приоритета стало одной из претензий. Собрание акционеров, приняв решение о выплате дивидендов только по обыкновенным акциям, нарушило установленную законом очередность (п. 2 ст. 32 Закона об АО), согласно которой дивиденды по привилегированным акциям выплачиваются в первую очередь. Однако суды общей юрисдикции этот довод проигнорировали, сосредоточившись исключительно на формальном наличии «права голоса» как компенсаторного механизма.

Таким образом, перед Конституционным Судом встал ключевой вопрос, определивший содержание всего Постановления № 31-П: может ли возникновение у владельцев привилегированных акций права голоса на общем собрании (предусмотренное пунктом 5 статьи 32 Закона об АО) считаться адекватной и соразмерной мерой защиты их имущественных прав в ситуации, когда общество, имея чистую прибыль, принимает решение о выплате дивидендов исключительно по обыкновенным акциям, полностью игнорируя обязательства перед держателями привилегированных акций?

Ключевым методологическим приемом, использованным КС РФ, стало четкое разграничение двух принципиально различных ситуаций невыплаты дивидендов по привилегированным акциям.

Центральным звеном правовой позиции КС РФ стал вывод о том, что предоставление привилегированным акционерам права голоса не может рассматриваться как адекватная и эффективная защита их прав в ситуации неправомерного отказа от выплаты дивидендов.

Аргументация Суда строится на объективных ограничениях, заложенных в самой конструкции привилегированных акций. В соответствии с пунктом 1 статьи 32 Закона об АО, номинальная стоимость привилегированных акций не может превышать 25 процентов от уставного капитала общества. Это означает, что даже при выпуске максимально возможного количества привилегированных акций и полной консолидации их владельцев, они объективно неспособны преодолеть волю держателей обыкновенных акций, которым принадлежит не менее 75 процентов голосов.

КС РФ констатировал, что в отношениях, связанных с принятием управленческих решений, держатели привилегированных акций заранее находятся в значительно более уязвимом положении. Предоставление им права голоса в ситуации, когда их совокупный голосующий потенциал заведомо недостаточен для влияния на решения собрания, превращается в фикцию, формальную конструкцию, не способную реально защитить их имущественные интересы.

Постановление Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2025 г. № 31-П устранило правовую неопределенность, подтвердив, что имущественное право владельцев привилегированных акций на получение дивиденда не

может быть подменено формальным предоставлением права голоса, не способного реально повлиять на корпоративные решения. Временный механизм взыскания невыплаченных дивидендов как неосновательного обогащения общества выступает действенным средством защиты до внесения необходимых законодательных изменений. Выработанные Конституционным Судом правовые позиции создают основу для формирования нового подхода к балансировке интересов различных групп

акционеров, основанного на приоритете содержательной, а не формальной защиты корпоративных прав.

Подводя итоги, постановление Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2025 г. № 31-П устранило правовую неопределенность, подтвердив, что имущественное право владельцев привилегированных акций на получение дивиденда не может быть подменено формальным предоставлением права голоса, не способного реально повлиять на корпоративные решения.

Литература:

1. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 N 39-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 04.03.2026).
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 04.03.2026).
3. Соловьев Д. В. Привилегированные акции как инструмент привлечения и объект инвестиций / Особенности привлечения инвестиций на международных рынках // Индикатор. 2000. № 3 (31). С. 18.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.09.2025 N 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 32 и пункта 3 статьи 42 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой граждан Беблова Александра Павловича, Бебловой Елены Геннадьевны и других». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_515257/ (дата обращения: 04.03.2026).
5. Решение от 19 октября 2022 г. по делу № А63–11633/2022. — Текст: электронный // СудАкт: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fSdif1jdMyHw/> (дата обращения: 04.03.2026).
6. Постановление от 31 января 2023 г. по делу № А63–11633/2022. — Текст: электронный // СудАкт: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SNiwIn7vOpVI/> (дата обращения: 04.03.2026).
7. Постановление от 22 мая 2023 г. по делу № А63–11633/2022. — Текст: электронный // СудАкт: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vlajehmmSBrx/> (дата обращения: 04.03.2026).

Сложности, возникающие при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции с использованием аудиопротоколирования и видео-конференц-связи

Первухина Ирина Андреевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье автор рассматривает анализ ключевых сложностей, возникающих при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции путем использования аудиопротоколирования и системы видео-конференц-связи, и поиску путей их минимизации.

Ключевые слова: аудиопротоколирование, видео-конференц-связь, уголовный процесс, суд первой инстанции, достоверность, технические сбои, правовые пробелы.

Аудиопротоколирование заменяет или дополняет традиционное ведение письменного протокола, а видео-конференц-связь используется для допроса удаленных участников (свидетелей, экспертов, обвиняемых, содержащихся под стражей).

Применение судами аудиопротоколирования судебного заседания и видео-конференц-связи регламентиро-

вано уголовно-процессуальным законодательством (ч. 4 ст. 240, ст. 259, 278.1 УПК РФ) и является одним из направлений повышения эффективности судопроизводства [2].

Аудиопротоколирование фиксирует весь ход судебного заседания, что, по идее, должно устранить субъективность при составлении протокола.

Основная сложность заключается в точности соответствия аудиозаписи реальному ходу заседания.

Фоновые шумы, низкое качество звука, одновременная речь нескольких участников (перебивание) могут сделать критически важные фрагменты (например, формулировку вопроса судьей или показания свидетеля) неразборчивыми.

В случае технических сбоев или если микрофон был неактивен при кратком, но важном заявлении стороны (например, отводе), факт этого заявления может быть не зафиксирован или зафиксирован неполно. Это создает основу для апелляционных жалоб о нарушении права на защиту и неполноте судебного разбирательства.

Возникает вопрос о юридической чистоте цифрового файла. Как гарантировать, что аудиозапись не была изменена после фиксации? Недостаточная криптографическая защита или отсутствие надлежащего порядка заверения электронного протокола снижает его доказательственную силу по сравнению с собственноручно подписанным бумажным документом.

Процедура ознакомления участников процесса с аудиопротоколом существенно отличается от работы с письменным документом.

Прослушивание многочасовых записей для выявления конкретного спорного момента значительно более трудоемко, чем просмотр страниц письменного протокола. Это замедляет подготовку стороны защиты к подаче замечаний.

В случае необходимости расшифровки аудиозаписи для приобщения к материалам дела, этот процесс может быть подвержен субъективным толкованиям, особенно в отношении неразборчивой речи.

Видео-конференц-связь используется в судах первой инстанции преимущественно для допроса лиц, находящихся в следственных изоляторах, или для удаленного участия свидетелей.

Участники судебного процесса лишены возможности в полной мере наблюдать невербальные сигналы допрашиваемого — язык тела, мимику, паузы, неуверенность, которые помогают оценить достоверность показаний. Это нарушает принцип непосредственности судебного разбирательства.

Сложно гарантировать, что допрашиваемое лицо не консультируется с третьими лицами (например, адвокатом, находящимся вне поля зрения камеры, или сотрудниками конвоя), находясь вне прямого контроля суда.

Динамика перекрестного допроса, требующая быстрой реакции и смены тактики, часто нарушается из-за задержек сигнала или технических помех. Запоздалое поступление вопроса может лишить адвоката возможности эффективно оспорить показания.

Прерывания связи могут привести к потере важной части допроса. Если потеря информации существенна, суд вынужден переносить заседание, что увеличивает сроки рассмотрения дела.

Плохое разрешение или низкое качество звука в удаленном пункте проведения допроса (особенно в местах лишения свободы) может сделать невозможным идентификацию личности или четкое восприятие показаний.

Возникает вопрос о том, как именно протоколируется процесс ВКС: фиксируется ли только содержание разговора, или же необходимо также фиксировать технические параметры сессии (качество связи, кто присутствовал в кадре удаленного пункта).

Применение ВКС для допроса лиц из других регионов или стран требует четкого соблюдения процессуальных норм о международном или межрегиональном сотрудничестве. Несоблюдение этих правил может привести к оспариванию законности полученных доказательств.

Для эффективного и законного применения аудиопротokolирования и ВКС суду первой инстанции необходимо предпринять следующие шаги:

Стандартизация технического обеспечения: внедрение единых, протестированных комплексов оборудования с дублированием систем записи. Регулярное техническое обслуживание.

Процедурная четкость: разработка четких внутренних регламентов, описывающих действия председательствующего судьи при возникновении технических сбоев (например, немедленное приостановление заседания, фиксация факта сбоя в протоколе, необходимость повторного допроса при критической потере информации).

Повышение квалификации персонала: сотрудники аппарата судов должны пройти углубленное обучение по работе с системами записи и ВКС, а также по процедурам подтверждения целостности электронных данных.

При удаленном допросе необходимо применять дополнительные меры контроля (например, требовать, чтобы допрашиваемое лицо находилось в отдельном помещении, где присутствует только уполномоченный сотрудник, находящийся вне зоны видимости камеры для исключения негласного консультирования).

Внедрение надежных систем для аудиофайлов, чтобы гарантировать их неизменность с момента окончания фиксации.

Аудиопротokolирование и видео-конференц-связь являются мощными инструментами модернизации уголовного судопроизводства.

Однако их применение в суде первой инстанции не должно осуществляться в ущерб фундаментальным процессуальным принципам — непосредственности, состязательности и праву на защиту.

Преодоление возникающих технических и процедурных сложностей требует не только инвестиций в оборудование, но и разработки строгих, унифицированных регламентов, а также постоянного повышения квалификации всех участников процесса.

Только при условии обеспечения юридической безупречности цифровой фиксации, полученные данные могут служить надежной основой для вынесения законного и справедливого приговора.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [электронный ресурс] от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс: справ.правовая система.

Правовая природа биржевых сделок и эволюция подходов к регулированию в России и за рубежом

Платов Максим Александрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Стрельцова Надежда Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент
Донецкий институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Актуальность исследования обусловлена фундаментальной трансформацией биржевых рынков под влиянием цифровизации, демьючуализации бирж и усиления трансграничного взаимодействия. Цель работы заключается в выявлении существенных характеристик правовой природы биржевых сделок и определении основных закономерностей эволюции подходов к их регулированию в России и зарубежных странах. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, историко-правовой и системный методы, а также метод анализа нормативных правовых актов и научных доктрин. В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу о том, что правовая природа биржевой сделки характеризуется сочетанием частноправовых (договор) и публично-правовых (допуск к торгам, клиринг) элементов. Выявлено, что эволюция регулирования прошла путь от полного саморегулирования на основе биржевых обычаев к созданию системы жесткого государственного надзора (мегарегулятора) и далее к адаптации правил к условиям цифровой экономики. Значение исследования заключается в обосновании тезиса о конвергенции российского и зарубежного подходов в части расширения понятия организованных торгов и внедрения механизмов трансграничного допуска ценных бумаг (на примере Соглашения Евразийского экономического союза 2025 года).

Ключевые слова: биржевая сделка, правовая природа, организованные торги, мегарегулятор, Центральный банк РФ, трансграничный допуск, цифровизация, саморегулирование, фьючерс, опцион

Legal nature of exchange transactions and evolution of regulatory approaches in Russia and abroad

Platov Maksim Aleksandrovich, master's student
Scientific advisor: Streltsova Nadezhda Leonidovna, phd in economics, associate professor
Donetsk Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This study analyzes the evolution of approaches to regulating exchange transactions in the context of global financial transformations. The primary goal is to identify patterns and specific features in the formation of national regulatory systems in Russia, the USA, and China under the influence of historical crises and institutional changes. The methodological basis of the research is a comparative legal and retrospective analysis, which allows for a comparison of heterogeneous regulatory models (liberal, transitional, and state-capitalist) in their dynamics. The work summarizes the key results of reforms in each country, with particular attention paid to the processes of consolidating supervisory functions (the creation of megaregulators), the evolution of requirements for transaction transparency, and investor protection. The scientific significance of the research lies in a comprehensive understanding of multidirectional development vectors: from deregulation in the USA to tightening control in China and institutional transformation in Russia. The practical significance lies in the possibility of using the conclusions to forecast the further development of exchange market regulation in the context of geopolitical fragmentation and the digitalization of financial assets.

Keywords: social adaptation, integration, new regions, all-Russian civic identity, resocialization, social well-being, adaptation practices, institutional risks, state support, sociocultural space

Введение

Институт биржевой торговли на протяжении нескольких столетий выступает ключевым элементом ры-

ночной экономики, обеспечивая перелив капиталов, формирование справедливых цен и хеджирование рисков. В юридической науке вопросы правовой квалификации действий, совершаемых на бирже, всегда вызывали дис-

куссии. Сложность заключается в двойственной природе биржевых сделок: с одной стороны, это разновидность гражданско-правового договора (купли-продажи, мены), с другой — их существование немислимо вне строгих процедур организованных торгов, клиринга и публичного контроля.

Современный этап развития биржевого законодательства характеризуется беспрецедентными вызовами. Процессы демьючуализации (превращения бирж из некоммерческих партнерств в публичные акционерные общества) изменили экономические стимулы организаторов торговли, поставив под вопрос эффективность классической модели саморегулирования. Цифровая трансформация привела к размыванию границ между биржевым и внебиржевым рынками, появлению новых видов торговых систем (МТФ, ОТФ) и алгоритмической торговли. Кроме того, геополитические изменения активизировали процессы региональной интеграции, примером чему служит подписание в 2025 году Соглашения о трансграничном допуске ценных бумаг в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Указанные процессы актуализируют проблему поиска оптимальной модели правового регулирования, которая, сохраняя стабильность и защищая права инвесторов, была бы способна гибко реагировать на технологические и экономические изменения. В российской правовой доктрине до сих пор отсутствует единообразное понимание места биржевых сделок в системе обязательственного права, а практика сталкивается с пробелами в регулировании срочных договоров (свопов, опционов) и производных финансовых инструментов.

Цель исследования

Целью настоящей работы является комплексный анализ правовой природы биржевых сделок и исследование эволюции подходов к их регулированию в России и зарубежных странах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить существенные признаки биржевой сделки, отличающие ее от обычной гражданско-правовой сделки;
- ретроспективно проследить развитие биржевого законодательства от обычаев делового оборота к системе мегарегулирования;
- провести сравнительно-правовой анализ моделей регулирования в странах англо-саксонской и континентальной правовых семей;
- оценить современные тенденции развития правового регулирования в Российской Федерации с учетом интеграционных процессов и цифровизации.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, позволяющий рассмотреть явления в их развитии и взаимосвязи. В работе

использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системно-структурный метод) и частнонаучные юридические методы: историко-правовой (при изучении генезиса биржевого законодательства), сравнительно-правовой (при сопоставлении российского и зарубежного опыта регулирования), формально-юридический (при анализе содержания норм действующего законодательства) и метод толкования правовых норм.

Результаты исследования и их обсуждение

Правовая природа биржевой сделки: теоретический аспект

В юридической литературе под биржевой сделкой понимается зарегистрированный биржей договор, заключенный участниками биржевой торговли в отношении биржевого товара в ходе биржевых торгов, порядок заключения которого регулируется правилами биржевой торговли. Ключевым признаком, отграничивающим биржевую сделку от внебиржевой, является ее совершение в рамках организованных торгов. Это придает сделке специфические черты: стандартизацию условий (количество, качество, сроки поставки базисного актива); обезличенность (контрагенты по сделке, как правило, не известны друг другу, поскольку стороной выступает клиринговая организация); публичная достоверность (фиксация прав в реестре или депозитарии).

Особую сложность для правовой квалификации представляют срочные биржевые сделки (фьючерсы, опционы, свопы). Долгое время в российской судебной практике они рассматривались как разновидность пари (игровых сделок), что лишало их судебной защиты. Лишь внесение изменений в статью 1062 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) легитимировало требования, вытекающие из срочных сделок, при условии, что стороной сделки является лицо, получившее соответствующую лицензию, или сделка совершена на бирже. Это законодательное решение подчеркивает публичную значимость биржевого рынка и необходимость обеспечения стабильности обязательств.

Эволюция регулирования за рубежом

История регулирования биржевой деятельности демонстрирует движение от абсолютного саморегулирования к жесткому государственному контролю. Первоначально (средневековые биржи в Брюгге и Антверпене) торговля регулировалась исключительно обычаями и уставами самих купеческих гильдий. В Англии XVII–XVIII веков основным источником права служили судебные прецеденты, а контроль за деятельностью бирж осуществлялся Банком Англии. В США до Великой депрессии 1929 года рынок также функционировал преимущественно на основе правил, устанавливаемых самими биржами.

Великая депрессия стала переломным моментом. Принятие в США законов о ценных бумагах 1933 и 1934 годов ознаменовало переход к модели жесткого государственного регулирования с созданием Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC). Основная задача биржевого законодательства была пересмотрена: с простой фиксации правил торговли акцент сместился на предотвращение манипуляций ценами, защиту интересов мелких инвесторов и обеспечение финансовой стабильности.

В Европе процесс унификации и усиления регулирования был запущен значительно позже во многом под влиянием глобализации финансовых рынков. Директивы Европейского союза «О рынках финансовых инструментов» (MiFID I и MiFID II) сыграли ключевую роль в формировании единого европейского финансового пространства. Как отмечает Дж. Мэйсон, после кризиса 2008 года подход регуляторов изменился: вместо того чтобы требовать перевода всех инструментов на классические биржи, они пошли по пути расширения понятия «торговая площадка» (*venue*), включив в него многосторонние (MTF) и организованные торговые системы (OTF). Это позволило распространить требования прозрачности и отчетности на значительный сегмент ранее внебиржевого рынка. Регуляторы (такие как ESMA в Европе) начали активно использовать методы надзора, основанные на анализе больших данных, предъявляя жесткие требования к качеству отчетности.

Сравнительный анализ показывает, что в США и Великобритании исторически сложилась более гибкая система, допускающая значительную роль саморегулируемых организаций (CPO). Однако, как указывает Джонатан Мэйси, процесс демьючуализации бирж (превращения их в публичные компании) создал конфликт интересов: коммерческие биржи, стремясь к максимизации прибыли, могут быть не заинтересованы в жестком надзоре за своими же членами-клиентами. Это ставит под сомнение эффективность традиционной модели саморегулирования и требует пересмотра распределения надзорных функций между биржей и государственным регулятором.

В азиатских странах, таких как Япония и Индия, регулирование характеризуется высокой степенью централизации. Контроль за биржевой торговлей осуществляют различные министерства (финансов, сельского хозяйства и промышленности), а также специализированные агентства.

Эволюция регулирования в России

Российское биржевое законодательство прошло несколько этапов. Первый этап (имперский) характеризовался отсутствием единого кодифицированного акта, регулирование осуществлялось на основе уставов отдельных бирж и разрозненных положений Торгового устава. В советский период биржи были ликвидированы к 1930 году. Возрождение биржевой торговли в 1990-х годах потребовало создания новой правовой базы.

Второй этап (постсоветский) начался с принятием Закона РФ от 20.02.1992 № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле» (сейчас утратил силу) и Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Изначально регулирование носило распределенный характер: функции надзора были возложены на Федеральную комиссию по рынку ценных бумаг (ФКЦБ), позднее преобразованную в Федеральную службу по финансовым рынкам (ФСФР). Однако дуализм регулирования (параллельный контроль со стороны ФСФР и Банка России за кредитными организациями) создавал административные барьеры и различия в требованиях к однородным операциям.

Третий этап (современный) ознаменовался созданием мегарегулятора. В 2013–2014 годах ФСФР была упразднена, а ее полномочия переданы Банку России. Это позволило унифицировать стандарты деятельности для всех участников финансового рынка, повысить эффективность надзора и выработать единые подходы к регулированию системно значимых институтов. Сегодня Банк России выступает не только как надзорный орган, но и как ключевой нормотворец, определяющий правила эмиссии, обращения ценных бумаг и проведения биржевых торгов.

Важным событием последнего времени стала ратификация в июле 2025 года Соглашения о трансграничном допуске ценных бумаг в ЕАЭС. Данный акт предусматривает, что биржи одного государства-члена могут допускать к обращению ценные бумаги эмитентов, зарегистрированных в другом государстве-члене, на условиях национального режима. Это знаменует переход к новому уровню интеграции, требующему гармонизации требований к проспектам эмиссии, раскрытию информации и корпоративному управлению.

Современные тенденции и проблемы

Несмотря на прогресс в развитии законодательства, сохраняется ряд проблем. Во-первых, цифровизация и появление криптовалюты ставят вопрос о распространении биржевого законодательства на новые виды активов. Во-вторых, участие розничных инвесторов требует усиления мер по защите их прав и повышению финансовой грамотности. В-третьих, санкционное давление и необходимость обеспечения экономической безопасности диктуют потребность в совершенствовании механизмов противодействия манипулированию рынком и инсайдерской торговле. Анализ показывает, что роль Банка России как мегарегулятора в этих условиях только возрастает, а законодательство должно оперативно реагировать на появление теневых финансовых схем и новые способы легализации доходов через цифровые активы.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Правовая природа биржевой сделки является сложной и включает два неразрывных

компонента: частноправовой (основанный на встречном волеизъявлении сторон о передаче товара или финансового инструмента) и публично-правовой (обусловленный включением сделки в систему организованных торгов, клиринга и надзора). Признание срочных биржевых сделок объектами правовой защиты в ГК РФ подтвердило их имущественную, а не игровую природу.

Эволюция регулирования биржевых отношений в мире прошла путь от неформальных купеческих обычаев через систему гильдейского саморегулирования к жесткому государственному контролю. Ключевыми факторами, повлиявшими на усиление регулирования, стали биржевые кризисы, потребность в защите прав инвесторов и усложнение финансовых инструментов.

В настоящее время наблюдается конвергенция российского и зарубежного подходов к регулированию. Как в Европе (MiFID II), так и в России прослеживается тенденция к расширению сферы организованных торгов путем включения в нее альтернативных торговых систем. Создание

мегарегулятора в лице Банка России соответствует общемировой практике унификации надзора за всеми сегментами финансового рынка.

Сравнительный анализ моделей регулирования показывает, что англо-саксонская модель сохраняет больше элементов саморегулирования, однако процесс демьючуализации бирж ставит вопрос о пересмотре традиционной роли биржи как частного полицейского. В континентальной и российской моделях доминирующую роль играет публичный регулятор.

Перспективным направлением развития российского биржевого законодательства является реализация положений Соглашения ЕАЭС о трансграничном допуске ценных бумаг, а также адаптация правовых норм к регулированию оборота цифровых финансовых активов. Важным условием эффективности регулирования остается обеспечение высокого качества данных, предоставляемых участниками рынка, и развитие систем риск-менеджмента в клиринговых организациях.

Литература:

1. Биржевое законодательство // Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. — Москва : Проспект, 2023. — С. 112–115.
2. Алхутов, А. В. История правового регулирования биржевой торговли / А. В. Алхутов // Молодой ученый. — 2025. — № 11 (562). — С. 111–114.
3. Лукина, В. Д. Финансово-правовые механизмы обеспечения экономической безопасности финансового рынка России в условиях санкционного давления и цифровой трансформации / В. Д. Лукина, Г. Р. Джантемирова // Journal of Monetary Economics and Management. — 2025. — Специальный выпуск № 1. — С. 116–121.
4. Хачатурова, К. И. Сравнительно-правовой анализ полномочий товарных бирж и регуляторов организаторов торговли по контролю за этическим поведением участников торгов (на примере Великобритании, США, Японии и Индии) / К. И. Хачатурова // Правовой энергетический форум. — 2024. — № 1. — С. 70–81.
5. Фрумкин, К. Джон Мэйсон: «Властям не нравятся внебиржевые инструменты»: интервью / К. Фрумкин // ИнвестФорсайт. — 2018. — 31 окт. — URL: <https://www.if24.ru/dzhon-mejson-interview/> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Федеральный закон от 07.07.2025 № 187-ФЗ «О ратификации Соглашения о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах — членах Евразийского экономического союза». // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509278/ (дата обращения: 08.03.2026).
7. Петров, В. А. Мегарегулирование финансовых рынков Российской Федерации: правовые аспекты и первые итоги функционирования мегарегулятора / В. А. Петров // Рынок ценных бумаг. — 2014. — № 8 (445). — С. 32–34.
8. Федоренко, А. С. Торговая система как организатор торговли: российский и зарубежный опыт / А. С. Федоренко // Законодательство. — 2025. — № 6. — С. 18–25.
9. Павлодский, Е. А. Правовое регулирование сделок на биржевом рынке / Е. А. Павлодский. — Москва : Норма, 2009. — 143 с.
10. Macey, J. R. From markets to venues: securities regulation in an evolving world / J. R. Macey, M. O`Hara // Stanford Law Review. — 2005. — № 58 (2). — P. 563–616.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (часть вторая) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 08.03.2026).
12. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 08.03.2026).
13. Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121888/ (дата обращения: 08.03.2026).
14. Гузнов, А. Г. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2023. — 500 с.
15. Armour, J. Principles of Financial Regulation / J. Armour, D. Awrey, P. Davies et al. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 704 p.

16. Ferrarini, G. *European Securities Markets: The Investment Services Directive and Beyond* / G. Ferrarini. — Kluwer Law International, 1998. — 378 p.
17. Moloney, N. *EU Securities and Financial Markets Regulation* / N. Moloney. — 5th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2023. — 938 p.
18. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436693/ (дата обращения: 08.03.2026).

Участие адвоката на стадии проверки сообщения о преступлении

Поликарпов Тимофей Николаевич, студент

Научный руководитель: Корякина Зинаида Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье проводится комплексный анализ процессуального порядка участия адвоката на стадии проверки сообщения о преступлении в российском уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется критериям допустимости доказательств, полученных в ходе доследственной проверки с участием адвоката. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников формулируются выводы о типичных проблемах правоприменения и предлагаются пути совершенствования процессуального регулирования в данной сфере для повышения гарантий права на квалифицированную юридическую помощь.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, адвокат, защитник, право на защиту, допустимость доказательств, УПК РФ.

Participation of advocate at the stage of verification of a report of a crime

Polikarpov Timofey Nikolaevich, student

Scientific advisor: Koryakina Zinaida Ivanovna, phd in law, associate professor
North-Eastern Federal University named after MK Ammosov (Yakutsk)

This article provides a comprehensive analysis of the procedural framework for lawyer participation during the investigation of a crime report in Russian criminal proceedings. Particular attention is paid to the admissibility criteria for evidence obtained during pre-investigation investigations involving lawyers. Based on an analysis of judicial practice and doctrinal sources, conclusions are drawn regarding typical law enforcement issues and ways to improve procedural regulation in this area are proposed to enhance guarantees of the right to qualified legal assistance.

Keywords: criminal procedure, stage of initiation of criminal case, verification of crime report, lawyer, defender, right to defense, admissibility of evidence, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ в качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката [3].

Право осуществлять защиту на стадии предварительного следствия дается только адвокату.

Регулирование процесса начала участия защитника в уголовном деле ранее до 2017 года трактовалось в части 4 статьи 49 УПК РФ, как: «адвокат допускается к участию в деле», после же, вплоть по настоящее время, в данной части 4 статьи 49 УПК РФ, закреплено, что защитник: «вступает в уголовное дело». Указанные изменения

должны были устранить споры среди ученых-юристов по данному вопросу.

Процессуалисты, инициировавшие указанные изменения, обосновывали такое положение тем, что процесс начала работы защитника в уголовном деле носил разрешительный тон, то есть по слову «допускается», следовало понимать, что следователь решает: допускать ли адвоката к делу или нет [4].

В настоящей же редакции, исходя из положений статьи 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело, когда лицу стало известно том, что ему предъявляется подозрение в совершении преступления, объявлено обвинение, либо применяется мера процессуального предупреждения.

Таким образом, новая редакция ч. 4 ст. 49 УПК РФ имела целью уточнения: защитник действует как само-

стоятельный субъект, которому не нужно разрешение следователя, а лишь договоренность с обвиняемым, и что следователь не имеет права не допустить адвоката для защиты обвиняемого.

Данные изменения были направлены на повышения значимости защитника как самостоятельного субъекта уголовного процесса.

Необходимо обратить внимание о документальном допуске участия адвоката в деле. В законодательстве закреплено, что адвокат должен представить следователю удостоверение и ордер. Удостоверение подтверждает его адвокатский статус, при этом копия удостоверения к материалам дела не приобщается. К материалам уголовного дела приобщается ордер, в нем должно быть прописано основания вступления адвоката, то есть по соглашению либо по назначению. Это обстоятельство имеет важное значение, поскольку предопределяет возможность либо невозможность приглашения для участия в отдельных следственных действиях другого защитника. Адвокат, приобщив к материалам дела ордер, начинает участие в следственных мероприятиях и других процессуальных действий в качестве защитника обвиняемого.

Защитник вступает в производство по уголовному делу:

- с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления;
- с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления;
- с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления;
- с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Реализация полномочий и всей работы начинается с момента вступления к участию в уголовном деле.

Здесь необходимо отметить имеющуюся проблему, возникающую на практике.

В некоторых случаях сбор основного массива информации для дальнейшего построения уголовного дела проводится в рамках проверки сообщения о преступлении, еще до возбуждения уголовного дела в порядке статьи 144 УПК РФ.

На стадии же проверки сообщения о преступлении адвокат не имеет никаких прав, его участие на данной стадии не является обязательным, когда как орган предварительного следствия имеет обширный перечень полномочий.

В соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий [3].

Кроме того, информация, полученная в ходе проверки сообщения о преступлении, может быть использована в качестве доказательств.

Согласно части 1.2 статьи 144 УПК РФ полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ [3].

В рамках проверки сообщения о преступлении как названо выше органам предварительного следствия предоставлены полномочия получать объяснения, при этом участие защитника в ходе дачи объяснений у лица не является обязательным, в связи с чем на практике должностное лицо отбирающее объяснение может просто не впустить в здание где отбирается объяснение адвоката для участия.

В свою очередь лицо у которого берут объяснения не обладающее юридическими познаниями, впервые сталкивающиеся с правоохранительными органами, не может знать последствия сказанного в рамках дачи объяснений, оговорив самого себя.

Однако, как утверждает старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России, кандидат юридических наук В. В. Артемова в своей научной работе: «достаточно сложно говорить о допустимости результатов получения объяснения в качестве доказательств применительно к п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которому к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Подобное требование ставит под сомнение допустимость любого полученного объяснения, поскольку

на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении защитник еще не участвует. Кроме того, не ясно, приравнивает ли в этом случае законодатель участие адвоката при получении объяснения к участию защитника. Также не понятно, будут ли иметь доказательственное значение объяснения лица, данные в присутствии адвоката до возбуждения уголовного дела и не подтвержденные им самим на этапе предварительного расследования и в суде. Указанные доводы свидетельствуют о нецелесообразности распространения требования п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ в качестве критерия недопустимости результатов получения объяснения как доказательства» [1].

Таким образом, по мнению автора данные в ходе проверки сообщения о преступлении объяснения лица не имеют доказательственную базу ввиду того, что они даны без участия защитника.

Однако, не каждое объяснение данное в ходе проверки сообщения о преступлении является недопустимым доказательством по уголовному делу, как указывает старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородская академия МВД России И. А. Шашкина в своей научной работе со ссылкой на судебную практику: «Калининский районный суд Тюменской области при рассмотрении уголовного дела указал на то, что виновность лица помимо имеющихся доказательств также подтверждается диском с аудиозаписями речевого регистратора

службы «112». При производстве осмотра данного диска была установлена запись звонка подсудимого с диспетчером. В ходе разговора подсудимый сообщил о том, что он нанес ножевое ранение потерпевшему. Данный диск в ходе следствия признан вещественный доказательством и сохранил свой «статус» на судебном заседании. В указанных выше практических примерах можем выделить «подмену» объяснения иными видами доказательств. Связано это с тем, что в ст. 74 УПК РФ прямое указание на возможность признания объяснения вещественным доказательством отсутствует. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, объяснения, полученные при проверке сообщения о преступлении, имеют доказательственное значение при получении их с соблюдением требований ст. 144 УПК РФ и рассматриваются как «иные документы». Дополнение перечня доказательств еще одним — «объяснением», оказало бы решающее значение в спорном вопросе, и поставило окончательную точку в вопросе об оценивании объяснения как доказательства по уголовному делу» [2].

Обобщая мнения обоих авторов научных работ следует сделать вывод, что отсутствие законодательного регулирования правового статуса «объяснения» и участие в нем адвоката создает коллизию в правоприменительной практике.

В случае если относить «объяснение» к допустимому доказательству по уголовному делу, как верно утверждает В. В. Артемова, необходим обязательный механизм участия адвоката в дачи объяснений лицом.

Литература:

1. Артемова В. В. Получение объяснения — новый способ проверки сообщения о преступлении // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poluchenie-obyaseniya-novyy-sposob-proverki-soobscheniya-o-prestuplenii>;
2. Шашкина И. А. Объяснение как доказательство в уголовном деле о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Аграрное и земельное право. 2025. № 5.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921
4. Гареева Э.Р. Процессуальное положение защитника в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 8(212). — С. 149

Типология личности участников наркобизнеса

Помелова Юлия Борисовна, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В статье рассматривается криминологическая характеристика личности преступников, участвующих в незаконном обороте наркотиков с целью извлечения материальной выгоды. Мотивы, поведение указанных лиц, устойчивые признаки и тенденции, позволяющие создать целостную картину наркодельца. Автор уделяет внимание факторам, влияющим на формирование личности наркопреступника, подчеркивает особую роль корысти как основного движущего мотива совершения преступлений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: портрет личности наркопреступника, мотивация, курьер, незаконный оборот наркотических средств, корысть, криминологическая характеристика, наркопреступность, сбыт и распространение наркотиков, наркозависимость, притон.

Криминологический профиль лиц, вовлеченных в криминальную деятельность, представляет собой сложное сочетание разных типов личностей. Прежде всего, выделяются две ключевые группы, каждая из которых имеет свою специфику мотивации и поведения.

Первая категория — это лица, страдающие наркотической зависимостью. Их поступки продиктованы, главным образом, зависимостью к запрещенным веществам. Это тяжелое состояние характеризуется как физиологической потребностью, так и глубокими психологическими проблемами, возникающими вследствие длительного употребления наркотиков. Такие преступники часто совершают кражи, грабежи или мошенничества лишь для того, чтобы добыть деньги на очередную дозу.

Вторая группа представлена профессиональными участниками криминального мира, занятыми в наркобизнесе. Эти люди действуют осознанно и целенаправленно. Руководствуются исключительно жадой наживы. Они организуют поставки, распределяют товар, занимаются финансовыми операциями и управляют целыми сетями сбыта наркотиков. Для многих из них участие в таком бизнесе становится способом быстрого обогащения, несмотря на серьезные риски и возможные последствия перед законом. Важно подчеркнуть, что данные лица, сами не употребляют запрещенные вещества, однако играют активную роль в нелегальном обороте наркотиков, ориентируясь исключительно на получение прибыли. [1]

Исследование личностных качеств указанных субъектов имеет ключевое значение для эффективной работы сотрудников правоохранительных структур. Это способствует разработке конкретных, реально действующих тактико-криминалистических мер реагирования, нацеленных на предупреждение, выявление и предотвращение наркопреступлений. Реализуемые задачи способствуют повышению продуктивности ОРМ. А также позволяют более эффективно противостоять преступным объединениям, занятым оборотом наркотических веществ.

Учитывая роль участников в рамках криминального процесса, связанного с незаконным оборотом наркотиков, следует выделить следующие группы правонарушителей:

1. *Руководитель (организатор) наркогрупп* — его профессиональная деятельность направлена на организацию и дальнейшее наблюдение за лицами, причастными к деятельности структур, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Это одна из самых серьезных криминальных угроз гражданскому обществу, подрывающая основные социальные и личные ценности. Обычно, организаторы — люди старшего возраста, имеют богатый криминальный опыт и прекрасно разбираются в нюансах черного рынка наркотиков. Основная сфера их деятельности — финансирование преступных организаций и получение нелегальных доходов. Нередко организатор вовсе не принадлежит непосредственно к криминальной среде, происходя из привилегированных социальных кругов и категорически отвергает любую связь с наркобизнесом. Его харак-

теризуют деловая хватка, высокий уровень образования, сильная воля, непререкаемый авторитет среди участников группы и далеко за её пределами, а также глубоко укоренившаяся антиобщественная позиция. Наркотоорговцы, находящиеся под руководством таких лидеров, способны оказывать мощное психологическое давление на окружающих, грамотно координируя и контролируя их действия. Этот аспект существенно повышает общественную опасность организованной наркопреступности.

2. *Распространители наркотических средств* — на разных уровнях рынка (крупнооптовом, мелкооптовом и розничном). Речь идёт о конкретных людях, непосредственно осуществляющих продажу запрещённых препаратов. Зачастую они сами являются наркозависимыми, ранее были привлечены к уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением и употреблением наркотиков, и располагают широкими связями в криминальной среде.

3. *Изготовитель наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов*. Чаще всего в составах преступных групп, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, встречаются лица с серьёзной образовательной базой — выпускники направлений «химик-технолог» и «фармацевт». В эту же категорию можно отнести и тех, кто культивирует наркосодержащие растения: среди них встречаются люди с относительно низким уровнем образования, занятые в сельском хозяйстве, а также лица без образования. Эти профили формируют неоднородный криминологический портрет — от организации технологических процессов до обеспечения аграрной базы и распространения продукции. Их участие усложняет криминологическую и уголовно-правовую квалификацию преступлений

4. *Маркетолог (рекламщик)* — это фигура, которую еще можно назвать распространитель-пропагандист. Он предоставляет запрещённые препараты бесплатно, часто прибегая к манипуляциям и обману. Многие из них впоследствии становятся активными продавцами наркотиков, особенно если аудитория, привлечённая подобными методами продвижения, приобретает стойкую зависимость.

5. *Владелец притона* — это лицо, предоставляющее помещение для потребления наркотиков и психотропных веществ, иными словами — содержатель или арендодатель наркопритона. Значительную роль играет статус такого заведения, поскольку именно он влияет на квалификацию действий организатора с точки зрения уголовного законодательства. Выделяют два основных типа: элитный и низкосортный. Особенность премиум-класса притонов заключается в том, что их посещают представители элиты, предпочитающие высококачественные наркотические средства, обеспечивая владельцу существенный доход. Нередко владелец элитного притона сам является известной фигурой среди завсегдаев, а порой и публичной персоной. Подобные места размещаются в престижных заведениях: клубах, ресторанах, казино, спа-салонах и массажных кабинетах. Премиум-классовые притоны зачастую нахо-

дятся под покровительством сотрудников полиции или иных госслужащих. Что касается низкобюджетных приютов, то там собираются потребители менее качественных и недорогих наркотиков. Владельцы таких заведений нередко предоставляют жилье за символическую плату или получают долю товара взамен. Сами владельцы, как правило, зависят от наркотиков и ранее имели судимость за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Некоторые из них участвуют в перевозке или продаже наркотиков. Один организатор наркопритона способен привлечь до десятка новых потребителей.

6. *Провокаторы.* Это лица, склоняющие других к потреблению наркотических средств или психотропных веществ. Как правило, речь идёт о мужчинах, но региональные данные могут отличаться. Наибольшую активность в вовлечении в потребление демонстрируют лица старшего возраста. Их авторитет и жизненный опыт позволяют им психологически воздействовать на зависимых. С юридической точки зрения такие деяния подпадают под квалификацию преступлений, связанных с вовлечением в потребление и распространение наркотиков. А также в зависимости от конкретной схемы — организацию вовлечения. Часто эти лица действуют в составе организованных групп, формируя сеть потребителей.

Помимо прочего, можно выделить еще несколько специфических типов преступников, причастных к наркообороту. Среди них выделяются:

— злоумышленники, чьи действия направлены на присвоение чужой собственности посредством кражи или шантажа наркотиков и психотропных веществ, сами пострадавшие от зависимости;

— участники рынка законных наркотических средств и психотропных веществ, выступающие в роли должностных лиц;

— сборщики денежных средств («берущие»), регулярно собирают деньги у большого числа наркозависимых лиц для закупки крупных партий наркотиков у определённых поставщиков. По сути, играют роль посредников-покупателей, аккумулирующих финансовые ресурсы целой сети потребителей;

— лица, занимающиеся легализацией доходов («отмыватели выручки») — это номинальные директора банков, кредитных организаций и прочих коммерческих предприятий, которые фактически способствуют легализации денег, полученных от реализации наркотиков, вводя их в официальный экономический оборот;

— организаторы-контролеры («кураторы»), которые оказывают поддержку другим участникам криминального бизнеса, особенно организаторам, защищая их от уголовных преследований и конкуренции.

Лица, занимающиеся торговлей наркотиками ради личной выгоды, обычно демонстрируют ярко выраженную антисоциальную направленность и девиантное поведение. Их мотивация основана исключительно на личном обогащении, даже если это требует нарушения закона, этики и общепринятых норм поведения. Такие правонарушители отличаются упорством и мобильностью. Способные мгновенно адаптироваться к любым обстоятельствам. Они постоянно ищут новые пути для расширения своего влияния и увеличения доходов. Такая динамика создаёт особые трудности в борьбе с наркопреступностью. Анализ характерных черт, присущих этой группе, помогает формировать более эффективные меры против наркотрафика. Оперативным работникам важно регулярно улучшать методы выявления и пресечения данных преступлений. А также разрабатывать новые формы межведомственного взаимодействия и формирования негативного отношения к такому образу жизни.

Литература:

1. Курындина А. Н. Криминологическая классификация и типология личности лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2008 -№ 3 (6). — С. 82–88.
2. Нугаева Э. Д. Некоторые криминологические аспекты личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 2 (10). С. 62–68.
3. Тихомирова О. В. Криминологическая характеристика личности преступника, действующего в сфере незаконного оборота наркотических средств / О. В. Тихомирова // Молодой ученый. — 2019. — № 1 (239). — С. 123–126.

Договорные конструкции в сфере строительства объектов недвижимости

Потапов Никита Денисович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья исследует договорные конструкции, по которым участники строительного проекта распределяют функции, риски и ответственность при создании объектов недвижимости. Центральное место занимает договор строительного подряда, при этом его применение часто дополняется договорами проектирования, поставки и монтажа оборудования,

инженерного сопровождения и управленческого обслуживания. Особо выделены смешанные договоры, квалификация комплексных соглашений, возможные риски, связанные с технической документацией, дополнительными работами, приёмкой результата работ и гарантийными сроками. Сформулированы рекомендации по проектированию договорной архитектуры проекта с учётом норм ГК РФ и ГрК РФ.

Ключевые слова: строительство, объект капитального строительства, строительный подряд, проектные и изыскательские работы, технический заказчик, генеральный подряд, смешанный договор, приёмка результата работ, гарантийный срок.

Contractual structures in real estate construction

Potapov Nikita Denisovich, master's student
Kazan (Volga region) Federal University

The article examines contractual arrangements under which participants in a construction project distribute functions, risks and responsibilities in the creation of real estate objects. The central place is occupied by the construction contract, the application of which is often supplemented by contracts for design, supply and installation of equipment, engineering support and management services. Particular attention is paid to mixed contracts, the classification of complex agreements, possible risks associated with technical documentation, additional work, acceptance of work results and warranty periods. Recommendations are formulated for designing the contractual architecture of a project, taking into account the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Construction Code of the Russian Federation.

Keywords: construction, capital construction project, construction contract, design and survey work, technical customer, general contract, mixed contract, acceptance of work results, warranty period.

Введение

Строительство капитальных объектов недвижимости сочетает в себе наибольшее число различных договоров (контрактов).

Даже при простом и быстром проекте участники используют набор договоров, которые поэтапно обеспечивают всю деятельность по реализации проекта, а именно: проектирование, строительство, поставку оборудования, ввод объекта в эксплуатацию. Множественность договоров и их сложность объясняется тем, что гражданское право в данной сфере работает в условиях публичных ограничений, заданных градостроительным и техническим регулированием. Наличие обязательных процедур и документов не отменяет свободу договора, однако чётко регламентирует поведение сторон и повышает требования, предъявляемые к сторонам.

Цель исследования состоит в раскрытии понятия и состава договорных конструкций в сфере объектов капитального строительства, а также в выработке практических ориентиров по их выбору и оформлению. Объектом выступают обязательственные отношения, возникающие при создании объектов капитального строительства. Предметом являются модели договорного оформления обязанностей участников строительства, включая смешанные и непоименованные договоры. Теоретическая база опирается на работы российских цивилистов и исследования, посвящённые договорной технике в строительстве [4; с. 17–33], [12; с. 28–33].

Научная новизна выражается в систематизации договорных конструкций через систему оценивания обязательств участника строительства и в предложении критериев разграничения подряда и услуг при комплексном

сопровождении строительства. Практическая значимость заключается в возможности использовать предложенную модель как чек-лист при разработке договорной документации для застройщика, технического заказчика и подрядных организаций.

1. Нормативные основы договора и пределы свободы договора

Общие начала обязательственного права задают основу для любого строительного договора. Обязательства подлежат надлежащему исполнению по условиям договора и требованиям закона, а при отсутствии таких условий по обычаям или иным обычно предъявляемым требованиям (ст. 309 ГК РФ). Односторонний отказ от исполнения и одностороннее изменение условий не допускаются, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 1 ст. 310 ГК РФ).

Стороны вправе заключать как поименованные договоры, так и непоименованные договоры при соблюдении общих правил гражданского законодательства (п. 2 ст. 421 ГК РФ). Допускается и смешанный договор, когда в одном документе соединяются элементы разных договоров и применимые нормы определяются по составу элементов (п. 3 ст. 421 ГК РФ).

Градостроительный кодекс РФ определяет строительство как создание зданий, строений, сооружений (п. 13 ст. 1 ГрК РФ). Реконструкция означает изменение параметров объекта и замену или восстановление несущих конструкций (п. 14 ст. 1 ГрК РФ). Капитальный ремонт направлен на замену или восстановление конструкций и инженерных систем (п. 14.2 ст. 1 ГрК РФ).

Застройщик вправе передать функции технического заказчика (п. 16 ст. 1 ГрК РФ). Технический заказчик уполномочен заключать договоры и совершать действия от имени застройщика в пределах полномочий (п. 22 ст. 1 ГрК РФ).

Цена, смета и порядок расчётов как элемент договорной конструкции

Цена в строительстве не выполняет роль простой денежной суммы. Она служит инструментом распределения рисков и стимулов. Правовая рамка допускает согласование цены через смету, а также согласование порядка оплаты по этапам, авансом или после сдачи результата (п. 1 и п. 2 ст. 746 ГК РФ). В зависимости от выбранной модели меняется доказательственная нагрузка при споре о стоимости работ.

В практике часто встречается фиксированная цена, которая выглядит как способ «заморозить» риск удорожания. Однако фиксированная цена не устраняет реальность дополнительных работ. Если при исполнении выявляются неучтённые работы, подрядчик обязан уведомить заказчика и действовать по правилам статьи 743 ГК РФ, иначе у него исчезает право на оплату таких работ (п. 3 и п. 4 ст. 743 ГК РФ).

Для заказчика риск связан с тем, что дополнительная работа может быть представлена как безальтернативная. В такой ситуации процесс уведомления и фиксации позиции позволяет заказчику принять решение, отказаться от части работ либо согласовать новую цену. Поскольку закон связывает последствия с уведомлением, полезно задавать канал и форму уведомления, чтобы исключить спор о том, было ли сообщение получено.

Если смета и техническая документация сформулированы расплывчато, заказчик рискует получить претензию о доплате, а подрядчик рискует столкнуться с отказом во взыскании оплаты, потому что не доказал, что работа выходила за согласованный объём.

Порядок расчётов обычно увязан с приёмкой. Если оплата производится после сдачи результата, споры о подписании актов автоматически превращаются в споры о денежном обязательстве. Чтобы снизить риск задержки оплаты, в договорной конструкции используют этапность и частичную приёмку, закрепляя документы, подтверждающие объём и качество выполненных работ.

Для подрядчика ключевым инструментом защиты выступает документирование объёма работ и согласование изменений. Для заказчика ключевым инструментом является контроль качества и права на удержание оплаты при наличии мотивированных замечаний. Эти элементы напрямую связаны с правом заказчика контролировать ход и качество работ, не вмешиваясь в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика (ст. 748 ГК РФ).

В строительных проектах, где присутствует несколько контуров финансирования, например банк, инвестор и застройщик, договорная конструкция должна учиты-

вать риски задержки платежей, которые не всегда зависят от подрядчика. Поскольку денежное обязательство подлежит исполнению надлежащим образом, заказчику важно заранее описать порядок подтверждения оснований для оплаты, а подрядчику важно получить ясный критерий наступления срока платежа (ст. 309 ГК РФ).

Сроки, приостановка работ и ответственность за нарушение обязательств

Сроки в строительстве формируют не только календарный ориентир, но и распределение рисков по всей цепочке участников проекта. Просрочка одного исполнителя нередко приводит к просрочке последующих исполнителей и приводит к просрочке сдачи объекта, задержке ввода в эксплуатацию. Поэтому в договорной конструкции срок должен быть связан с этапностью, условиями доступа на площадку и с перечнем документов, без которых этап не может считаться завершённым.

Общая обязанность надлежащего исполнения означает, что сторона должна исполнять договор так, как он согласован, и не вправе переносить сроки по своему усмотрению (ст. 309 ГК РФ). Одностороннее изменение условий допускается только при наличии оснований в законе или договоре (п. 1 ст. 310 ГК РФ). Следовательно, в договоре полезно прямо описывать, какие обстоятельства дают право изменить график и как оформляется такое изменение.

Закон предусматривает механизм остановки работ, если продолжение работ без согласования ведёт к увеличению сметы или к риску ухудшения результата. В частности, при выявлении дополнительных работ подрядчик обязан уведомить заказчика и при отсутствии ответа приостановить работы, иначе он теряет право на оплату таких работ (п. 3 и п. 4 ст. 743 ГК РФ). Эта модель показывает, что приостановка является не «капризом» подрядчика, а юридически значимым способом защитить интересы обеих сторон.

В договорной практике приостановка часто связана не с дополнительными работами, а с отсутствием исходных данных, задержкой доступа на объект или неготовностью фронта работ. В таких случаях правовая конструкция опирается на обязанности заказчика создать условия для выполнения работ и на обязанность содействовать выполнению работ. При отсутствии закреплённого содействия подрядчик сталкивается с проблемой доказательства причин просрочки.

Особый блок составляет ответственность за просрочку. В строительстве широко применяются договорные неустойки, что согласуется с диспозитивностью конструкции неустойки (ст. 330 ГК РФ). Если кредитор требует возмещения убытков, действует правило о соотношении убытков и неустойки, которое определяется законом или условиями договора (ст. 394 ГК РФ). С точки зрения договорной техники важно избегать двойного взыскания в форме неустойки и убытков, если договор не предусматривает кумулятивную модель.

При просрочке денежного обязательства заказчик может быть обязан уплатить проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ). Это правило часто игнорируется в строительных договорах, хотя именно денежная просрочка становится причиной «разрыва» финансирования и последующих остановок работ. Поэтому условия оплаты должны быть согласованы так, чтобы не создавать неопределённости в моменте наступления срока платежа.

Ответственность тесно связана с доказательствами. Если в договоре нет процедуры фиксации препятствий, сторонам сложно доказать, какая именно причина привела к срыву графика. Доктрина договорного права подчёркивает, что качество договорной техники в части уведомлений и документирования препятствий часто определяет исход спора больше, чем общие формулировки о форс-мажоре [12; с. 141–156].

Практическая рекомендация состоит в том, чтобы привязать сроки к конкретным документам и к конкретным действиям. Например, начало этапа можно связывать с передачей площадки по акту и с предоставлением утверждённой версии проектной документации, а завершение этапа связывать с передачей исполнительной документации и подписанием акта. Такая связка снижает риск «плавающих» сроков и делает спор проверяемым.

Приёмка результата, качество работ и доказательственная архитектура спора

Приёмка результата в строительстве влияет на переход риска, на возникновение обязанности оплатить работу и на возможность ссылаться на недостатки. В договорной конструкции приёмка должна быть описана так, чтобы отражать реальные стадии готовности объекта.

Общие правила подряда возлагают на заказчика обязанность осмотреть и принять выполненную работу с участием подрядчика и немедленно заявить о недостатках, если они обнаружены при приёмке (п. 1 ст. 720 ГК РФ). Это означает, что «молчаливая» приёмка повышает риск утраты заказчиком аргументов по явным недостаткам.

Если заказчик обнаружил недостатки при приёмке, он вправе ссылаться на них, когда в акте или ином документе о приёмке были оговорены недостатки либо возможность последующего предъявления требований об их устранении (п. 2 ст. 720 ГК РФ). Поэтому акт приёмки не должен быть чисто бухгалтерским документом, он должен фиксировать юридически значимые оговорки и недостатки.

Заказчик, принявший работу без проверки, как правило, лишается права ссылаться на явные недостатки, которые могли быть установлены при обычном способе приёмки (п. 3 ст. 720 ГК РФ). В строительной практике это правило стимулирует заказчика применять входной контроль и промежуточные проверки, а не откладывать оценку качества до финального акта.

Скрытые недостатки имеют иной режим. Заказчик обязан известить подрядчика о скрытых недостатках в разумный срок по их обнаружении (п. 4 ст. 720 ГК РФ). Это правило делает важным фиксировать дату обнаружения дефекта и содержание уведомления, иначе спор переходит в область оценочных суждений о разумности срока.

Если между сторонами возникает спор о недостатках или их причинах, по требованию любой стороны должна быть назначена экспертиза (п. 5 ст. 720 ГК РФ). Распределение расходов на экспертизу зависит от результата. Эта норма важна для договорной техники, поскольку показывает, что доказательство качества часто требует профессионального исследования, а не переписки сторон.

Для строительного подряда действует специальное правило о сдаче и приёмке работ. Сдача результата работ подрядчиком и приёмка его заказчиком оформляются актом, подписанным обеими сторонами. При отказе одной из сторон от подписания акта в нём делается отметка об этом и акт подписывается другой стороной (п. 4 ст. 753 ГК РФ). Односторонний акт может быть признан судом недействительным лишь при обоснованности мотивов отказа от подписания.

Качество результата подряда связано с последствиями недостатков. Заказчик вправе требовать безвозмездного устранения недостатков, уменьшения цены или возмещения расходов на устранение недостатков при наличии соответствующего права, если работа выполнена с отступлениями от договора или иными недостатками, ухудшающими результат (п. 1 ст. 723 ГК РФ). Подрядчик вправе вместо устранения недостатков безвозмездно выполнить работу заново с возмещением убытков, вызванных просрочкой исполнения (п. 2 ст. 723 ГК РФ).

В доктринальном плане приёмка рассматривается как зона, где юридические последствия зависят от точности процедуры и от качества документации. Если договор не задаёт понятную процедуру, суд применяет общие правила и оценивает фактическое поведение сторон, что увеличивает неопределённость. Поэтому договорная конструкция должна включать сроки рассмотрения актов, порядок мотивированных замечаний и правила допуска к повторной проверке.

2. Договорная конструкция и классификация договоров строительства объектов недвижимости

Договорная конструкция представляет собой модель распределения прав и обязанностей, которая может быть реализована через поименованный договор, смешанный договор или непоименованный договор. В зачатку группируются договоры по обязанностям (функции). Доктрина предлагает анализ по стадиям проекта, включая организацию, проектирование, выполнение работ, завершение и ввод объекта в эксплуатацию.

Разграничение по обязанностям помогает различать ситуации, когда сторона ожидает результат в натуре, и ситуации, когда важнее факт управления строительством.

Для разграничения имеет значение степень ответственности исполнителя за достижение измеримого результата.

3. Договор строительного подряда

По договору строительного подряда подрядчик обязуется построить объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать условия для выполнения работ, принять результат и оплатить его (п. 1 ст. 740 ГК РФ). Правила о строительном подряде применяются и к работам по капитальному ремонту зданий и сооружений, если стороны не согласовали иное (п. 2 ст. 740 ГК РФ).

Предмет договора раскрывается через техническую документацию и смету. Подрядчик обязан выполнять работы в соответствии с технической документацией и сметой (п. 1 ст. 743 ГК РФ), а договор должен определить состав и содержание документации и сторону, которая её предоставляет (п. 2 ст. 743 ГК РФ).

При обнаружении дополнительных работ подрядчик уведомляет заказчика и при отсутствии ответа обязан приостановить работы, а убытки от простоя относятся на заказчика при условии, что заказчик не докажет отсутствие необходимости дополнительных работ (п. 3 ст. 743 ГК РФ). Если подрядчик не исполнил обязанность уведомления, он утрачивает право требовать оплаты дополнительных работ, кроме случая доказанной необходимости немедленных действий в интересах заказчика (п. 4 ст. 743 ГК РФ). Практика рассматривает эту процедуру как ключевой фильтр [11].

Риск случайной гибели объекта до приёмки несёт подрядчик (п. 1 ст. 741 ГК РФ), допускается страхование рисков (ст. 742 ГК РФ). Подрядчик гарантирует нормальную и эффективную эксплуатацию в течение гарантийного срока (п. 1 ст. 755 ГК РФ), а предельный срок обнаружения недостатков строительных работ составляет пять лет (ст. 756 ГК РФ).

4. Проектирование и изыскания

По договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ подрядчик обязуется разработать техническую документацию и или выполнить изыскания, а заказчик обязуется принять и оплатить результат (ст. 758 ГК РФ). Строительство и реконструкция осуществляются в соответствии с проектной и рабочей документацией (ч. 1.2 ст. 52 ГрК РФ). Эти нормы делают качество документации ключевым фактором нормального функционирования проекта и одним из ключевых доказательств в суде.

Если проектирование и строительство объединены в одном договоре, речь идёт о смешанной конструкции по п. 3 ст. 421 ГК РФ. В таком случае необходимо разделить режим ответственности за проектную ошибку и за дефект строительных работ, иначе спор не будет квалифицирован надлежащим образом и в судебном разбиратель-

стве есть риск дополнительных расходов на проведение судебной экспертизы [12; с. 28–33].

5. Генеральный подряд и субподряд

Подрядчик вправе привлечь субподрядчиков, если обязанность личного исполнения не установлена законом или договором (п. 1 ст. 706 ГК РФ). Генеральный подряд удобен для заказчика, поскольку концентрирует ответственность, однако требует от подрядчика развитой системы контроля. В доктрине подчёркивается, что современный генеральный подряд имеет управленческую природу и формирует стоимость через организацию процесса.

6. Технический заказчик и управленческие договоры

Технический заказчик действует от имени застройщика в пределах полномочий (п. 22 ст. 1 ГрК РФ). В гражданско-правовой плоскости отношения оформляются договорами услуг, агентскими договорами, поручением или смешанными соглашениями. Квалификация зависит от того, принимает ли исполнитель риск результата. При построении договора с техническим заказчиком важно фиксировать пределы полномочий.

7. Смешанные договоры и их квалификации

Смешанные договоры допустимы (п. 3 ст. 421 ГК РФ) и широко применяются при объединении проектирования, поставки, монтажа и наладки оборудования. Для надлежащей квалификации и для успешного ведения дела в судебном порядке в смешанных договорах необходимо чётко разграничивать и указывать конкретные сроки, описание приёмки и ответственности по каждому элементу, указанному в Договоре. Приоритет элементов определяется через нужды и интерес заказчика, а не через название документа и его глав (разделов).

8. Специальные режимы

Договор участия в долевом строительстве подчинён обязательным требованиям Федерального закона № 214-ФЗ. Попытка обойти обязательные условия повышает риск применения статьи 168 ГК РФ о недействительности условий, противоречащих закону.

Концессионные соглашения регулируются Федеральным законом № 115-ФЗ, а соглашения о государственно-частном партнёрстве регулируются Федеральным законом № 224-ФЗ. Эти конструкции соединяют строительство и эксплуатацию, что усиливает роль распределения рисков.

При строительстве для публичных нужд применяются Федеральный закон № 44-ФЗ и Федеральный закон № 223-ФЗ. Они задают процедурные ограничения, которые влияют на возможность изменения условий договора.

Заключение

Строительный проект в гражданском обороте оформляется не одним документом, а связкой соглашений, которые покрывают разные стадии и разные роли участников. Свобода договора позволяет сторонам собирать такую схему под конкретную задачу, включая непоименованные и смешанные модели, при соблюдении общих начал гражданского законодательства (п. 2, п. 3 ст. 421 ГК РФ). При этом содержание договоров неизбежно «соприкасается» с градостроительными дефинициями и режимами, поскольку ГрК РФ различает строительство, реконструкцию и капитальный ремонт (п. 13, п. 14, п. 14.2 ст. 1 ГрК РФ) и требует вести строительство и реконструкцию по проектной и рабочей документации в предусмотренных законом случаях (ч. 1.2 ст. 52 ГрК РФ).

Ключевую нагрузку в такой схеме несёт договор строительного подряда, потому что он направлен на создание результата в натуре и даёт правовые инструменты для контроля объёма и стоимости работ. Предмет раскрывается через техническую документацию и смету, а порядок дополнительных работ строится на уведомлении заказчика и возможной приостановке при отсутствии согласия, иначе подрядчик рискует утратить право на оплату (п. 1–4 ст. 743 ГК РФ). Логика расчётов привязана к модели оплаты, которую стороны выбирают в договоре, включая оплату по этапам или после сдачи результата (п. 1, п. 2 ст. 746 ГК РФ). На стороне качества и приёмки действуют процессуальные правила, которые определяют доказательства в споре, включая обязанности заказчика при осмотре и заявлении недостатков (п. 1–5 ст. 720 ГК РФ) и механизм акта приёмки в строительном подряде, в том числе при уклонении стороны (п. 4 ст. 753 ГК РФ). Последствия недостатков опираются на выбор требований заказчика и на право подрядчика заменить устранение повторным выполнением (п. 1, п. 2 ст. 723 ГК РФ). Гарантийная часть должна учитывать как гарантийный срок (п. 1, п. 2 ст. 755 ГК РФ), так и предельный срок выявления

дефектов строительных работ (ст. 756 ГК РФ). Общие правила исполнения и изменения обязательств остаются «фоном» для всех стадий проекта (ст. 309 ГК РФ, п. 1 ст. 310 ГК РФ).

Отдельного внимания требует управленческий слой. Генеральный подряд как модель концентрации ответственности возможен при привлечении субподрядчиков (п. 1 ст. 706 ГК РФ), но он работает предсказуемо только тогда, когда в договоре закреплён порядок контроля, документооборот и приёмка промежуточных результатов. Фигура технического заказчика допустима и в градостроительном смысле, поскольку он вправе действовать от имени застройщика в пределах полномочий (п. 22 ст. 1 ГрК РФ), однако гражданско-правовая оболочка должна точно отражать реальный характер обязанностей. Если лицо фактически обещает достижение результата, формула «оказание услуг» создаёт риск неверной квалификации и спора о применимых нормах. При работе через представительство критично очертить пределы мандата, иначе возникает уязвимость по правилам о полномочиях представителя (п. 1 ст. 182 ГК РФ).

Смешанные соглашения в строительстве правомерны, но требуют «разведения» элементов по режимам ответственности, срокам и приёмке, иначе спор о поставке, монтаже и качестве превращается в один конфликт без ясных критериев оценки (п. 3 ст. 421 ГК РФ). В сегментах со специальным регулированием договорная свобода сужается, что видно на примере долевого строительства по 214-ФЗ, концессионных соглашений по 115-ФЗ, ГЧП по 224-ФЗ и закупочных режимов 44-ФЗ и 223-ФЗ. Попытка заменить обязательные требования «частными» оговорками создаёт риск недействительности условий, которые противоречат закону (ст. 168 ГК РФ). Практический итог исследования состоит в том, что проект целесообразно начинать с распределения функций и рисков между участниками, затем закреплять документацию, порядок изменений, приёмку и гарантийные механизмы так, чтобы они совпадали с моделью ГК РФ и требованиями ГрК РФ.

Литература:

1. Ананченко А. Ю. Правовое и нормативно-техническое обеспечение градостроительной деятельности: учебное пособие. СПб.: 2020. 170 с.
2. Башарин А. В. Шагающие дома. К возможности перемещения объектов капитального строительства в российском праве. Закон. 2020. № 11. С. 183–195.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011. 1056 с.
4. Витрянский В. В. Договор строительного подряда и иные договоры в сфере строительства. Хозяйство и право. 2005. № 7. С. 17–33.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
7. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.
8. Ершов О. Г. Предпринимательский договор в строительстве: о допустимости теоретической модели и основных направлениях ее исследования. Электронный ресурс.
9. Жаркова О. А. «Оборот» объекта капитального строительства. Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 1. С. 65–75.

10. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ.
11. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда».
12. Карапетов А. Г. и др. Договорное и обязательственное право (общая часть): комментарий к статьям 307–453 ГК РФ. М.: М-Логос, 2017. 1560 с.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с изменениями, одобренными 01.07.2020.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».
16. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».
17. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».
18. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
19. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».
20. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: 2011. 320 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 10 (613) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.03.2026. Дата выхода в свет: 25.03.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.